

СЕМИК И ТРОИЦА

в народной культуре
Приенисейской Сибири

Министерство культуры Красноярского края
Краевое государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный центр народного творчества Красноярского края»

СЕМИК И ТРОИЦА

в народной культуре Приенисейской Сибири

*Фольклорно-этнографические материалы
Семантика обрядовых действий*

Красноярск
2012

ББК 63.5 (2Рос–4Крн)

С 30

С 30 Семик и Троица в народной культуре Приенисейской Сибири: фольклорно-этнографические материалы. Семантика обрядовых действий / сост. Н.А. Новоселова. – Красноярск: ГЦНТ; Класс Плюс, 2012. – 212 с.

Составление, предисловие, примечания, сбор материала и подготовка текста – Н.А. Новоселова

Книга знакомит с обрядами Семицко-Троицкой недели, их семантикой, эволюцией и проявлениями в локальных традициях Красноярского края, вводит в культурный и научный оборот новый полевой материал по данной теме, собранный в фольклорных экспедициях в 1983–2005 гг.

Сборник адресован работникам культуры, преподавателям, студентам и широкому кругу читателей.

На обложке: репродукция картины Д.О. Осипова «Две девушки в день Семика».

© Краевое государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный центр народного творчества Красноярского края», 2012
© Новоселова Н.А., 2012

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Дорогие читатели!

Эта книга продолжает знакомить вас с народным календарем Енисейской губернии. Данная сфера народной культуры уже освещалась нами в ряде изданий. Так, Святкам Енисейской губернии был посвящен сборник «Пришла Коляда накануне Рождества» (1995 г.). Календарный период от Святок до Ивана Купалы представлен в книге «Солнцеворот» (2005 г.). Вторая половина календарного года описана в следующем томе «Солнцеворота», изданном в 2008 году. Названные издания освещали **стабильные** даты календаря с сопутствующими им обрядовыми действиями и фольклором.

Однако в годовом календарном цикле имеются не только стабильные, но и смещающиеся праздники, о которых в народе говорят «не держат числа». Празднование таких дат зависит от Пасхи, которая, как известно, сдвигается. Перед публикаторами календарных обрядов возникает проблема: как совместить в издании подвижную и константную части. В том случае, если материала о «переходных» праздниках немного, его нередко помещают в конце книги или подборки. Так, в частности, поступили В.И. Даль и И.П. Калинский, поместившие в конце своих «Месяцесловов» сведения о смещающихся датах [Даль 1957, с. 901–904; Калинский 1997, с. 166–202]. Подобный принцип использовал и А.А. Макаренко, первый этнограф, описавший народный календарь Енисейской губернии. В книге «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении» (1913 г.). А.А. Макаренко приводит сведения о подвижных датах после освещения всего годового цикла. Но у А.А. Макаренко было немного материала о переходных праздниках, и описание Семика и Троицы заняло всего четыре страницы, органично вписавшись в композицию книги.

Наши издания охватывают обрядовую сферу почти всего края, кроме того, мы стараемся объяснить смысл обрядовых действий. Многие из них трактуются учеными дискуссионно, и мы считаем необходимым познакомить читателя с разными точками зрения. Все это приводит к разрастанию текста книги. Поэтому освещение

подвижных дат: Масленицы, Пасхи и Троицы – потребовало отдельных изданий. Первой в этом ряду логично стала книга «Сибирская Масленица» (2010 г.). Следующие за Масленицей подвижные даты Великого поста (Средокрестная неделя, Чистый четверг, Вербное воскресенье) освещены нами в монографии «Ранний период Приенисейской весны в обрядах, труде и фольклоре» (2005 г.).

Издание, которое вы держите в руках, освещает обряды Семицко-Троицкой недели, отмечаемой на седьмой неделе после Пасхи. Книга включает обряды и фольклор двух праздников – древнего языческого Семика и христианской по происхождению Троицы.

Семицко-Троицкая неделя была очень важной в народной культуре. Как и другие крупные праздники, она имела рубежный смысл, отмечая границу между весной и летом. Кроме того, Семик имел сложную мифологическую основу, обусловившую разные по направленности обряды. Некоторые обрядовые действия Семицко-Троицкой недели имеют сходство с магическими практиками купальского периода. Поэтому в отдельных местностях центральной России семицко-троицкие и купальные обряды объединялись в общий цикл. Иногда в этот цикл включались и более ранние обряды праздника Вознесения. По этому поводу исследовательница Т.А. Бернштам пишет: «Обряды Вознесенья, Семика, Троицы не отделялись четко от ивановских и петровских, а при подвижности пасхалии нередко исливались с ними в единый цикл» [Бернштам 1988, с. 174]. Экспедиционная работа и анализ дореволюционных материалов убеждают, что в старожильческих районах нашего края такого объединения не возникло. Основное количество обрядов вобрала Семицко-Троицкая неделя, купальский же цикл оказался очень редуцированным.

В нашей книге представлены две даты. Исторически более ранним по происхождению являлся древний языческий Семик. После принятия Русью христианства древние обряды Семика постепенно переносились на Троицу. Исследователи отмечают, что в некоторых местностях «этот процесс к XIX веку полностью завершился: Троица впитала в себя всю обрядность Семика. В других регионах обрядовые действия по-прежнему раскладывались на Семик

и Троицу» [Шангина 2004, с. 124]. Нередко обряды этих двух дат образовывали единое целое, т.е., начавшись в Семик, завершались в Троицу. Так, девушки завивали венки в четверг, а развивали в один из следующих дней или в Троицу. В нашем крае такая связь видна в действиях с березкой: березку рубили и наряжали в Семик, а «разряжали» и топили в Троицу. Общая мифологическая основа, сходство и связь обрядовых действий обусловили то, что в некоторых местностях само массовое гуляние народа в Троицу называлось «Семик» [Макаренко 1913, с. 172].

Полный перенос обрядовых действий с Семика на Троицу в местных традициях мог привести к исчезновению самого праздника Семика из народного календаря. Экспедиционная работа свидетельствует, что к концу XX века в ряде районов нашего края Семик не отмечался, и даже само это слово было порой неизвестно.

При чтении книги может показаться, что некоторые обрядовые действия Семика и Троицы дублируют друг друга, однако это не так. В конце XIX – начале XX века в локальных традициях региона основные обряды уже были разведены во времени: те действия, которые совершались в Семик, не исполнялись в Троицу, и наоборот. Стремясь сохранить конкретику не только в описании обрядов, но и в их временной и географической приуроченности, мы вынуждены привести сходные данные в разных рубриках книги. Возникшая при этом повторяемость композиции и содержания – неизбежное следствие этнографической точности. Поскольку эта книга имеет практическую направленность и адресована прежде всего работникам культуры, точная хронологизация и географическая привязка обрядов позволяют читателям познакомиться с традицией конкретных сел и сроками исполнения тех или иных обрядовых действий в местных традициях.

В предыдущих изданиях мы отмечали, что народный календарь, как и вся традиционная культура, имеет ярко выраженный региональный, а нередко – и локальный характер. Отличия в календаре разных местностей обусловлены целым рядом причин: географическими и климатическими условиями жизни, особенностями ведения хозяйства, социальным и демографическим составом населения, а в Сибири – еще и культурой метрополий, принесенной

разными волнами переселенцев, а также характером их взаимодействия друг с другом.

Отличия в семицко-троицком комплексе нашего края были сформированы основными миграционными потоками XVII–XIX веков. Как известно, заселение Приенисейской Сибири, начатое в XVII веке, осуществлялось несколькими как мощными, так и разрозненными поселенческими потоками, имеющими разные места исхода. На территории края принесенные культурные традиции иногда дополняли друг друга, но нередко культурно доминирующая группа целиком определяла ход и состав обрядового комплекса. По доминированию в обрядовой сфере, мы условно говорим о трех типах культурных традиций. Первый тип – **старожильческая** культура. Она была основана жителями, переселившимися в регион в XVII – первой половине XVIII века преимущественно из северных и северо-восточных территорий Руси. Несмотря на усложнение более поздними поселенческими потоками, влияние старожильческой культуры было очень существенно в северных районах нашего края, а также в Бирюльском и некоторых селах Минусинского района.

Второй тип – **новопоселенческая** культура. Она сформирована переселенцами конца XIX – начала XX века. Большая часть носителей этой культуры появилась в нашем крае в первом десятилетии XX века при осуществлении столыпинской реформы. Новопоселенческая и старожильческая культуры не только отличаются друг от друга, но и внутри себя далеки от однородности, так как и старожилы, и новопоселенцы переселялись из разных губерний России и несли с собой различия в фольклоре и обрядовой сфере. Третий тип культуры образовался в селах, где жили как старожилы, так и новопоселенцы, и при этом ни одна из традиций не доминировала, разные обрядовые действия либо сосуществовали в рамках одного населенного пункта, либо образовывали смешанный вид обряда.

Культурная неоднородность порождала специфику Семицко-Троицкой недели на местах. Местное своеобразие может проявляться в наличии или отсутствии обрядовых действий и фольклор-

ных произведений, различном восприятии обрядов и используемых в обряде предметов – так называемых артефактов. В книге мы стараемся описать основные обрядовые действия нашего региона, показать их проявления в локальных традициях, а при наличии разновременных материалов – проследить эволюцию обрядов. Особое внимание уделяется толкованию обрядовых действий, их семантике. В настоящее время многие обрядовые действия и их мировоззренческая основа интерпретируются в науке неодинаково. Это касается ряжения березки, кумления и обрядовой расправы над троицким деревцем. Мы стараемся познакомить читателей с наиболее распространенными толкованиями обрядов как в народной культуре, так и в работах исследователей.

Безусловно, любое своеобразие региональных традиций выявляется при их сопоставлении с культурой других местностей. Там, где имеются необходимые материалы, мы показываем региональный фольклор в сравнении с европейской частью России и соседних областей Сибири. Это позволяет увидеть как общие, типологические черты, характерные для русской или восточнославянской культуры, так и региональные / локальные отличия.

Как и в предыдущих изданиях регионального календаря, в книге использованы данные дореволюционных публикаций. Так, первые, очень лаконичные, сведения о праздновании Семика в Минусинском округе мы находим в книге И.П. Сахарова «Народные праздники и обычай», вышедшей в 1836 году. Приведенные сведения перепечатал позднее А.А. Макаренко в книге «Сибирский народный календарь в этнографическом отношении», добавив к этому собственные наблюдения [Макаренко 1913, с. 167]. Небольшое количество материалов о праздновании Семика содержит публикация В.С. Арефьева [Арефьев 1901, с. 138]. А.А. Макаренко и В.С. Арефьев были политическими ссыльными, и местами их ссылки были преимущественно северные районы края. Поэтому приведенные в публикациях сведения о семицко-троицких обрядах в большей степени касаются старожильческих районов.

К сожалению, немногими упомянутыми публикациями и исчерпываются дореволюционные материалы о Семицко-Троицкой

неделе в нашем крае. В архивных коллекциях, формируемых в начале XX века, данных по этой теме обнаружить не удалось. Даже в большом рукописном фонде Красноярского краевого краеведческого музея такие материалы отсутствуют. Малочисленность дореволюционных записей не позволяет проследить семицко-троицкие обряды в динамике. Лишь отдельные элементы обряда можно увидеть в историческом движении, выявить их статичные и меняющиеся черты.

Большинство этнографических материалов, представленных в книге, было собрано во время фольклорных практик и экспедиций Красноярского государственного педагогического университета. Эта работа велась под руководством и при участии автора данной книги. Почти все экспедиционные материалы записаны по воспоминаниям жителей края и характеризуют обрядовую сферу начала XX века – первой половины 20-х годов XX века. Что касается записей песен, это результат собирательской работы ряда фольклористов края. В сборнике приведены песни, записанные Маргаритой Федоровной и Николаем Алексеевичем Шульпековыми, Алисой Семеновной Онищенко и Константином Михайловичем Скопцовыми.

Описываемые в книге праздники разделили участь других значительных дат народного календаря. В конце 20-х – 30-е годы XX века, т. е. в период наибольших гонений на традиционную культуру, многие обряды перестали исполняться или существенно сократились. Тем не менее, из описаний видно, что целый ряд обрядовых действий длительное время сохранялся в народной культуре региона. Это завивание венков, гадания по венкам и травам, ряжение березы, ее утопление в конце праздника, а также посещение могил на Семицко-Троицкой неделе.

Многие из людей, чья молодость протекала в первой половине XX века, уже ушли из жизни. Поэтому их рассказы, зафиксированные во время экспедиционной работы, являются единственным источником знаний об обрядовой сфере нашего региона и представляют огромную культурологическую ценность. Фамилии наших информаторов и краткие биографические сведения о них вы найдете в разделе «Сведения об информаторах и собирателях».

Там же приводятся данные о собирателях и музыковедах, переложивших аудиозаписи на ноты.

В описаниях обрядов читатели могут встретить непонятные слова – диалектные или устаревшие. В тексте они выделены курсивом. Облегчить их понимание поможет словарь, после каждого слова в скобках дается номер страницы, на которой впервые упоминается это слово.

Надеемся, что эта книга будет полезна всем, кто интересуется народной культурой и стремится познать ее глубинный смысл.

*H.A. Новоселова,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы
Красноярского государственного
педагогического университета им. В.П. Астафьева*

НАЗВАНИЯ ПРАЗДНИЧНОГО ПЕРИОДА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

Седьмая неделя после Пасхи в ряде местностей России называлась Семицко-Троицкая. Это название происходит от двух основных отмечаемых на этой неделе дней – Семика и Троицы. Семиком назывался четверг на седьмой неделе после Пасхи, а Троицу православные христиане отмечали в пятидесятый день, т. е. в воскресенье. Но в народной культуре выделялись не только эти дни. Вся седьмая неделя после Пасхи воспринималась как особый период и в каждом регионе России имела свои названия: Троицкая, Семицко-Троицкая, Духовская, Зеленая, Граная, Грязная, Греная, Кличальная, или Клечальная. В ряде местностей ее еще называли Русальской или Русальной [Снегирев 1829, с. 168]. Нередко Русальной неделей считали неделю, следующую за Троицей.

Приведенные названия требуют объяснения. Название «духовская» отражает память о Дне Святого Духа. Об его значении будет сказано чуть ниже. В местных традициях нашего края празднование Духова дня было связано с Троицей, но происходило в разные дни: Духов день следовал за Троицей, предшествовал ей или совпадал с ней.

Еще одно название – «кличальная» или «клечальная» – этнографы связывают со словом «клечанье», т. е. ветви зелени, занимающие важное место в обрядах этого периода [Снегирев 1838, с. 99].

Что касается слова «граная», «грязная», «греная», то здесь отсутствуют убедительные объяснения. По мнению исследовательницы Т.В. Зуевой, название «грязная» происходит от «грязнуть, грязти» [Зуева 2010, с. 13]. В свою очередь, слова «грязнуть, грязти» означают «идти, шествовать, подвигаться, близиться, приходить» [Даль 1978, т. 1, с. 404]. Кроме того, широко известно другое значение слова «грязнуть» – громко запеть. Можно также предположить, что слова «грязная, граная» связаны с близким по звучанию словом **грань**, одно из значений которого – граница, межа, рубеж. Если иметь в виду, что Троица воспринималась в народной культуре как важный рубеж в жизни природы – граница между весной и летом, то слово «граная» может означать «пограничная». А от этого слова

произошли и производные «греная», «гряная». Возможно, в эпитете «граная» ассоциативно вибрируют все названные выше смыслы.

В ряде местностей Семицко-Троицкая неделя называлась Русальной, но в отдельных традициях так называли следующую за Семицко-Троицкой или предшествующую ей неделю. Происхождение слова «русальная» вызвало у исследователей много вопросов и предположений.

По мнению славянского ученого Миклошича, название «русальная» восходит к латинскому **поминальному** празднику *rosalia*, *rosaria*, который происходил в начале лета [Агапкина 2002, с. 340]. Эту точку зрения в XIX веке разделили А.Н. Веселовский и Е.В. Аничков, а в XX веке – Б.А Рыбаков [1967, с. 102] и ряд других ученых. Связь с поминальным культом сохранилась в троицкий период в целом ряде областей России. Как мы увидим далее, в XIX–XX веках предков поминали на Троицкой неделе и в ряде районов нашего края. Однако из-за целого ряда причин еще в древности произошло расширение мифологической основы праздника. Так, по ассоциации поминальные русалии стали связывать с мифологическими персонажами – русалками.

Кто же такие русалки? По этому вопросу в науке существует множество гипотез. По заключению дореволюционного исследователя Е.В. Аничкова, русалки – это умершие, которых чествовали в Русалии – праздник поминовения: «На души умерших, которых чествовали во время Русалий, перешло название праздника, и они стали русалками» [Аничков 1903, с. 303]. Большое количество материалов о русалках собрал к началу XX века Д.К. Зеленин; считающий, что русалки – это не все умершие, и тем более не предки, а молодые утопленницы или некрещеные дети [Зеленин 1994, с. 232]. С этой трактовкой согласен и Ф.Ф. Болонев, добавивший, что русалками становились также девушки, «проклятые родителями и заблудившиеся... в период девичьего праздника – Семика» [Болонев 1978, с. 146]. По мнению Т.А. Агапкиной, в народе считали русалками и молодых женщин, умерших при родах [Агапкина 2002, с. 350].

По народным поверьям, русалки особенно активизировались на Семицко-Троицкой неделе, поэтому она называлась Русальной.

У украинцев седьмая неделя после Пасхи называлась также Зелені Святы, у белорусов – Зеленые Святки и Троица, а также Семуха. Зелеными Святками праздник назывался потому, что в нем большое место занимают обряды, связанные с зеленою растительностью.

Поскольку Пасха не имела постоянного числа и отмечалась в ранние и поздние сроки, Семик и Троица также смешались. Как каждый крупный праздник, сама Троица, предшествующие и следующие за ней дни включают целый комплекс обрядовых действий, в основе которых лежат разнообразные верования и культы. Знакомство с ними мы начнем с выявления верований и обрядов Семика и предшествующей Троице субботы.

СЕМИК В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Один из первых публикаторов русских обрядов И.М. Снегирев отмечал, что в конце XVIII века Семик являлся праздником, бытующим во многих губерниях России: «Семик... с незапамятных времен известен почти во всей великой России, особенно там, где находятся рощи, леса и воды» [Снегирев 1838, с. 101].

Этнограф отмечал широкое празднование Семика не только в деревнях, но и городах: «Лет за сорок в Семик вся Москва представляла разгульный праздник; почти в каждом дворе у хозяина и хозяйки семьею в виде куши обставлялся березками стол с яищницей и драченой; везде раздавались семицкие песни, с какими носили по улицам изукрашенную лентами и лоскутками березку толпы народа в венках из ландышей, дойничков и незабудок или из липовых и березовых ветвей» [Снегирев 1838, с. 102].

С течением времени изменялся характер праздника, часть его обрядовых действий выпадала, другая переносилась на Троицу. По-степенно в ряде губерний России обряды Семика значительно сократились или вообще исчезли. С их исчезновением утрачивалось и само обозначение – Семик. В нашем kraе в конце XIX века Семик

также был датой, отмечаемой не повсеместно. В начале XX века Семик отмечали в старожильческих селах Березовского, Казачинского, Енисейского, Канского, Богучанского, Удерейского (ныне Мотыгинского) и Бирюльского районов.

1

«У нас есть три четверга: Великий четверг – перед Пасхой, Вознесенье – шестая неделя после Пасхи и Семик – седьмая неделя после Пасхи, он перед Троицей. В Семик сходим все вечером в лес, заываем колечки из березы».

(Кускун, Березовский район)

По данным А.А. Макаренко, в конце XIX века Семик отмечали во всех деревнях Приангарья, в том числе и в Кежемской волости. Однако во время экспедиционной работы мы опросили жителей всех сел Кежемского района, и выяснилось, что на его территории отсутствовало как название Семик, так и обрядовые действия, приуроченные к этой дате.

В свадебных и календарных обрядах Кежемского района ощущима северо-русская традиция, принесенная на Ангару раннестарожилами еще в XVII–XVIII веках, поэтому отсутствие Семика как особой даты можно связать с влиянием северо-русской культуры. Однако и в новопоселенческих селах, жители которых переселялись из центральной части России, Семик также не всегда известен. Например, этот день не выделялся в новопоселенческих деревнях Большегульского района, а также в Канарае и Бахчете Тасеевского района. Вероятно, к началу XX века, когда происходило массовое переселение в Сибирь, Семик не отмечался и на исторической родине жителей этих населенных пунктов.

В народе существовали разные представления о сути Семика. В XIX веке во многих губерниях России Семик был связан с культом предков, т. е. был поминальным днем. Более того, поминование в Семик считалось одним из главных в годовом поминальном цикле. По этому поводу бытописатель Пермской губернии писал в XIX веке: «Ни один день из поминальных, установленных церковью, не почитается как Семик – четверг перед Троицким днем» [Русские 1997, с. 529].

Известно, что на Руси почитание умерших было очень развито и являлось одним из важнейших языческих культов. Во многих

местностях России поминование складывалось в длительный цикл, начинающийся от зимнего солнцеворота и входящий в обрядность Великого четверга, Масленицы, Пасхи, Фоминой недели. Постоянное почитание умерших в первую половину года и обращение к ним обусловливались верой в могущество предков, их способностью оказывать помощь в земледелии и ведении хозяйства. По мнению славян, пребывающие в «ином мире» предки могли существенно влиять на жизнь людей, общества и природы. В частности, весеннее воскресение природы тоже связывалось с пробуждением умерших. При появлении первого тепла древние славяне говорили: «Родители из могил теплом дохнули» [Гальковский 1916, с. 93]. Обряды Семицко-Троицкой недели, входя в систему поминальных обрядов, завершали зимне-весенний поминальный цикл.

В поминальной обрядности Семик выделяется тем, что в этот день поминали не только родственников, но и чужих людей. Обычно это были люди, умершие неестественной смертью, иначе – «заложные» покойники [Зеленин 1994, с. 247]. Так называли самоубийц, а также тех, кто погиб в результате насилия и не был похоронен по православному обычаяу. Считалось, что души «заложных» не находят покоя и, скитаясь по земле, могут причинять вред живым: «Для их успокоения семейные люди в Семик выставали в церкви панихиду, т. е. службу, состоящую из молитв о прощении грехов и успокоении умерших» [Шангина 2004, с. 123]. В начале XIX века семицкое поминование было распространено на значительной части Европейской России [Снегирев 1838, с. 182–205].

По мнению исследователей, обычай устраивать в Семик панихиду восходит к Средневековью. В городах людей, погибших зимой на улице и не востребованных родственниками, не хоронили до Семика. Их «свозили в специальные помещения, называвшиеся убогими домами, божедомками, скудельницами, и только в Семик хоронили» [Снегирев 1838, с. 182–205]. Известно, что людей, умерших без покаяния, было запрещено предавать освященной кладбищенской земле, их хоронили за оградой кладбища. Запрещалось и поминать таких людей в основные дни поминального годового цикла. Исключением являлась Семицко-Троицкая неделя, когда

по «заложным» служили поминальную службу. Как пишет И.П. Калинский, «к этому дню набожные люди покупали гробы и саваны, холсты и полотно и отправлялись с ними за крестным ходом в убогие дома. Здесь служили панихиду и совершали обряд погребения» [Калинский 1997, с. 194]

В конце XVIII века убогие дома перестали существовать, обнаруженных мертвцев сразу же хоронили в специально отведенных для этого местах [Снегирев 1838, с. 205]. В соответствии с этим в ряде местностей Семик утрачивал связь с культом мертвых. В нашем крае поминальное значение Семика зафиксировал В.С. Арефьев, отбывавший в конце XIX века ссылку в селах Казачинское и Бельское Енисейского уезда.

2

«На седьмой неделе в четверг бывает Семик (день утопленников). В этот день все маленькие ребятишки одеваются по-праздничному, собираются кучками, поют песни и пляшут, кто как умеет. Вечером выступают на сцену заматеревшие девицы, бабы и старухи. Они наряжаются цыганами, приискателями и так далее и ходят по лесу с песнями, пляской, разными кривляниями и остротами. Если нет гармошки, то они бьют в заслонки, в косу и т. д. Таких компаний иногда собирается 2–3. Сопровождаемые толпою праздных зевак, среди которых преобладают бабы и ребятишки, они ходят по подоконью от дома в дом и выпрашивают себе яйца, шаньги за ворожбу и пляску».

Современного читателя в этом описании поражает необычное поведение людей в поминальный день. Но ученые считают, что упоминаемые ряжение, «кривляния и остроты» являются своеобразным антиповедением и в сакральные дни народного календаря становятся знаком «иного мира», инобытия [Успенский 1999, с. 461–465].

Экспедиционная работа свидетельствует, что к концу XX века в ряде населенных пунктов края сохранялась связь Семицко-Троицкой недели с поминальным культом. В локальных традициях поминальным днем являлся один из дней данной недели: Семик, суб-

бота накануне Троицы, сама Троица или Духов день. Так, в деревнях Калиновка Саянского района и Переяславка – Рыбинского «заложных» покойников поминали в день Троицы (см. № 55, 56), о поминовении в Семик нам сообщали только в Казачинском районе:

3

«Утопленников, удавленников и всех самоубийц не хоронили на кладбище, их отпевали только в Семик».

(Рождественское, Казачинский район)

В народной культуре каждая праздничная дата включает разные верования и культуры. Мифологические представления Семицка также разнообразны. Так, войдя в систему Семицко-Троицкой недели, образы русалок обеспечили появление целого ряда запретов и обрядовых действий. По мнению восточных славян, русалки связаны с растительным миром, а также с воздухом, землей и водой. Считалось, что именно на Семицко-Троицкой или следующей неделе русалки покидают подводный мир и находятся на земле. Крестьяне верили, что, выходя на деревья и поля, русалки переносят на растения влагу из прудов и озер. В некоторых местностях было поверье, что на Троицкой неделе русалки могут качаться на прибрежных деревьях. Народные представления о русалках отражены в картинах русских художников XIX–XX вв.: И.Н. Крамского, В.Е. Маковского, К.А. Васильева.

В народе отношение к русалкам было различным. В одних губерниях крестьяне были убеждены, что русалки способствуют росту злаков: если они побывают на поле ржи или конопли, то растения будут обильно цветти и дадут хороший урожай. А в других местностях считалось, что, выходя на поля, русалки портят посевы.

По завершению Русальной недели русалки должны возвращаться на тот свет. В южнорусских губерниях подобные верования привели к появлению обрядов «проводов», «удаления», «изгнания» русалки. «Русалку» в обряде могла изображать молодая девушка, но чаще изготавливалось соломенное чучело, которое с песнями и плясками несли в поле, там сжигали у костра, плясали и прыгали через огонь [Зуева 2010, с. 13]. Существовал и другой вид обряда: двое крестьян накидывали полог и изображали «лошадь»,

которую также называли русалкой. Эту «русалку» под уздцы вели в поле с прощальными песнями. Придя в поле, «русалку» «разоряли» с разными играми [Некрылова 2009, с. 713].

Иногда проводы русалки имели музыкальное и шумовое сопровождение: «В Воронежской области, как и в некоторых других, русалку делали в виде чучела коня и хоронили ее под дикий треск трещоток, тазов, заслонов и в сопровождении игры на музыкальных инструментах. Как и на Масленице, веселье сочеталось с плачом. Мотив песни был заунывный, протяжный, напоминавший похоронное пение. Пение время от времени прерывалось плясовым мотивом, исполняемым на жалейке для аккомпанемента пляске...» [Земцовский 1970, с. 38].

В последнем описании необычно сочетание плача и веселья, плясовые наигрыши во время обрядовых «похорон». И это не результат распада традиционного обряда. Как показали исследования В.Я. Проппа, веселье и смех в древности имели магическое, возрождающее значение: «Древние славяне (и другие народы) придавали смеху особую магическую силу – способствовать поднятию и усилиению производительных сил природы, тому же урожаю трав, хлебов, продовольствия. Верили, что чем больше будет смеха и чем громче он будет, тем богаче будет природа» [Пропп 2000, с. 123].

В нашем крае обряды «проводов русалки» не исполнялись. Само представление о связи Семика с русалками существовало лишь в единичных этнических традициях края. В дореволюционных публикациях упоминания о русалках вообще не зафиксированы. Во время экспедиционной работы о связи русалок с Семицко-Троицкой неделей сообщали только новопоселенцы.

4

«Семик – седьмой от Пасхи четверг, он следующий за Вознесением. Семик – русалкин день».

(Кускун, Березовский район)

5

«У нас были греневые песни.

На Греной неделе
Русалки сидели,
На девок глазели.

Девочки-соколки, пошейте сорочки,
С белые наметки...».

(Ирбей)

Приведенный фрагмент песни отражает поверье, что русалки выпрашивают у девушек одежду. Поэтому в некоторых районах Малороссии на Семицко-Троицкой неделе для них оставляли сорочки на деревьях [Зуева 2010, с. 13]. В нашем регионе это обрядовое действие украинцы уже не исполняли, воспоминание о нем сохранил лишь фольклорный текст.

У новопоселенцев Тасеевского и Саянского районов Русальной считалась неделя, предшествующая празднику Ивана Купалы. Накануне праздника девушки ходили «смотреть русалок». Переселенцы из Смоленской губернии шли для этого в лес, а белорусы – на поля, в рожь. Выход на поля связан с поверью о том, что русалки живут в жите. Об этом участникам экспедиций рассказывали переселенцы из Белоруссии:

6

«У нас, в Белоруссии, русалки живут не в воде, а в жите. Они в человечьем образе, с женским лицом, но сильно волосатые, как обезьяны. По полю с житом боялись ходить, потому что они человека могли насмерть защекотать».

(Таежный, Богучанский район)

Если в одном селе жили выходцы из разных губерний, то этнические компании молодежи «искали русалок» в разных местах. Так, в Тасеево смоленские переселенцы отправлялись в лес, а украинская молодежь – в поле.

7

«На Ивана Купалу был обычай русалок глядеть. Вот, например, соберемся среди деревни, прямо в деревне жгли костры. Подпаливаем. Там и пляшем, и поем. Ну это все молодежь. А потом говорим: “Пошли!” У нас поля близко были. Васильков там насобираем. Они голубенькие такие. Ну и вянки поплетем. И говорят: “Русалки на березках сидят”. В березки бегали глядеть русалок. А их там никаких русалок не было».

(Тасеево)

8

«На Ивана Купала собирались среди деревни и жгли костры. Васильки на Купала собирали, песни пели, танцевали. Из васильков венки вили и бросали в реку. Ходили смотреть русалок во ржи».

(Нижняя Кая, Ирбейский район)

Новопоселенцы д. Курбатово Казачинского района пытались увидеть русалок на берегу Енисея.

9

«Некоторые ходили на берег подсматривать за русалками».

(Курбатово)

В с. Межово на Русальной неделе девушки совершали обряд защиты от русалок, обращаясь к живительной силе хлеба.

10

«Перед Купалой была Русальная неделя: девушки шли в рожь, связывали снопики проходами и по одному проходили через них, чтобы оборониться от русалок».

(Межово, Саянский район)

У старожилов края поверья о русалках отсутствовали, и не случайно. В старожильческих районах Приангарья и Причулымья этот персонаж вообще неизвестен. Мифологических обитателей воды старожилы называют не русалками, а «чертом», «чертихой». Эти названия отражены в поверьях и мифологических рассказах – быличках.

11

«У нас в воде черт живет. Один раз я пошла за водой, а на камне сидит какая-то женщина и волосы расчесывает. Я побежала за своим мужиком. Прибежали, а она нас увидела и – бултых в воду! Только круги пошли. А в Заимке четырех парней черт утопил. Там есть его яма. Кто туда заплыvает, он всех топит. Один раз мы ехали в лодке, и вдруг на реке поднялась такая буря! Ветра нет, а волны страшные, мы чуть не утонули. Это черт бушевал».

(Таежный, Богучанский район)

12

«Черт в озере живет. Черный, страшный, глаза большие. У нас говорили: “В одном озере два черта не живут”.

(Бирилюссы)

Черти, живущие в воде, не имеют ничего общего с одноименными персонажами христианской мифологии – это именно языческие черти, и происхождение этого образа восходит к первобытным временам. Однако эти хозяева воды никак не проявляют себя в семицко-троицкий период и не фигурируют в его мифологии. Хотя в это время существовали обряды, связанные с культом воды, у старожилов нашего края они имеют другое проявление. Мы описываем эти обряды далее (№ 232–241).

Семик – праздник девушек

В начале XX века в региональной традиции наиболее ярко в Семик выражено почитание зеленої растительности. Следует отметить, что в этот день обрядовые действия с растениями исполнялись только девушками. Остальные группы населения в этот день работали. Неслучайно, отражая восприятие Семика в народной культуре, этнограф конца XIX века А.А. Макаренко характеризует его как праздник девушек.

13

«Четверг перед днем Св. Троицы называется «Семиком» и почитается девушками как исключительно их праздник. Местами этот день проходит как *полупраздник* и даже как *будни*».

Восприятие Семика как праздника одной половозрастной группы сохранилось в Приангарье и Причулымье вплоть до конца 80-х годов XX века.

14

«Семик – праздник девкам. Я вот слышал: “Завтра будет Семик – всех девчонок взвеселит”».

(Бирилюссы)

Там, где сохранялась архаичная форма семицких обрядов, представители мужской гендерной группы не могли присутствовать даже в качестве зрителей.

«У нас два праздника было: Семик – девичий, Троица – общий. В Семик-то ребятишек в лес не пускали. По березку ходили только девки».

(Богучаны)

Запрет на участие юношей в ритуалах Семика связан с тем, что в древности этот день был важным рубежом в жизни девушек. По мнению ряда исследователей, к нему были приурочены возрастные инициации, т. е. посвящения девушек во взрослое состояние, точнее – в брачный возраст [Соколова 1979, с. 200]. Семицкое выделение девушек в отдельную группу, запрет юношам присутствовать при обрядах – это отражение древнего деления общества на поло-возрастные группы. Г.И. Шурц считал, что в период матриархата половозрастные объединения играли очень важную роль и даже ставились выше родственных связей. «Матриархальное общество противопоставляет принцип кровного родства делению на возрастные группы» [Шурц 1923, с. 143. Цит. по: Болонев 1978, с. 120]. Этую идею разделяет также Ф.Ф. Болонев [Болонев 1978, с. 120].

Прошедшая семицкие обряды девушка становилась участницей тайного девичьего союза, а участие в семицких обрядах означало готовность девушки к браку [Бернштам 1988, с. 175]. В XIX веке в разных славянских этносах нижняя граница брачного возраста отличалась, точно так же обряды перехода девушек в группу невест исполнялись в разные весенние сроки. Наши материалы свидетельствуют, что в древности такие обряды у белорусов происходили в Благовещение [Новоселова 2005, с. 153], а у русских – в Семик. Обрядовые инициации существовали и у юношей, но, в Сибири они были приурочены к Масленице [Новоселова 2010, с. 95].

В период язычества девушки, прошедшие возрастные инициации, могли участвовать в брачных обрядах купальской ночи, важной частью которых было эротическое общение молодежи, упоминаемые в летописях «игрища между селы». С течением времени купальская эротика существенно снизилась или вовсе исчезла, но Семик продолжал оставаться для девушек важнейшей

датой. В XIX веке участие в семицких обрядах означало новый статус девушки: она официально вступала в возраст невест. Как отмечает Т.А. Бернштам, этот статус давал девушке ряд привилегий: в отличие от девочек-подростков она могла гулять допоздна в хороводах и на вечерках; у нее должна быть хорошая одежда, более красивая и богатая, чем у остальных дочерей в семье. Кроме того, девушка получала право носить особый головной убор, свидетельствующий о ее принадлежности к возрастной группе невест [Бернштам 1988, с. 76]. Все это было направлено на то, чтобы помочь девушке своевременно создать семью.

Девичьи инициации Семика неразрывно связаны с зеленой растительностью. В нашем крае обрядовые действия с растениями исполнялись в разные дни Семицко-Троицкой недели. По свидетельству А.А. Макаренко, на территории современных Казачинского и Енисейского районов основные обряды были приурочены к Семику и его кануну. Так, накануне Семика девушки вили венки, по которым затем гадали. Кроме того, они отмечали Семик в хороводах и гуляниях.

Семицкие венки

16

«В Казачинской и Маклаковской волостях (Енисейского у.) накануне Семика девушки завивают венки; в день этого праздника бросают их в воду для гадания, после чего “гулеванят” (ходят группами в гости друг к другу), играют в хороводы и проч. Наоборот, в Троицу не устраивают особых “гулянок”».

«Завиванием венков» в народе назывались разные действия с травой, цветами и ветками деревьев. Вообще венок широко используется в обрядах весеннего и летнего циклов: венки вили на Семицко-Троицкой неделе, на Ивана Купалу, иногда женщины надевали венки во время жатвенных обрядов. Однако именно у троицких венков наибольшее разнообразие видов и способов изготовления. По мнению Л.Н. Виноградовой и С.М. Толстой, у русского

населения России были две основные разновидности семицко-троицких венков: «В комплексе **русских** семицко-троицких обрядов известны венки двух типов: обычные травяные и закрученные на ветках растущей березы» [Славянские 1995, с. 315].

Опираясь на более широкий, **восточнославянский**, материал, В.К. Соколова называет следующие виды семицко-троицких венков: «Скручивали ветки вроде венка; заплетали косички, перевязывая их иногда лентами, пригибали ветки к земле и приплетали к траве... иногда заламывали верхушку березы» [Соколова 1979, с. 191]. Кроме того, троицкие венки вили из цветов и веток березы. Такие венки вешали на березу.

Как и венки других календарных периодов, троицкие выполняли прежде всего апотропейную, т. е. защитную, функцию [Славянские 1995, с. 314]. Кроме того, венки завивали «на здоровье и жизнь» членов семьи. Об этом поется в троицких песнях:

«Уж мы, девушки, дело сделали,
Уж мы белую березку завили.
Уж мы первый веночек – за батюшку,
Уж второй-то венок – за матушку,
А третий венок – за саму себя»

[Обрядовая поэзия 1989, с. 260].

В подобных случаях венок воспринимался как магический предмет, обеспечивающий желаемое здоровье и жизнь. Само изготовление венка мыслилось как важное действие, направленное на продление жизни членов семьи. Как пишет И.И. Земцовский, с участием или неучастием в обряде плетения венков связывалось «самое дорогое – жизнь или смерть матери. Об этом пелись песни страшного магического смысла:

Кто венков не вьет,
Того матка умрет!
А кто вить будет,
Того жить будет»

[Земцовский 1970, с. 25].

С течением времени завивание троицких венков переосмыслилось: они стали использоваться в девичьих гаданиях, т. е. выполнять своеобразную прогнозирующую функцию. В Семик каждая

девушка завивала венок из веточек березки или цветов «на себя», а во многих местах – и «на всех родных». При завивании девушки как бы задавали дереву вопросы о себе и родственниках: «Буду ли жива, выйду ли замуж до следующей Троицы?» По свидетельству Е.Ф. Фурсовой, в новосибирском Приобье в перечень «загадок» включались и любые другие прогнозы» [Фурсова 1998, с. 36]. В нашем крае темы запросов при гадании были только жизненно важные: жизнь / смерть, замужество / девичество, счастье / несчастье.

В Троицу девушки приходили развивать венки, т. е. смотрели, как они выглядят. Считалось, что если венок завял, то девушка или тот из ее семьи, на кого он завит, умрет. В некоторых селах засыхание венка означало, что девушка выйдет замуж.

В наш регион переселялись люди из разных губерний России, поэтому в конце XIX века в локальных традициях формы завивания венков были разнообразны. Так, А.А. Макаренко писал, что в Ачинском уезде девушки не только сплетали ветки березы или цветы в кольцо, но и заплетали «косы» из веток березы и травы.

17

«В Ачинском уезде в день Семика, а то и под вечер, девушки “потаенно” (тайно) завивают в рощах венки и делают “косы”, приплетая вершинки березок к траве, “завечая” (загадывая) на свою судьбу. Она узнается в день Троицы, в день которой производится осмотр оставленных в Семик “приметок”».

В некоторых российских деревнях сплетенные венки приносили домой и вешали их на стену [Шангина 2004, с. 127]. По поверью, такой венок обладал способностью защищать жилище и домочадцев. В нашем крае подобный обычай зафиксирован лишь в новопоселенческой деревне Акатек Тасеевского района (см. № 123). Экспедиционные материалы свидетельствуют, что чаще венки, сплетенные из травы и цветов, новопоселенцы вешали на березы и гадали о будущем. Так было принято в деревнях Орловке Бирюлусского района, Бархатово – Березовского, в Балахтинском районе и отдельных селах центральных и южных районов края. Такое гадание касалось жизни и смерти. Характер прогноза определяли по состоянию венка: зеленый венок означал долгую жизнь, а засохший – скорую смерть.

В деревнях Казачинского района виды венков были разными. Это связано с историей заселения района. Если поселенцы XVII века были выходцами из северных губерний России [Копылов 1961, с. 44], то в XVIII веке сюда активно переселялись жители центральных областей [Быкона 1981, с. 51]. Смешение разнородных поселенческих и культурных традиций привело к появлению разных локальных традиций в плетении венка. Так в д. Велимовка на березу вешали венок, сплетенный из травы, цветов и веток:

18

«У нас в Семик парни в лес не ходили. В Семик девушки бегали веночки завивать. Завивали и на березы вешали. Потом пойдешь, проверишь: засох венок или нет. Веночек делали из этих же березок или из цветов, какие есть. Девчонки ходили лет 15-16. Одна девчонка вон повесила, пошли смотреть, а он засох – она и умерла того году».

(*Велимовка, Казачинский район*)

В д. Закеми этого же района венок представлял собой свитую в кольцо веточку березы. В этом случае ветку не сламывали и старались не повредить, чтобы венок не засох. «Завитые» таким образом веночки оставляли обычно до Троицы.

19

«В Семик, в четверг, ходили венки завивали из березы. Подойдешь к березе, завьешь веночек. Веточку не сламываешь. И девки ходили, и парни. А потом в Троицу по эти венки ходили и в воду их бросали. В Троицу ломаешь венок и идешь на реку – гадаешь».

(*Закемь, Казачинский район*)

Подобная традиция существовала в д. Бархатово Березовского района, в с. Мотыгино, деревнях Рыбное, Потоскую и Зайцево Мотыгинского района.

20

«В Семик вили венки. Подломишь веточку... Не завянет – хорошо. А у другой завянет. А в Троицу их срывали и топили».

(*Потоскую, Мотыгинский район*)

21

«В четверг, перед Троицей, девушки шли в лес, завивали венки. В Троицу после обедни шли смотреть: если венок завял – то будет несчастье».

(Бархатово, Березовский район).

В центральной России и Белоруссии выход девушек на луга и в леса, да и само завивание венков сопровождались обрядовыми песнями. В них упоминались цветы, венки и главное обрядовое дерево – чаще всего береза. В большинстве сел нашего края эти обрядовые действия тоже были поэтично оформлены, но собственно обрядовых песен почти нет. Идя в лес, девушки пели протяжные лирические песни или частушки. Некоторые произведения, постоянно исполняемые в Троицу, как бы срастались с обрядом, не будучи связанными с ним по происхождению. Так в д. Бархатово плетение венков сопровождала частушка:

22

«У нас, когда плели венки, пели:

Скоро, скоро Троица
Земля травой покроется.
Скоро миленький приедет –
Сердце успокоится».

(Бархатово, Березовский район)

Особые обрядовые песни, сопровождавшие завивание венков, существовали у новопоселенцев, приехавших из Белоруссии, а также западных и юго-западных областей России. Однако таких песен записано немного. Наиболее распространенный сюжет содержит призыв девушек к завиванию венков: «Пойдемте, девочки, завивать веночки». Другие произведения выделяют обрядовое дерево – березу. В нашем крае они также немногочисленны. Это приведенная во второй части книги песня «Ты не радуйся, дубье-ясене» и публикуемое ниже произведение.

23

Березка, березка,
Завивайся, кудрява!

К тебе девки пришли,
К тебе красны пришли,
Пироги принесли
Со яишиницею!

(Еловка, Бирилюсский район)

Старожилы Приангарья и Причулымья (современные Кежемский, Богучанский, Мотыгинский и Бирилюсский районы) на Семицко-Троицкой неделе венков не вили. В этом можно увидеть проявление северно-русской традиции. Ведь, по заключению В.К. Соколовой, венки вили почти повсеместно в России, кроме северных русских областей [Соколова 1979, с. 190]. В названных районах края отмечали Семик по-другому. Девушки шли в лес, раскладывали под деревьями принесенную еду и устраивали совместную трапезу.

Обрядовое угощение и ряжение берез. Семантика ряжения

Традиция угощения деревьев восходит к глубокой древности. Обрядовое пиршество под березами упоминается в древнерусском памятнике 1636 года – челобитной нижегородских священников. В ней говорилось, что женщины и девушки собирались под березами, приносили им в жертву пироги, каши и яичницы, поклонялись березе и пели песни: «В седьмой четверток по Пасце собираются жены и девицы под древа, под березы, и приносят им жертвы, пироги, и каши, и яичницы и, поклоняясь березам, учнут, походя, песни катанинские, приплетая, пети, и *длами* плескати, и всяко бесятися» [Гальковский 1916, с. 50].

В нашем крае замужние женщины в Семик к березам не ходили, это было правом девушек. После пира, перед уходом домой, девушки вырубали небольшую березку, приносили ее во двор какой-либо из участниц обряда и там наряжали. В региональной культуре обрядовое ряжение березы существовало только в старожильческих районах, заселение которых началось в XVII – первой

трети XVIII века. Это территории Приангарья и Причулымья, а также Казачинского и Енисейского районов.

Каковы же географические истоки ряжения березы? Из каких губерний европейской части России был принесен в Сибирь данный обычай? Ответить на эти вопросы непросто, так как налицо серьезное противоречие. С одной стороны, ряжение березы широко распространено в селах, где первый поселенческий слой образовали выходцы из северно-русских губерний. Широта распространения обряда в старожильческих районах заставляет предположить длительность его бытования и связать возникновение с раннепоселенческими потоками. Однако фольклористы не фиксировали ряжение березы на Русском Севере. Более того, исследователи отмечают, что украшение березки характерно именно «для центральных и поволжских областей России» [Соколова 1979, с. 193].

Здесь возможны два объяснения. Первое: бедность троицкой обрядности у первых жителей региона – мигрантов из северных районов России – оставляла возможность ее дополнения более поздними культурными традициями. Поэтому украшение березки в наш край могли принести в XVIII–XIX веках жители центральных и поволжских областей России. Второе: обрядовое ряжение березы в XVI–XVII веках существовало и в северных губерниях России, откуда и было принесено в Сибирь. Известно, что в XVI веке в заселении Русского Севера играли роль переселенцы из центральных и северо-западных губерний России, в частности Новгородской. Большая часть этих крестьян покинула родные места в XVI веке, спасаясь от карательных отрядов Ивана Грозного. Именно эти миграционные потоки могли принести на север обряд ряжения березки. С течением времени на Русском Севере этот обряд утратил магический смысл и выпал из обрядовой сферы. В Сибири же он сохранился, расширив или изменив значение.

В нашем kraе ходили в лес и вырубали семицкую березку только девушки. Лишь на стадии разложения обряда, т. е. в конце 20–30-х годов XX века в отдельных селах в этом могли участвовать парни.

24

«В последний четверг перед Троицей наряжали березку. Этот четверг назывался Семик. Березку рубили парни, вместе с девушками. Потом ее наряжали».

(Пашино, Мотыгинский район)

В некоторых районах Сибири поставленные у домов березки украшали полевыми цветами. Так, в Приобье «представители разных этнокультурных групп до сих пор помнят об обрядовом украшении березок полевыми и лесными цветами – лазоревыми, или богомолками (так называли огоньки), медунками, саранками» [Фурсова 1998, с. 39]. В нашем крае живыми цветами березку не украшали, но традиция ряжения была богатой и разнообразной. Различное украшение берез характерно даже для родственных в культурном отношении ареалов, как в Приангарье. Например, в селах Иркинеево, Артигино, Климино, Сыромолотово Богучанского района березку украшали лентами, бусами, большими цветными платками либо искусственными цветами. Так же наряжали деревце в деревнях Рожково и Дворец Кежемского района, но делали это не в Семик, которого здесь не знали, а в Троицу.

25

«В Семик наряжали березку. Цветы насадят, ленты привяжут, поставят у кого-нибудь в сарае».

(Иркинеево, Богучанский район)

В этом виде ряжения отражается такой уровень почитания растительности, как фетишизм. Фетиш – это предмет, которому поклоняются, считая его способным положительно влиять на жизнь людей. В некоторых местностях России наряженную березку называли «кумой», в разных селах семейских Забайкалья ее величали «кумушкой», «венком», «цветком» [Болонев 1978, с. 136, 138], в Приаргунье ее именовали «калиной» [Календарно-обр. 1981, с. 190].

Следующая разновидность ряжения – придание березе человеческого облика. В этом случае дерево как бы очеловечивается, одухотворяется. Данный вид ряжения ученые называют антропоморф-

ным (от слова *antropos* – человек) и считают более поздним. По свидетельству А.А. Макаренко, в Приангарье такую березку именовали «гостейкой»:

26

«Сравнительно недавно в Семик девицы Кежемской и Пинчугской волостей (Енис. у.) наряжали “гостейку” (березку), приносимую из рощи, в “самолучшо” девичье платье, приплетали к ней из кудели косу, украшали “корольками” (бусами), воспевая:

Елья, елья-березонька,
Елья-кудревата!
Задумал пан жениться
На душе на красной девице,
На березе – на сестрице...

Днем гуляли с “гостейкой”, нося ее по улицам селений с пением хороводных песен; а вечером ставили ее в “подклет” или в “анбар” (амбар) у одной из своих подруг, где березка в полном одеянии сохранялась до Троицы. “Мужики” в этот день бывают заняты работой».

Приводя название березки «гостейка», А.А. Макаренко опирается не только на собственные наблюдения, но и на свидетельство И.П. Сахарова, касающееся юга края и опубликованное в конце 30-х годов XIX века.

27

«В Енисейской губернии, в Минусинском округе, приготовляется поселянками “гостейка” – березка, одетая в лучшее женское платье. Гостейку на Семик приносят в клеть, где она стоит до Троицына дня. Молодцы и девицы приходят проводывать “гостейку”, поют, играют в хороводы. На Троицын день собираются в клети девицы с молодцами, выносят “гостейку”, отправляются к реке, играют в хороводы».

Макаренко указывает довольно широкий ареал бытования обряда – Кежемская и Пинчугская волости. Во время экспедиционной работы мы имели возможность уточнить территорию его распространения и названия березки в конкретных селах. В последней

трети XX века приведенный этнографом фрагмент песни помнили жители ряда деревень Богучанского района. Этот же самый отрывок мы записывали в деревнях Бедоба и Ярки бывшей Пинчугской волости, а ныне Богучанского района. Однако во всех этих песнях березку называют не «гостейкой», а сестрой девушки.

Вспоминая о троицких обрядах, жители края тоже редко называли ряженую березку гостьей. Лишь жительница д. Бузыканово Богучанского района упомянула, что при угощении троицких березок им приговаривали: «Кушайте, гости дорогие!» По мнению Т.А. Агапкиной, название «гостейка» может указывать на восприятие березки «как персонажа прошлого, принадлежащего к чужому миру» [Агапкина 2002, с. 625]. В этом случае семантика ряжения выявляет связь с миром предков. Но, как мы увидим далее, в нашем крае это не единственное значение ряженого деревца.

Во время экспедиционной работы обнаружилось, что ряжение березы в женскую одежду было распространено в Богучанском, Мотыгинском, Енисейском, Бирюлюсском районах. При этом наряжали березку в Семик, а обрядовое шествие с ней устраивалось в воскресенье.

28

«Семик – четверг перед Троицей. Наряжали березку. Надевали платье, косынку. И пошли по деревне **в воскресенье**. Перед праздником все мыли, убирали, парни приносили березы и ставили их во двор. Стелили в доме на пол траву. Троицкое гулянье начиналось в воскресенье, а заканчивалось во вторник. Во вторник березу раздевали девушки, те, которые наряжали. У нас специальных песен не было, пели *проголосные* песни».

(Ялань, Енисейский район)

29

«Семик праздновали девки. Сами девки березу срубали, сами наряжали. Вырубали накануне Семика. В Семик березку наряженную две девки несут под руки. Она как бы на руках сидит. *Молодухи* надевали березку в человеческую одежду, делали из кудели волосы. Вплетали ленты. Молодые девки носили с песнями березку по деревне. Потом до Троицы ставили березку в амбар.

Замужние бабы таких берез не крутили. В конце праздника ветки отламывали и в воду бросали. Если ветка утонула, считалось: девка до следующего Семика не доживет».

(Новобирилюссы)

Однако в начале XX века шествие с березкой не везде воспринималось как сугубо женский обряд. К примеру, в деревнях Мотыгинского района березку вместе с девушками могли носить и парни, что свидетельствует о забвении исконного смысла обряда.

30

«В Троицу березку наряжали в женскую одежду. Двою несут. По бокам идут с одного бока парни, с другого – девки».

(Рыбное, Мотыгинский район)

В деревнях Манзя, Иркинеево, Ярки Богучанского района существовали особые троицкие приговоры. Словесно они оформлены как совет девушкам, даваемый от имени березки. Если в троицких песенках подчеркивается близость девушки и березки, то в приговоре акцент делается на их различии: «А вы, красные девицы, тките, прядите! На меня, на белу березу, не глядите, а я три дня и одета». Во всех названных деревнях этот приговор имеет лишь незначительные лексические отличия, только в д. Богучанская Заимка формульная часть имеет добавление.

30a

Девки красны, девки красны,
Тките, прядите,
На меня, на березку, не глядите.
Березка у вас
В одну неделю опушится,
А вам, девки, в год не опушиться.

(Богучанская Заимка, Богучанский район)

31

«Березку наряжали в платье и вели по деревне. Пели, плясали вокруг нее. Ходили одни девки. У нас говорили: “Красна девица, тки

да пряди, на меня, на белу березку, не гляди. Я два, три дня и уже нарядилась”».

(Манзя, Мотыгинский район)

Мы задавали жителям края вопрос: кого изображала наряженная березка – женщину или девушку? Обычно наши собеседницы затруднялись дать определенный ответ. Ими осознавалась лишь женская природа березки – без возрастных или иных различий. Поэтому мы попытались определить половозрастной статус березки, опираясь на ее наряд. Известно, что в традиционной культуре одежда не только защищала человека от холода и украшала, но могла многое сообщить о его личной жизни и семейном положении. Так, уже по головному убору можно было отличить замужнюю женщину от девушки. В разных местностях женский головной убор назывался повойник, кичка, сорока и др. Общим у этих уборов было то, что они должны были полностью закрывать волосы замужней женщины [Маслова 1984, с. 50–54]. Головной убор девушки назывался венок, повязка, корона, крАсота, косник и обязательно оставлял значительную часть волос открытой. Отличия касались и других элементов одежды.

К началу ХХ века в Сибири, как и в европейской части России, популярной стала городская одежда. Она была более поздней по происхождению и считалась современной и модной. Элементы модного женского наряда были общими для девушек и замужних женщин: платье или юбка, кофта, платок. Эти вещи часто использовались и при ряжении березки, поэтому по одежде возрастной и семейный статус березки определить не всегда возможно. Тем не менее, иногда в ряжении виден образ березки-девушки. Об этом, в частности, свидетельствует «куст» – пучок лент, вплетаемый в «косу» или прикрепленный к ней. В Приангарье это отличительный знак девушки, достигшей возраста невест. Показательно, что «куст» на березку даже могли надевать поверх платка, т. е. он выполнял функцию половозрастного знака, символизируя именно березку-девушку.

Экспедиционные материалы свидетельствуют о разных формах обрядового чествования березки. В одних старожильческих

деревнях березку после «угощения» носили по деревне. В других – наряженное деревце ставили к столам, а шествий с ним не устраивали. Локальные отличия существовали порой в соседних деревнях, как это было в Богучанском районе.

32

«В Семик на березку надевали платье, сверху *капетку* (платок) хорошу. Ее, как человека, делали. Сначала делали лицо из полотенца; ручки наладим из березок же: привяжем две березки. Потом наденешь одежду, потом уже платочек, а на платочек – ленту, и сяди куст (пучок лент). Потом столы ставим. Столы ставили на улице у окошка. Мы пируем – березку к столу. Стоит она у нас, а мы пляшем, угощаемся. Погуляли – березку наряженную унесли в амбар или дом, в чистое место.

Потом в Троицу вытащим. Опять варим яйца, чай. Она у нас тут березка, у столов. На деревню одна украшенная березка. Уж все знали: березка сегодня у Глашки. И вся деревня собирается. Несут кто что может. Потом, как отгуляли – раздеваем березку и несем топить. Мы не завечали ничего. Опускали в реку и все. Мы все боле-то таскали с Варькой».

(Богучаны)

33

«Березку наряжали *большии, средни и маленьки*. Наряжали в Семик и как женщину, и платками. В хороводе ее подхватят за рукава и идут по деревне.

Елья, елья, березонька,
Елья, елья, кудрявая!
Захотел парень жениться
На душе красной девице,
На березкиной сестрице».

(Ярки, Богучанский район)

Согласно песне, березка и девушка являются родственницами, относятся к одному роду. И в антропоморфном ряжении, и в словах о березке-сестрице реализуется мысль о родстве человека и дерева. В ангарских троицких обрядах существуют разные виды ряжения березки: на одну березку надевают женскую одежду, другие укра-

шают платками, лентами, бусами. Возможно, изначально «сестрой» именовали березку, наряженную девушкой. А позднее это название было перенесено на березки, украшенные иначе. Ученые связывают антропоморфное ряжение дерева с проявлением такого древнейшего представления, как тотемизм. Тотемами, т. е. предками человека, славяне считали животных и растения. Тотемистические представления широко отражены в сказках и народных песенных балладах о превращениях человека в птицу, животное или дерево. У восточных славян были разные виды деревьев-тотемов: дуб, ель, клен, ясень. Исследователи установили, что береза была одним из наиболее распространенных тотемов. В поверьях русского народа береза «выступала как счастливое дерево, приносящее добро, оберегающее от зла, изгоняющее болезни» [Шангина 2004, с. 125].

Тотемным характером березы в значительной степени объясняется ее выделение и почитание в троицких обрядах. Другая, практическая, причина распространенного почитания этого дерева – широкое применение в крестьянском быту.

К началу XX века в ряде сел Богучанского района совмещались разнородные поселенческие и культурные традиции. В таких населенных пунктах в Семик вырубалось несколько березок. Одно деревце одевали в женское платье, а другие украшали цветами, лентами, большими платками – катетками. О существовании разного ряжения березы сообщали жители деревень Бедоба, Ярки, Пинчуга Богучанского района. Разнообразные виды ряжения березы не сводимы к одному уровню мифологических представлений. Как мы увидим далее, даже на территории Приангарья они имеют разную семантику.

34

«В Семик мы собирались, шли в лес, срубали березку. У нас по-разному наряжали. Катетками наряжали, карельки (бусы) вешали. Или девки берут платки, ленты, катетки, делают лицо, наряжают девушкой. Потом ставят березку до Троицы в кадушку с водой в амбар. В воскресенье брали эту березку и носили ее по деревне и пели:

Ельи, ельи, березонька,
Ельи, ельи, кудрявая!
Захотел парень жениться
На березкиной сестрице».

(Бедоба, Богучанский район)

Из рассказов жителей ясно, что при разных видах ряжения ангарки чаще всего водили по деревне березку, наряженную девушкой. К сожалению, из-за давности исполнения обряда (последнее ряжение было в 20-х годах XX века) информаторы не дают ответов на все вопросы. Нам не удалось установить, существовали ли возрастные ограничения для ряжения березки в женскую одежду. В некоторых ангарских селах каждая возрастная группа («больши, средни, маленьки»), т. е. девочки, подростки, девушки, наряжала свою березку. Виды ряжения при этом могли быть разными, имея как фетишистский, так и антропоморфный характер. Можно предположить, что в подобных традициях изначально лишь девушки, достигшие возраста невест, могли рядить «березку-сестрицу» и водить с нею хороводы. Отсюда и в песне смысловым центром был брачный мотив. С течением времени закрепленность данного вида ряжения за старшей возрастной группой забылась, и оно стало использоваться неупорядоченно.

В большинстве деревень в женский наряд одевали одну березку, с которой затем по деревне гуляли все девушки. Однако в д. Бедоба Богучанского района каждая компания девушек старшей возрастной группы имела свое деревце, одетое в женскую одежду. Такие компании объединяли девушек по территориальному признаку.

35

«У нас в Бедобе были *верховые* и *низовые*. У низовых березка своя, и у верховых – тоже».

(Бедоба, Богучанский район)

Традиция территориального деления участников обряда не является сугубо местной особенностью. В частности, такая традиция существовала и у семейских Забайкалья. Так, в д. Тарбагатай наряженную лентами, бусами, венками из жарков и цветами березку носили по разным улицам: «Верховые – от проулка до Камушка, а там низовые водили» [Болонев 1978, с. 134]. В семейской деревне Большой Куналей (Забайкалье) в обрядовое шествие постепенно включались девушки с разных улиц, и у каждой части села была своя березка: «Сначала березку несли бойкие ковалевские девки.

Они несли по 10–15 березок. Затем к ним присоединялись низовые девчата. Девушки каждого кутка присоединялись со своей березкой» [Болонев 1978, с. 136].

Возможно, традиции ангарской Бедобы и указанных семейских сел восходят к одному географическому источнику. Ведь старообрядцы-семейские до исхода в Польшу были жителями самых разных губерний – от южнорусских до центральных и севернорусских [Болонев 1978, с. 8–9].

В целом ряде богучанских сел Приангарья на Семицко-Троицкой неделе в человеческую одежду одевали не только «березку-девушку», но создавали своеобразную компанию. В таких селах обрядовые шествия с березкой уже не устраивались.

36

«В Семик у нас работали, праздник только девкам. В Семик наряжали березку как человека. На лицо полотенце белое наденешь, туго затянешь, назад закрутишь. Юбку надевали, кофту, платок наденешь. Как ручки, сделаешь. Потом старшие девки ставили у столов. Стоят три березки: один мужчина и две женщины. Если плохая погода, в избе гуляли. А у маленьких своя березка. Пятница, суббота они лежат, а в воскресенье – Троица – уже топим. Топили парни».

(Бузыканово на реке Муре, притоке Ангары)

В локальных старожильческих традициях Приангарья и Причулымья семицкое ряжение березки имело ярко выраженную брачную направленность. Так в д. Юрохта Богучанского района в Семик из берез сооружали целый свадебный поезд. В этом случае участники обряда отчетливо осознавали статус ряженых березок: одна из них изображала девушку-невесту, другая – жениха. В ряде сел соблюдалось условие: березку-жениха наряжал парень, а березку-невесту украшала девушка. Остальных свадебных персонажей могли наряжать даже семейные люди: «А дружку и сваху хоть кто мог нарядить, хоть женатые» (см. № 37).

Исследователи обращали внимание на то, что в фольклоре троицкого и купальского цикла свадебная тема представлена очень широко. Нередко она имеет ярко выраженную эротическую окраску [Агапкина 2002, с. 536]. Пытаясь объяснить эту особен-

ность, некоторые ученые трактуют обрядовые образы в русле космической мифологии, а именно – как сюжет о женитьбе солнца [Терновская 1993, с. 41–54]. В такой трактовке березка-невеста должна олицетворять мифическую невесту небесного светила, а свадебный ритуал – обеспечить «смену состояния… в жизни природы» [Пашина 1998, с. 80].

Соглашаясь с мифологической трактовкой троицко-купальских обрядов, Т.А. Агапкина все же считает свадебную тему частью магии, направленной на создание семьи. По ее мнению, троицко-купальские праздники были важным этапом, который готовил молодежь к вступлению в брак [Агапкина 2002, с. 538].

В ряде регионов России ритуалы, разрабатывающие свадебную тему, преимущественно осуществлялись в купальских обрядах, но мы уже отмечали, что у старожилов нашего края купальский цикл был очень усечен и сопровождался минимальным количеством магических действий, преимущественно хозяйственной направленности [Солнцеворот 2005, с. 221]. По этой причине свадебная тема была перенесена на предшествующий, семицко-троицкий период, рубеж весны и лета. Добавим, что подготовке к браку косвенно служил и обряд кумления, который будет охарактеризован далее.

В обрядах старожильческих сел края отчетливо выявляется не космическая, а земная природа семицко-троицких обрядов и их связь с брачной магией. В разных населенных пунктах брачной магии служило не только ряжение березок, но и другие обрядовые действия. Так, в д. Юрохта Богучанского района девушка, нарядившая березку-невесту, исполняла как бы от лица «невесты» свадебные причитания. Брачную направленность пира усиливало участие в нем молодок, т. е. женщин первого года замужества.

37

«В Семик девки вырубали березки. Их потом наряжали. Направляли невесту, жениха, дружку и сваху. Одежду собирают по деревне, у кого что есть. На «невесту» девушка надевала свадебное платье. Потом-то (раньше – Н.Н.) они были не белы, а просто цветные: атласные ли, шелковые ли, вилюльками ли. Нарядят березку **невестой**, поставят в амбаре в кадку с водой и стоит она, чтобы не маралася, не пылилася, стоит до Троицы. В Троицу парни нару-

бят березок гладеньких ровненьких, принесут их в деревню и поперек улицы вкопают. Отгородят кусок улицы – «садик» называется. Они стоят зеленые, и там ставят столы, много столов, вся деревня садилась. Стулья притащат, скамейки. И около столов ставили березки наряженные.

Парни тоже березку наряжали: жениха. Костюм самый хороший, лицико из полотенца сделают, шляпу наденут. А дружку и сваху хоть кто мог нарядить, хоть женатые. Около домов тоже рядами наставят березки. Их тоже наряжали лентами, платками гарусными да всякими старинными шалями большими. Нарядят молодежь березки и потом коней нарядят. Кони в лентах, шалях, лоскутках. И поедут на луг. У нас луг от деревни через речку. По мосту проедут, по лугу прокатятся и возвращаются к березкам к этим. Слезают, коней или привяжут, или ребятишкам отдадут, чтобы домой отвели, и сами за стол садятся. Еду девки не готовили, готовили женщины. Выпивают, гуляют и песни поют. Пели всякие: и *принеутки*, и свадебные.

И «невеста» вроде бы плакала. Я, например, березку невестой нарядила, и я за нее плачу. А на другой год другая девушка березку наряжает, и она за нее плачет. Тут же с девками *молодухи* (первый год-то живут). Только они уже не оплакивают березку.

А в конце Троицы березки раздевали. После Троицы они постоят еще с неделю, и их в речке топили».

(Юрохта, Богучанский район)

В описании этого обряда видна продуцирующая магия: причитая в Троицу за березку-невесту, девушка стремилась ускорить день собственной свадьбы с ее реальным оплакиванием «девичьей воли». Брачная направленность обряда проявляется и в том, что в конце праздника березку не уничтожали, т. е. она не представляла обрядовую жертву. Как видно из текста, после окончания праздника березки стояли еще целую неделю.

В старожильческих деревнях Бирюльского района брачная магия семицкого ряжения также усиливалась участием молодок. Молодухи либо сами наряжали березку, либо давали для ряжения свое венчальное платье. При этом березка также изображала де-

вушку-невесту, о чём, кроме платья, свидетельствовала одна коса – символ девичества.

38

«Семик – день перед Троицей (четверг). Украшали березку, плели ей косу, носили по домам. Березку рубили утром в Семик мужики. Молодки (которые первый год замужем) отдавали свое венчальное платье для березки. Водили хороводы. Раздевали березку около озера, потом топили. Ломали веточки, по ним гадали».

(Арефьево, Бирюльский район)

39

«В Семик наряжали березку. Наряжали большие девки, лет 17, маленькие не наряжали. Принесешь березку молодухе. Заведено было, чтобы молодухи наряжали в свой обряд. Она наряжает ее. Верхние ветки связывает для рук, а нижние для ног. Потом обматывают холстиной. Одевают: кофты три, юбки три. Все из своего. Сверху надевали самый лучший наряд: льняная вышитая кофта, юбку нарядную, фартук с “решеткой”. “Толову” обматывают полотенцем, из конопли плетут косу. В нее вплетают много красивых лент. Сверху наденут личную катетку. Если молодуха была бедная, то она просила наряды у других молодок. Вот бегаешь по деревне, собираешь. Наряжали одну березку в деревне, и все вместе гуляли. Гуляли на лугу за рекой. Большая площадь была, туда соломы натаскивали. Березку по деревне носили, под ручки держались попеременке. Понесешь с песнями, а потом идем за столы гулять. И березку садишь за стол. Яичницу все стряпали и блины, родители все помогали.

А потом ее заносили в какой-нибудь дом, а в Троицу опять идешь круг деревни с ей в Красный Яр, курик. Опять собираешься на это место, разнарядишь ее, топишь. Жалко... Ломали прутики – завечали: “Умру – так утони...”».

(Чепушиево, Бирюльский район)

40

«В Семик наряжали березку. К молодухе ходили, которая в прошлый мясоед вышла замуж (она первый год вышла). Идем,

клянчим у нее платье. Больши девки наряжали – годов 15-17. Наряжали руки, лица. Все замотают полотенцем, наденут рубаху, платье – девушка. Березку по деревне носили, пели, скакали вокруг нее. Вырубали березку девки.

А в Троицу уже на Чулым относили. Разденут – мы от нее пруточки отламывали, завечали. Веночки делали, в речку бросали».

(Еловка, Бирюльский район)

41

«Семик – праздник для девок. Девки наряжали березки в платья и носили по деревне с песнями. Девки, которые в этом году вышли замуж, давали свои наряды для березки. Поэтому, сколько в деревне молодух, столько березок носили. В Троицу раздевали березку и топили в реке».

(Еловка, Бирюльский район)

Одевание троицкой березки молодкой (см. № 28–32) и девушкой-невестой должно было магически приблизить брак. Неслучайно тема женитьбы и замужества присутствует и в песнях Троицкой недели. Некоторые из них не имеют обрядового происхождения и, не упоминая о Семике и Троице, прикреплены к Семицко-Троицкой неделе на основе внутренней смысловой связи. Таким образом, троицкая свадебная магия имела выражение как в вербальном (словесном), вещественном оформлении, так и на акциональном уровне, т. е. в действиях.

Выделяя общие мотивы и семантику семицко-троицкой и купальской обрядности, исследователи отмечают «стремление к предельному выражению эротических эмоций и брачных потенций» [Агапкина 2002, с. 539]. По мнению Т.А. Агапкиной, это обусловливает «оргиастический характер троицких и купальских праздников, образность их предметно-символического пласта, тематику и метафорику песен» [Агапкина 2002, с. 539]. Как можно заметить из описаний, в старожильческих районах Приенисейской Сибири брачная семантика сохраняется в семицко-троицком цикле. Однако обряды не представляют собой оргиастического разгула, проявления семейной магии оккультурены и ритуализированы. Они проявляются

в изготовлении березки-невесты и имитации свадебного обряда. Брачную магию усиливали участие «молодух» в ряжении березки, использование их одежды, а также исполнение свадебных причитаний невесты. Все это направлено на приближение реальных свадеб девушек села. В новопоселенческих селах брачная магия ослаблена, однако в одной микролокальной традиции была записана песня, содержащая ярко выраженные эротические мотивы (№ 295). По свидетельству исполнительниц, эту песню пели женщины в троицкие или купальские дни.

ТРОИЦКАЯ СУББОТА

Мифологическая основа троицкой субботы – ярко выраженный поминальный культ. Если в Семик поминали умерших неестественной смертью, в том числе и чужих, то суббота накануне Троицы или сама Троица широко известны как день поклонения родным могилам – «родителям». Такая традиция существовала у разных групп восточных и южных славян [Агапкина 2002, с. 302] и уходит корнями в дохристианское время. Знаменитый церковный собор 1551 года, вошедший в историю под именем Стоглавого, осуждал этот обычай в двадцать третьем вопросе сорок первой главы: «В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся на гробах с великим **кричанием**. И егда учнут скоморохи и гудцы, и трегудницы играть, они же, от плача преставше, начнут скакати, и плясати, и в долони бити, и песни сатанинские пети» [Стоглав 1860, с. 104].

В приведенном отрывке отражены черты языческого поминального обряда, когда слезы и причитания на могилах переходили в смех и песни. По мнению исследователей, обрядовое веселье на могилах имело магический характер: возрождающий смех должен был помочь предкам в их загробной жизни. В большинстве местностей России к концу XIX – началу XX века и в более позднее время такой обряд существовал в локальных традициях: «Так, на Русском Севере во время календарных поминок на кладбище непременно присутствовал гармонист, обязанностью которого было по просьбе родственников играть для умерших коротенькие

песни, напоминающие частушки, причем родственники могли петь под этот аккомпанемент» [Агапкина 2002, с. 307]. В начале XX века также переходили от причитаний к веселью крестьяне Орловской губернии: «Трапеза и причитания на могилах в Троицкую субботу заканчивались пением и плясками как на самом кладбище, так и по дороге домой» [Агапкина 2002, с. 307]. В нашем kraе орловские переселенцы, проживающие в д. Вахрушево Тасеевского района, сохраняли этот обычай вплоть до конца 30-х годов XX века. Обрядовое веселье получило у них обоснование в русле хозяйственной магии.

42

«Идут у нас, бывало, с кладбища старухи. Площадь тут в деревне была, и всю посуду с недоеденным ставили посреди этой площади. Становятся старухи, берутся за руки и поют «Илею» (я сейчас не помню слова). Ставили посуду посреди площади. Корзинки всякие ставили и водили хоровод, и пели хороводные песни. Это чтобы коровы не отбивались, за пастухом ходили».

(Вахрушево, Тасеевский район)

С течением времени обрядовое поведение на кладбищах изменилось, но включение одного из дней троицкого цикла в поминальные обряды существовало во многих губерниях. В нашем kraе Троицкую субботу отмечали преимущественно новопоселенцы.

43

«Троицу празднуют три дня. Первый – Духовская суббота, второй – Духов день, третий – Троица. В первый день ходили на кладбище. Во второй делали яичницу из яиц и молока. В третий – приезжали из других деревень, сами ездили, устраивали гуляния, березки ставили около дома. У нас березки не наряжали».

(Канарай, Тасеевский район)

Троицкая суббота выделялась не во всех локальных традициях kraя. Там, где ее отмечали, она называлась по-разному: в селе Галанино Казачинского района – Троицкая, у новопоселенцев

Тасеевского и Бирилюсского районов – Духовская; а в украинских селах Партизанского района – Кличальная, Клечальная. Как отмечалось выше, последнее название происходит от обозначения зелени – «клечанье».

44

«Троицу праздновали три дня: первый – Духовская суббота, в нее ходили на могилки».

(Акатек, Тасеевский район)

45

«Была Троицкая суббота, в этот день поминали умерших. На могилы водили батюшку. Были еще поминальные дни перед Рождеством, перед Заговеньем, последняя суббота перед Казанской».

(Унжа, Тасеевский район)

В некоторых местностях европейской части России существовало поверье, что в Духов день души умерших «прилетают на землю и садятся на березовые ветки, воткнутые в наличники окон или поставленные на божницу» [Шангина 2004, с. 130]. Подобное верование мы встретили у жителей д. Вахрушево, приехавших в наш край из Орловской губернии в начале XX века.

46

«Березки вырубали в субботу. Березки наряжали разноцветной бумагой. Они назывались “духовки”, потому что на них прилетали души».

(Вахрушево, Тасеевский район)

Жители Псковской губернии считали, что в Духов день «родители», т. е. умершие родственники, стоят под березами, поставленными перед домом, и внимательно разглядывают живущих в нем [Шангина 2004, с. 130]. И хотя в нашем крае немало выходцев из Псковской губернии, таких представлений мы не встретили.

Согласно экспедиционным данным, Троицкая суббота была поминальной в деревнях Акатек, Унжа, Фаначет, Вахрушево, Ка-нарай Тасеевского района, Мина – Партизанского, Галанино и Дудовка Казачинского района. В других селах, где на Семицко-Троиц-

кой неделе поминали предков, на кладбище ходили в воскресенье. В XX веке так было принято в селах Межово Саянского района, Боготоле, Тасеево, Плотбино, Троицке Тасевского района, деревнях Орловка, Еловка Бирилюсского района и ряде других.

47

«Троицу праздновали три дня: воскресенье, понедельник, вторник. Красили яйца в субботу на воскресенье, ходили в воскресенье на кладбище. Духов день – в воскресенье, а Троица – в понедельник. Два дня главные, а третий – так. В это время нельзя ничего делать ни в доме, ни в огороде – грех. Так и в Белоруссии у нас было».

(Дудовка, Казачинский район)

48

«Троица – большой праздник. Бывает по-разному. В других селах, бывало, в субботу ходили на кладбище. А в нашей деревне, в Плотбино, – в воскресенье. В Тасеево и сейчас в воскресенье ходят. Продолжается Троица три дня».

(Плотбино, Тасеевский район)

Как правило, к поминальному дню на могилы близких приезжали люди, уехавшие из родных мест.

49

«Троица – большой праздник. Понаедут на кладбище из Красноярска, из Чипушево. У кого есть похороненные – все приезжают».

(Ивановка, Бирилюсский район)

50

«К Троице готовились заранее. Стряпали. Это делали в субботу: дом украшали, березы ставили в ворота. А в воскресенье уже шли на кладбище. Возвращаясь оттуда, несли цветы и плели венки».

(Орловка, Бирилюсский район)

51

«В Троицу у нас ходят на кладбище: в родительский день и в Троицу».

(Еловка, Бирилюсский район)

52

«В Троицу ходили до обеда на кладбище, после этого ходили друг к другу в гости. На Троицу красили яйца. Траву не приносили в дом».

(Манзя, Богучанский район)

53

«С утра в этот день шли на кладбище. У каждого окошка ставилась “березинка”. После прихода с кладбища начинались гуляния, приезжали гости. Праздновалась Троица два дня. Следующий день считался Духовым днем. Праздновали, не работали, говорили: “Пусть земля отдохнет”».

(Плотбино, Тасеевский район)

От древней языческой тризоны к XX веку сохранился обычай брать на кладбище еду и там трапезничать. Часть еды обязательно оставляли на могиле, считая это угощением «родителей».

54

«Троицу празднуют три дня. В этот праздник пойдут на кладбище, наберут продуктов, там сядут на могилки к родным своим, посидят, по стопочке выпьют, а потом собираются и идут, а дома уже гуляют, сколь им надо».

(Троицк, Тасеевский район)

55

«У нас Троица – большой праздник. На могилы ходили обязательно. Принесут всего, посидят и положат на могилку».

(Еловка, Бирюлюсский район)

В некоторых губерниях европейской части России и Сибири умершим приносили не только еду, но также березовые ветки и троицкие зеленые венки. В XX веке такая традиция была широко распространена в Приобье: «Березовые ветки втыкают в могильные холмы, а березовые венки вешают на погребальные кресты» [Фурсова 1998, с. 37]. В нашем kraе украшение могил свежей зеленью принято лишь в отдельных селах, среди новопоселенцев.

56

«На Троицу ходили на кладбище поминать родных, с собой несли цветы, ветки березы, сирень».

(Межово, Саянский район)

В отдельных местностях России не просто приносили ветки и цветы на кладбище, а совершали особый обряд. Он состоял в том, что ветками березы и сирени слегка обметали могилу: от края к центру или сверху вниз. В 20-х годах XIX века во время ссылки в Михайловское обметание могил наблюдал А.С. Пушкин, но из-за цензурных ограничений не смог опубликовать свои наблюдения [Толстой 1976, с. 30]. Впервые сведения об этом обряде опубликовал И.М. Снегирев, который приводит и местный смысл данного обряда: «Это называется “глаза у родителей прочищать”» [Снегирев 1829, с. 183]. В некоторых деревнях Центральной России семицкое или троицкое обметание могил цветами или веником называли «опахиванием» и сопровождали плачем и похоронными причитаниями.

В середине XIX века обрядовое опахивание наблюдал в Петербургской губернии и описал Вилльер-де-Лиль-Адам: «Троица. Бабы и девки собираются на кладбище после обедни, “опахивают” веником могилы родных и голосят по отце, матери или муже. Трудно описать зрелище, представляющееся изумленным взорам постороннего зрителя. Несколько сот женщин и девок воют, плачут, кричат, рыдают. Это продолжается несколько часов, до того, что голосящие часто падают в обморок. Плачут только те женщины, которые живут в бедности или, по крайней мере, в стесненных обстоятельствах... Иногда случается, что баба, обеднев через несколько лет после смерти отца или матери, только с того времени начинает плакать по Троицам... Слова те же самые, которые плачутся при похоронах» [Цит. по: Обрядовая 1989, с. 251].

Крестьяне некоторых губерний считали, что «опахивание» приносит душевную или физическую радость умершим. Л.А. Тульцева приводит разные мотивировки обрядового опахивания, сохранившиеся в архивах XIX века: «душеньки их будут радоватьсь», «костям покойников так же приятно, как живым в бане» [Тульцева 1999, с. 8]. «Опахивание» могил могло быть направлено на сохранение здоровья участников обряда: «Самый старший в семье связывал ветки вместе и таким веником подметал (**опахивал, парил**) могилы, после чего то же самое делали все по очереди, иначе бы “родители” наказали их ломотой в костях» [Агапкина 2002, с. 307].

В ХХ веке обрядовое опахивание могил сохранилось в ряде населенных пунктов Псковской области [Агапкина 2002, с. 307], но, хотя в Приенисейской Сибири немало переселенцев-псковитян, в нашем крае обряд не исполнялся. Возможно, его позднейшей модификацией является традиция приносить на могилы цветы и ветки.

В большинстве населенных пунктов края на кладбище приносили также обрядовое угощение, как правило, блины и крашеные яйца. Яйца к этому дню красили так же, как к Пасхе, луковой шелухой, а иногда – березовыми листьями.

57

«Троицу праздновали: три дня сначала, а потом всю Троицкую неделю от воскресенья до воскресенья. Красили яйца и брали обязательно на могилу. Яйца красили шелухой, березовыми листьями, краской».

(Междуречье, Тасеевский район)

Как известно, яйцо – это древний символ жизни. В поминальной обрядности Троицы оно имеет особый магический смысл: служит символом продолжения жизни умерших в ином мире. Возможно, эта древняя семантика осознается не всеми, но в ряде сел и деревень традиция крашения яиц сохранилась до нашего времени.

58

«В Троицу яйца варили и красили, и сейчас красим».

(Акатек, Тасеевский район)

59

«Ходили на могилы и на кладбище брали с собой яйца. Яйца красили в Троицкую субботу, только если на кладбище шли».

(Галанино, Казачинский район)

60

«У нас яйца варили в Троицкую субботу, на помин, с ними шли на кладбище».

(Галанино, Казачинский район)

61

«К Троице яйца красили березовым листом. Красили и носили на могилы».

(Бархатово, Березовский район)

В некоторых селах нашего края на кладбище приносили поминальную кутью. Поскольку в это блюдо входили зерна злаков, оно также символизировало продолжение жизни в ином мире.

62

«На Троицу ходили на кладбище, приносили кутью с собой и крашеные яйца. Могилки украшали цветами».

(Сотки, Сухобузимский район)

В локальных этнических традициях существовал обычай приносить на кладбище кроме яиц любимую еду умершего. Ее оставляли на могиле, как бы устраивая обрядовое кормление.

63

«На Троицу поминали родителей. Обязательно на кладбище приносили ту еду, которую любил умерший».

(Ирбей)

В некоторых местностях троицкое поминование умерших включало обязательную раздачу милостыни. Как отмечает Е.Ф. Фурсова, «требовалось подать по крайней мере трем людям... Особенno угодным богу считалось угождение детей (не наделение их деньгами!)» [Фурсова 1998, с. 38]. В Приенисейской Сибири раздача милости не входила в число обязательных поминальных действий, хотя, вероятно, спонтанно это делалось.

Наши материалы позволяют заключить, что поминальный день на Троицкой неделе существовал у новопоселенцев, а также в селах со смешанным населением, где преобладает новопоселенческая традиция. В старожильческих деревнях Казачинского, Кежемского, Богучанского, большей части Мотыгинского районов на Троицкой неделе на кладбище не ходили. В Приангарье днями посещения и угождения умерших были Масленица и Родительский день, отмечаемый во вторник на Фоминой неделе.

В отдельных деревнях нашего края жители поминали в Троицкую субботу только людей, умерших неестественной смертью.

64

«Троицу праздновали в воскресенье, через семь недель после Пасхи. Девушки завивали венки, бросали в воду – загадывали на за-

мужество. Ходили на кладбище, поминали утопленников и удавленников. Все украшали травой и березовыми ветками».

(Калиновка, Саянский район)

65

«В Троицу на кладбище обязательно поминали утопленников и удавленников».

(Переясловка, Рыбинский район)

В Троицкую субботу исполнялись также магические действия, направленные на оздоровление всех членов семьи. Например, важным обрядовым действием было посещение бани, воспринимаемое как очищение и оздоровление.

66

«Перед Троицей суббота называется Духовская. В этот день ходили на кладбище, потом топили баню».

(Канарай, Тасеевский район)

В очистительных обрядах основное место занимала береза. По народным представлениям, в это время береза обладала особой животворной силой, которая могла передаваться людям. В некоторых районах Сибири (как, например, в Приобье) ломали свежие березовые веники и парились ими в Троицкую субботу [Фурсова 1998, с. 39]. В нашем крае такой традиции не было. Вероятно, это связано с климатическими условиями Приенисейской Сибири: ведь в случае ранней Троицы березовый лист был некрепким, а при холодной весне даже не успевал развернуться. Во время экспедиционной работы нам удалось записать другой обряд, направленный на оздоровление членов семьи. Так, в новопоселенческой деревне Фаначет Тасеевского района жители протапливали бани березовыми дровами и плели венок из березы, через который должен был пройти каждый из домочадцев.

67

«Троица – по-старому этот день назывался «Дух». Отмечали три дня. Духовская суббота была родительская: ходили на кладби-

ще. Вставали утром рано, топили баню березняком. Плели большой венок из березки. Как помоешься, надо человеку через этот венок пройти, чтобы здоровым быть. Потом шли на кладбище, угощались там пирогом, ломали его. Вечером поминки были».

(Фаначет, Тасеевский район)

ТРОИЦА

Подготовка к празднованию

К Троице тщательно готовились. Как обычно перед большими праздниками, подготовка включала уборку дома и двора, но перед Троицей чистили, приводили в порядок и украшали не только дворы, но и улицы деревень и поселков.

68

«Перед Троицей мели улицы, вкапывали под окнами и у ворот березки».

(Мокрушинское, Казачинский район)

69

«Березки вырубали в субботу. До обеда моются в бане, убираются, а после обеда уже праздник. Дома украшали березками, около дома вкапывали березки, в доме ставили цветы».

(Усть-Данилки, Тасеевский район)

Поскольку Троица была большим праздником, то в этот день строжайше запрещалось работать. В некоторых новопоселенческих селах даже приготовление еды считалось грехом, поэтому ее готовили накануне.

70

«В субботу перед Троицей в бане моются и березки эти становят. В обед блины пекут хорошие. Уже на самую Троицу печка не топится, чтоб дыму не видать нигде было».

(Ялай, Тасеевский район)

«К Троице яйца красят; “пива” варят. Избы, предварительно вымытые, выскобленные или выбеленные украшаются внутри и снаружи (перед крыльцом) свежими березками; пол посыпается свежей травой».

Это описание принадлежит перу А.А. Макаренко, который дает обобщенное описание подготовки к Троице. Здесь смешаны детали старожильческого и новопоселенческого быта. Наша экспедиционная работа позволила установить, что в разнопоселенческих, этнических и культурных традициях украшение домов к Троице отличалось. Вы увидите это из дальнейших описаний.

Происхождение праздника

Троица – это народное название религиозного праздника Пятидесятницы. Этот праздник «посвящен воспоминанию о сошествии Святого Духа на апостолов» [Шангина 2004, с. 123]. Согласно христианской легенде, на пятидесятый день после Пасхи апостолам явились «разделяющие языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них» [Воскобойников 2008, с. 247]. В результате этого явления каждый из апостолов обрел знание неизвестного ранее языка. Чудо произошло для того, чтобы апостолы могли проповедовать по всему миру учение Христа. Сошествие Святого Духа на апостолов в православной традиции рассматривается как проявление божественного триединства Бога: Отца, Сына и Святого Духа [Шангина 2004, с. 128]. Отсюда второе, более известное название праздника – Троица.

В религиозную практику христиан праздник Троицы официально был введен в IV веке н.э. [БЭ, с. 108]. О том, когда он появился в календаре восточнославянских народов, источники говорят не очень убедительно. В ряде публикаций последнего десятилетия утверждается, что празднование Троицы было введено в обрядовую практику святым Сергием Радонежским в начале XV века

[Шангина 2004, с. 124; Зуева 2010, с. 11]. Но в таком случае неясно, почему православная церковь так долго игнорировала важную для всего христианского мира дату. Думается, ее введение в календарь восточных славян началось вслед за крещением Руси, т. е. после X века, но, возможно, в разных регионах Руси включение праздника в церковный календарь произошло в различные сроки. Что касается XV века, то, вероятно, в этот период произошло возрождение праздника в тех регионах, которые не могли его отмечать в эпоху татаро-монгольского владычества над Русью.

Если Семик считался девичьим праздником и в XIX веке отмечался не везде, то Троицу отмечали все жители без исключения. В XIX – начале XX века этот день считался одним из крупнейших христианских праздников годового календарного цикла. Церковный устав свидетельствует о том, что Пятидесятница входила в число двунадесятых, т. е. особо чтимых великих праздников [Христианство 1993, с. 466]. О таком же восприятии даты в народной культуре нашего края свидетельствует А.А. Макаренко.

72

«По мнению сибирских крестьян, только три церковных службы бывают в году самые торжественные: “Христовска заутреня”, “Благовещенская обедня” и “Троицкая вечерня”».

Как в каждом большом празднике, в Троице можно выделить несколько уровней религиозных представлений и обусловленных ими обрядовых действий. Ранняя, языческая, основа перенесена из обрядовой системы Семика и связана с почитанием растительности, земли и предков, христианская – более поздняя. Следует добавить, что, внося в древние славянские праздники христианское содержание, церковь не отменяла языческие обряды и не боролась с ними, а органично включала их в структуру празднования. Дан-ный процесс профессор богословия, протоиерей Зеньковский охарактеризовал термином **рецепция** [Зеньковский 1997, с. 414]. Этот синкретизм языческого и христианского вы наглядно увидите далее в описании обрядов христианской Троицы.

Приметы

В народной культуре существует не много примет, связанных с Троицей. Большинство из них фиксируют взаимосвязь таких весенних дат, как день Николы Вешнего и Троицы. Так, крестьяне заметили, что если в день Николы Вешнего (6 мая по старому стилю) на земле много влаги, то к Троице на земле будет богатая зеленая растительность.

73

«Микола с водой – Троица с травой».

(Галанино, Казачинский район)

Другие приметы имеют прогнозирующий характер, связывая состояние природы в Троицу с погодой наступающего лета, а также с будущим урожаем хлеба или грибов.

74

«На Троицу дождь – много грибов».

(Большой Кускун, Березовский район)

75

«Если к Троице лист не развился – это плохо, к голоду».

(Бартанас, Тасеевский район)

76

«Если на Духов день (на следующий день после Троицы), погода дождливая, то всё лето будет жаркое и мало дождей будет».

(Сопки, Сухобузимский район)

Праздник Пятидесятницы отмечается православной церковью два дня. Это Троица и Духов день, отмечаемый в понедельник после Троицы [Шангина 2004, с. 129]. А.А. Макаренко также упоминает о двух днях празднования в регионе – собственно Троице и Духовом дне.

77

«Всеми почитается за большой праздник: в первый день празднуется Св. Троица, во второй – Духов день. В частности, считается “девьим” праздником».

Определение этнографом Духова дня как девичьего – «девье-го» праздника, нуждается в комментарии. В научной и этнографической литературе подобное восприятие даты не зафиксировано. Не встречали мы следов такого восприятия и во время экспедиционной работы. Похоже, в данном случае А.А. Макаренко допустил неточность. Как мы видели, девичьим праздником считался Семик. Возможно, ошибка проникла в книгу потому, что «Сибирский народный календарь» А.А. Макаренко писал уже в Петербурге, по возвращении из сибирской ссылки, и не всегда мог уточнить собранные в нашем kraе материалы. При этом следует добавить, что у сибириakov-чалдонов Чаусской волости Новосибирского Приобья вторник Троицкой недели действительно был женским праздником [Фурсова 1998, с. 36].

А.А. Макаренко отметил место Троицы в региональном календаре без вариантов и разночтений. Согласно его публикации, Троица отмечалась в воскресенье, а следующий за ней понедельник отмечался как день Святого Духа. Говоря о Троице, этнограф подчеркнул:

78

«Всегда бывает на “сёмой” неделе – в воскресенье после Пасхи».

Во время экспедиционной работы обнаружилось, что место Троицы и Духова дня в сознании жителей нашего kraя неодинаково. Одни отмечали Троицу в воскресенье, другие – в понедельник. Соответственно, в разнопоселенческих традициях kraя отличались названия праздничных дней. В северных, старожильческих, районах kraя Троицей считали воскресенье, т. е. пятидесятый день после Пасхи. При этом важными считались два дня праздника.

79

«Троица у нас была всегда в воскресенье. Она держит уже воскресенье. Она число не держит, а вот воскресенье держит. А назавтра, Духов день, тоже большой праздник. Не работают».

(Рождественское, Казачинский район)

Следующий за Троицей понедельник назывался Духов день у жителей Канского и Казачинского районов.

80

«Духов день был сразу после Троицы, на следующий день».
(Решающий, Канский район)

81

«Назавтра Троицы – Духов день. Нельзя было землю шевелить в этот день. Троицу три дня праздновали».

(Матвеевка, Казачинский район)

Однако в ряде центральных и южных районов края, преимущественно в среде новопоселенцев, восприятие и обозначения праздничных дней были иными. Здесь Троицу отмечали не в воскресенье, а в понедельник. В воскресенье же праздновали Духов день. В некоторых новопоселенческих селах сталкивались разнородные традиции. Так, в д. Усть-Данилки Тасеевского района у переселенцев из Орловской губернии воскресенье называлось Троицей, а смоляне этот же день недели именовали «Духов день». Троицей они считали следующий за Духовым днем понедельник.

82

«У нас воскресенье орловцы называли Троица, а смоляки – Духов день».

(Усть-Данилки, Тасеевский район)

Может показаться, что мы имеем дело с забвением исконных обозначений, возникшим из-за разрушения традиционной культуры. Однако наши информаторы ничего не забыли и не напутали. Напротив, разное восприятие и обозначения праздничных дней показывают поразительную сохранность культурной и религиозной традиции в условиях атеистического XX века. Несовпадающие обозначения воскресенья отражают его различное восприятие двумя ветвями христианства: православием и католичеством. Как отмечается в последнем издании Большой энциклопедии, в католической традиции на 50 день после Пасхи отмечается именно «сочество Святого Духа на апостолов», т. е. Духов день. На восьмой день (октаву) праздника «отмечается день Пресвятой Троицы» [БЭ, с. 108].

Празднование воскресенья как Духова дня зафиксировано фольклорными экспедициями КГПУ у переселенцев из Белоруссии в д. Дудовка Казачинского района, а также в селах Фаначет

и Канарай Тасеевского района. При этом именно Духов день, т. е. воскресенье, считался у них главным днем праздника.

83

«Праздновали три дня. Первый день – Духовская суббота, второй, воскресенье, – «Дух», третий – Троица».

(Канарай, Тасеевский район)

84

«В воскресенье был сам Дух. С утра жарили яичницу, мешали ее с молоком и мукой. Потом шли на игрище».

(Фаначет, Тасеевский район)

В соответствии с разными культурными и религиозными традициями варьировалась и длительность празднования Троицы в регионе. В с. Троицк Тасеевского района, д. Мина – Партизанского в определении длительности праздника произошло совмещение новопоселенческой и старожильческой традиций. Влияние новопоселенцев проявилось в начале празднования с субботы, а старожильческая традиция предписывала включать в число праздничных дней вторник. В силу этого праздничными стали считаться четыре дня.

85

«Троицу у нас отмечали четыре дня: из трех углов изба не строится. Троицкая суббота – родительский день. На кладбище идут, как на праздник. Начинается Троица в воскресенье, в понедельник – Духов день, вторник тоже праздник».

(Троицк, Тасеевский район)

Восприятие праздника жителями края

В 70–80 годы XX века о религиозно-христианской основе Троицы и Духова дня знали немногие верующие жители края.

86

«Троицей называли, потому что Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой».

(Енисейск)

87

«Бог Отец, Бог Сын, Бог Святой Дух – вот это Троица. Троица была на седьмой неделе после Пасхи».

(Ялань, Енисейский район)

В народе сохранилось понятие о важности этого триединства. Иногда оно включает прагматический аспект, о чем свидетельствует записанная на Ангаре пословица.

88

«Без Троицы дом не строится».

(Бедоба, Богучанский район)

Эту пословицу можно трактовать в религиозном плане – как обращение за покровительством во время строительства к Святой Троице. Более конкретное значение выявляют исследования ученых. Так, М.М. Громыко указывает, что в некоторых местностях строительство дома, начатое ранней весной, должно было обязательно захватить Троицу [Громыко 1975, с. 236]. Такая же традиция существовала в Пермском крае у коми-пермяков [Байбурин 1983, с. 47]. В данном случае строящееся жилище как бы сразу отдавалось под покровительство высшим силам.

Заметим, что идея единого Бога была далеко не всем известна и понятна. В XX веке причиной этого в значительной степени является отсутствие религиозных знаний. Но и жители преклонного возраста, рожденные и воспитанные до революции, не всегда могли объяснить смысл понятия «Троица», и это не случайно. Ученые считают, что на Руси было более развито поклонение Богородице и Спасителю. Религиозная идея Троицы для большинства православных российских христиан осталась абстрактной и далекой. Поэтому даже от верующих мы слышали неожиданные толкования праздника.

89

«Троица – пресвята Мать Богородица на земле находится».

(Бузыканово, Богучанский район)

90

«Троица означает три лика святых».

(Бархатово, Березовский район)

Нередко праздник Троицы связывается с чествованием трех мучеников, но по поводу их имен в народной культуре разногласия.

91

«Троица потому, что было три святых мученика».

(Арефьево, Бирюльский район)

92

«Троица – в честь трех святителей: Иоанна Богослова, Георгия Победоносца, Василия Блаженного».

(Матвеевка, Казачинский район)

93

«Называлась Троица потому, что на иконе были изображены три апостола: Петр, Павел, Василий».

(Межово, Саянский район)

94

«Троица – Святой Павел, Петр, Христос».

(Галанино, Казачинский район)

95

«Раньше был Бог и черт. Бог посыпал черта, чтобы он делал хорошие дела: посыпал на землю дождь, отводил градовые тучи и т. д. А черт только проказничал. Бог осерчал и отоспал черта от себя. В этот день Бог и Божьи угодники Петр и Павел ели хлеб, макали его по три раза в соль и запивали водой, так и пошла Троица».

(Казачинское)

Как видим, в конце 80-х годов XX века христианская суть праздника Троицы для многих была весьма туманной. Многие жители края связывали этот праздник только с изменениями в природе:

96

«У нас говорили: “Троица – земля травой покроется”».

(Бедоба, Богучанский район)

«Троица – земля травой покроется».

(Сопки, Сухобузимский район)

Зеленая растительность в троицких обрядах

В троицких, как и в семицких, обрядах на первое место выходит почитание растительности. Поэтому молодые деревца, ветки, трава, цветы были главными предметными символами праздника, являясь знаком расцветающей природы. В большинстве местностей России троицким деревом была береза, но им могли быть и рябина, черемуха, можжевельник, ель или большая ветка одного из названных деревьев [Агапкина 2002, с. 611]. В селах нашего края обрядовым деревцем была березка, лишь в отдельных местных традициях обрядовые действия совершали с другими деревьями. Так, в д. Инголь Шарыповского района в центре троицких обрядов была большая украшенная ветка ели.

В региональных традициях России троицкое деревце имело разные названия: березка, куст, тополя, май. В Тульской [Снегирев 1838, с. 103] и Ярославской губернии кроме названия **березка** деревце называли **кума**, в Московской – **венок**, в поволжских селах ее могли именовать **розаном** или **маем** [Агапкина 2002, с. 611]. В нашем крае местные названия березки у старожилов и новопоселенцев были разные. В старожильческих районах, так же как в Семик, троицкое деревце могло именоваться «гостейкой» и «сестрицей». При этом первое название звучало в речевом дискурсе (см. № 164), а второе – в поэтическом (см. № 161).

К началу XX века в троицких обрядах нашего края почитание растительности проявлялось шире, чем в семицких. Так, именно к Троице было принято украшать зеленью улицы и дома. При этом старожилы и новопоселенцы по-разному оформляли жилища: старожилы лишь украшали березками дома снаружи, укрепляли березки на воротах, ставили под окнами и во дворе. Новопоселенцы, кроме этого уививали зеленью ворота и окна, ставили в доме букеты, расстилали траву по полу и в ограде, как бы реализуя приведенный выше приговор о земле, покрытой травой:

98

«Название обозначает: Троица – земля травой покроется. По старинному обычанию украшали дом венками, цветами, вкапывали во дворе березы. Березу украшают только цветками и венками. Во дворе ставится две березы».

(Орловка, Бирюльский район)

99

«Рубили березы, ставили у порога. И на окна – березовые ветки».

(Бархатово, Березовский район)

100

«Рубили березки, ставили во дворе, в доме около крыльца. По дому разбрасывали цветы».

(Ирбейский район)

101

«Троица – три дня не работали. Ворота дома обивали зелеными ветками».

(Нижняя Кая, Ирбейский район)

102

«Принесли две березки и ставили в ворота. Обычно за березками ходили девушки в Духовскую субботу. Березки стояли три дня, потом их разряжали и использовали на дрова».

(Орловка, Бирюльский район)

103

«Накануне рубили березку. Ее не наряжали, а ставили у дома во дворе. В доме и во дворе на пол кидали цветы и траву. Березки стояли неделю».

(Красный Маяк, Канский район)

Готовясь к Троице, крестьяне вырубали молодые березки, вкалывали их у окошечек и ставили у ворот. Для того, чтобы березки дольше не вяли, делали ямку в земле, куда наливали воды. Палисадников перед домами в сибирских старожильческих селах не было, и березки становились не только украшением дома, но и всей улицы.

В разных деревнях края существовали свои представления о количестве необходимых березок и их расположении. Например, в Приангарье было принято ставить по березке под каждое окно. А в д. Зайцево Мотыгинского района березовой зеленью украшали и ворота.

104

«За березами в лес шел хозяин. Срубали столько берез, сколько окон в избе. Под каждое окно ставили березку, у ворот – две».

(*Зайцево, Мотыгинский район*)

105

«Березки на Троицу выкапывали и сажали перед окошками. Сколько окошек, столько и березок. За березками ходили все. Веточки березы клали на божницу. Пол травой у нас не устилали».

(*Каменка, Богучанский район*)

106

«Рано утром, пока все спали, отец ставил березку под каждое окно. Траву у нас не приносили».

(*Кодинск, Кежемский район*)

107

«К Троице украшали дома березками. Под окошком ставили. Срубят, вкопают в ямку с водой. Траву не приносили. Яйца варили, красили их так же, как в Пасху».

(*Пинчуга, Богучанский район*)

108

«Троица – это значит земля травой покрывается. В Троицу под каждое окно, которое выходит на улицу, ставили березки. Их не украшали. Траву не приносили и ею пол не устилали».

(*Бедоба, Богучанский район*)

109

«Ставили около дома березки. Садят березки под окно и приговаривают: “Тките, прядите, красные девицы, а я три дня и одета”».

(*Карабула, Богучанский район*)

В некоторых селах было принято в честь праздника Троицы вкапывать около дома три березки. Иногда их украшали лентами.

110

«К Троице переезжали через речку, срубали три небольшие березки. Затем эти березки привозили домой и ставили возле дома. В доме в этот день обязательно прибивали на стенку пихточку. А березок у нас не наряжали никогда. Брали самовар и шли на лужайку: гуляли, играли и пели всякие разные песни».

(Яланъ, Енисейский район)

111

«Вечером под Троицу, в субботу, ставили березки. Обязательно нужно было поставить по три березки, так как это Троица. Их не украшали. После Троицы березки выкидывали».

(Сухово, Тасеевский район)

112

«Украшают дома березками. Под окна ставят. В доме – нет. Ставят березки в субботу. Вечером срубят, сделают в земле луночку, воду туда, и ставишь».

(Галанино, Казачинский район)

113

«Березки раньше под окна ставили. Прямо деревом становили: и в калитках становили, и на дворе – везде. Даже, бывало, ворота раньше окружают березкой. Березку надо вырубать и ставить в субботу».

(Ялай, Тасеевский район)

114

«Перед Троицей вечером мама отправляет по березку. Украшишь ее лентами. Перед домом, перед окном поставишь. Не лень – так две срубишь».

(Богучаны)

115

«На Троицу украшали березки. Их срубали парни. Украшенные березки ставили вокруг домов».

(Мотыгино)

116

«А саму березку ленточками украшали и ставили, в землю вкапывали. Три-четыре березки стоят перед избой, и все наряжены».

(Богучанская Заимка, Богучанский район)

117

«В Троицу идут молодежь, вырубают березки 3-4 под окно, и они стоят зеленые. У нас такие березки не наряжали. Наряжали лентами одну березку, и стояла эта березка там, где гуляют, около столов. Потом ленты убирают, она сохнет, стоит».

(Рожково, Кежемский район)

В тех новопоселенческих деревнях, где ветки или деревце березы приносили в дом, их ставили либо у икон, либо у изголовья кровати. Кроме веток в дом приносили букеты цветов, расстилали на полу и во дворе траву. В нашем kraе немало сел, где старожильческая и новопоселенческая традиции существовали параллельно.

118

«Перед Троицей убирают во дворах, приносят из лесу березки, ставят в углах во дворе. Нарубали веток березовых, украшали ими ворота, дом снаружи, хлев, стайку. Траву или пихту приносят в избу. И в избе украшали ветками березки. Ветки ставили под окно, вокруг икон. Березки ставили девушки.

Рвали траву и из нее в доме стелили ковер на пол. Еще приносили траву, которая росла на болоте, и расстилали в избе и в ограде. Она лежала всю неделю. А мы все три дня гуляли, ходили на кладбище, собирались кучками, играли в карты, в разные игры, пели песни, но вина не пили».

(Мина, Партизанский район)

119

«На Троицу березу становили от потолка до полу и наряжали ее. Наряжали чем попало: ее полотенцами обвязывали, кто-то даже портреты вешали. Березку среди избы ставили. Ставили, как елку,

в ведро, в банку. И стояла она три дня. И три дня нельзя было работать. Некоторые березки к воротам прибивали».

(Галанино, Казачинский район)

120

«Ну, в этот день ходили в лес, на луга. Гуляли, пели. В домах все застилали осотом, который рвали, и он все покрывал, как ковер. Приносили березы и делали квиченья, т. е. украшали ворота березками, избу – веточками».

(Межово, Саянский район)

121

«Дома украшали березками изнутри. Березки ставили в правый угол. В Троицу приносили траву, разбрасывали ее по дому, а потом отдавали скоту».

(Большой Улуй)

122

«Приносили из леса березку, ставили перед домом. И в доме все березовыми листьями устилали. В хату веточек наломаем. Вырубали парни».

(Троицк, Тасеевский район)

123

«Украшали березками около ворот, под окошком, на дворе, в хате. В хате натыкаем веточки, а на улице вкапывали в землю. В хате еще на икону веночки из березовых веточек вешали. Перевязывали их холщовыми нитками».

(Акатек, Тасеевский район)

124

«Троица праздновалась в воскресенье. За два-три дня до праздника приводили дом в порядок: белили, мыли, подметали во дворе. Затем ставили в доме **лиственку** (лиственницу) в воду, чтобы стояла около недели. Пол посыпали мелкой травой, двор украшали ветками молодых берез».

(Ирбей)

125

«У нас на Тамбовщине на Троицу березку не наряжали: лесу не было. А здесь березку домой приносили, прибивали на стенку».

(Канарай, Тасеевский район)

Переселенцы из Украины рассказывали нам, как на исторической родине они приносили в дом ветки клена и ясения.

126

«Устилали в избе лопаху. Это трава, она как осот. Лопаха сильно ароматная, ей устилали двор, в избе стелили. Вырубали кленовые ветки. Ясень ставили перед окнами, все озеленяли – ведь Зеленые Святы».

(Данилки, Тасеевский район)

Если у старожилов края основной троицкой зеленью были ветки березок, то новопоселенцы наряду с березками украшали дома другими деревьями. В Ялае и Унже Тасеевского района, Ивановке Бирилюсского района, Ирбее к Троице вместе с березой приносили из лесу ветки пихты, лиственницы.

127

«Траву у нас не рвали, а – пихту. Ломали, приносили, полы застилали. Черемуху наломаешь, в посуду становишь. Потом, после праздника, березку и пихту бросали за деревней».

(Ялай, Тасеевский район)

128

«Траву не приносили, а в комнату клали ветки пихты. Дома украшали березками и лиственницами».

(Унжа, Тасеевский район)

129

«Троица – ненасущная, нераздельная. Понедельник – Духов день. На Троицу украшали дом. Возле окна ставили березку. Вокруг иконки укладывали наряженную ветку пихты. Березку приносили накануне в субботу. Траву расстилали по полу. У нас хороводы не водили. А яйца красили, березу украшали лентами».

(Орловка, Бирилюсский район)

130

«Перед Троицей приносили молодой листяк в дом, он дает хороший аромат. Хороводы не водили».

(*Выезжий Лог, Манский район*)

131

«К Троице собирают боготворную траву и разные – не только березовые – ветки. Развешивают их, кладут на подоконник, втыкают в щели».

(*Вахрушево, Тасеевский район*)

132

«У нас весь дом усыпали цветами и травой».

(*Ирбей*)

Как видно из приведенных описаний, в ряде новопоселенческих сел Енисейской губернии существовал обычай устилать пол травой. В европейской части России этот обычай был широко распространен. Его очень колоритно описал И.С. Шмелев в романе «Лето Господне», где происходящее изображено от имени мальчика-подростка: «На дворе стоит воз с травой. Антипушка с Гаврилой хватают ее охапками и трусят по всему двору. Говорят, еще подвезут возок. Я хожу по траве и радуюсь, что не слышно земли, так мягко... Пахнет, как на лужку, где косят. И на воротах поставлены березки, и на конюшне, где медный крест, и даже на колодце. Двор наш совсем другой, кажется мне священным. Неужели зайдет Господь во Святой Троице? Антипушка говорит: “Молчи, этого никто не может знать”» [Шмелев 1989, с. 356].

В народе смысл устилания земли и пола травой понимался по-разному. Изначально расстилание травы воспринималось в мировоззренческом аспекте – как имитация зеленого покрова Земли.

133

«На Троицу траву косили, разбрасывали в доме и во дворе и приговаривали: “Придет Троица, земля травой покроется”. Праздновали три дня: субботу, воскресенье и понедельник».

(*Рождественское, Казачинский район*)

134

«Троица постоянного числа не имеет, но обязательно – в воскресенье. Ветки березы и лиственницы – под иконами, в банки, за ворота, в избе под углом. По полу разбрасывают разную траву, приговаривают: “Вот подошла Троица, земля травой покроется” – и пол должен травой покрыться. Трава лежала день, два. Лиственница и береза лежали, пока не завянут. И ветки, и траву рвали в субботу: в воскресенье считалось – грех».

(Мина, Партизанский район)

Однако во время экспедиционной работы мы нередко встречали и прагматическое объяснение расстиланию травы на полу.

135

«Приносили в Троицу траву. Расстилали ее на полу (раньше он был земляной, поэтому от травы было чисто и мягко). После праздника, как трава завянет, ее выкидывали».

(Богуславка, Партизанский район)

136

«Березу ставили под окна дома. Веточки приносили в дом, клади за икону и другие места – украшали дом. Березку не наряжали. Траву приносили в дом для запаха. Приносили, у которой цветы были синего цвета. Береза стояла три дня, потом ее пилили на дрова, а траву отдавали скотине».

(Ивановка, Бирюльский район)

137

«Траву приносили. По полу ее стелили, чтоб блох не было у людей. Все на траву перейдут. Потом эту траву на улице жгли».

(Дудовка, Казачинский район)

138

«К Троице украшали дома березками. Срубленную приносят домой и ставят в банку с водой, и стоит она три дня. Перед Троицей обязательно прибирались в доме. Березку ставили в изголовье кровати. Приносили также в дом цветы и траву. Расстилали ее около

кровати. Приносили... Обязательно, чтобы было три сорта травы. У нас говорили, что они выгоняют всех насекомых из дома».

(Климовка, Большегуйский район)

139

«В доме стелили полынь от блох».

(Зайцево, Мотыгинский район)

В России троицкое украшение помещений зеленью вошло и в церковный ритуал. В Москве оно было зафиксировано в документах 1634 и 1679 годов, цитаты из которых мы приводим, опираясь на статью Л.А. Тульцевой. Исследовательница изучила «Устав церковных обрядов, совершившихся в Московском Успенском соборе», где описываются приготовления к украшению церкви.

Из описаний видно, что основные этапы приготовления зеленого покрова совершаются по благословению патриарха, а каждое действие закреплено за людьми определенного статуса: «В субботу вечером (“до паверичицы или до вечерни”) патриаршие крестьяне из пригородных подмосковных деревень привозили “лист” – зеленые ветки... По патриаршему благословению привезенный “лист” вносили в Успенский собор церковные сторожа. После патриаршего благословения лист “складывали к одной стороне” церковные **ключари**. А поутру рано, на первом часу, **сторожи**, все 16 человек, придут и готовят мелкий лист, отсекаючи, что стлать перед престолом, под ковер и в холсты ложат до времени, в чем принести во олтарь, да потом вскоре пред обеднею и прочий лист вносят в церковь и раскладывают по обе стороны» [Тульцева 1999, с. 7].

Дальнейший порядок приготовления к Троице и присутствие на богослужении царя зафиксирован в «Треодионе» 1679 года, с фрагментом которого также знакомит публикация Л.А. Тульцевой. В этом документе описан сложный ритуал использования троицкого «листа»: «А к вечерни ключари на налой приготовят праздник живоначальной Троицы, и после девятого часа патриарх выходит со Властью на место, где облачается, и начинает сам вечерню, а как после стихир начнут славник петь и клю-

чари приносят Государю лист и настилают, смешав с Государевым листом, на его Государево место, его Государев лист стелют патриарху и Властем и во всю церковь, а патриаха молитву без митры, непокровенною главою на запад, и ныне посему же неизменно бывает, и прочее поют по уставу, а тот день павечерня не бывает...» [Тульцева 1999, с. 7].

Стольники, сопровождавшие царя, несли за ним букет цветов, именуемый «венник», и листья, освященные во время обедни. Смешанным «государевым» и «патриаршим» листом застипалось царское место, которое затем окроплялось розовым настоем, так называемою «гуляфною водкой». Это действие сопровождалось пением молитвы «Свете тихий»: «Сторожа, лишь запоют “Свете тихий”, разносили по всей церкви лист, а государю на место кладет лист ключарь. На этом благовонном листе царь во время молитвы совершал коленопреклонение. Это называлось “лежать на листу”, т. е. падать ниц на листья и оставаться так до конца молитвы (“лицеземное поклонение”)» [Тульцева 1999, с. 7].

По мнению Л.А. Тульцевой, искоренение описанного богослужения началось с Петра I, уничтожавшего старорусские обычаи, а особенно – ритуалы православной церкви с участием царя и патриарха. Однако далеко не сразу и не все старинные порядки были уничтожены. Так, в XIX веке повсеместно сохранился обычай украшать православный храм ветками берез, цветами и букетами. Прихожане несли букеты цветов для освящения, а в церкви ставились березки и устипался травой пол. При этом храм радикально менялся, даже приобретая подобие рощи.

Яркое описание троицкого преображения церкви дал дореволюционный писатель И.С. Шмелев: «Мы идем все с цветами. У меня ландышки, и в середке большой пион. Ограда у Казанской зеленая, в березках. Ступеньки завалены травой так густо, что путаются ноги. Пахнет зеленым лугом, размятой сырой травой. В дверях ничего не видно от березок, все задеваются головами, раздвигают. Входим как будто в рощу. В церкви зеленоватый сумрак и тишина, шагов не слышно, засыпано все травой. И запах совсем особенный, какой-то густой, зеленый, даже немножко душно. Иконостас чуть виден, кое-где мерцает позолота, серебрецо – в березках. Теплятся

в зелени лампадки. Лики икон в березках кажутся мне живыми – глядят из рощи. Везде березки: они и на хоругвях, и у распятия, и над свечным ящиком-закутком, где я стою, словно у нас беседка. Не видно певчих и крылосов – где-то поют в березках. Березки и в алтаре – свешивают листочки над Престолом... На амвоне насыпано так густо, что диакон путается в траве, проходит в алтарь царскими вратами, задевает плечами за березки, и они шелестят над ним. Это что-то совсем не в церкви! Другое совсем, веселое» [Шмелев 1989, с. 357].

В начале XX века украшение церквей свежей зеленью отметил в нашем крае А.А. Макаренко. Местная особенность сибирского украшения часовен и церквей – ветки багульника.

140

«В церквях и часовнях “доброхотами” тоже ставится и посыпается “зелень” (березки, цветы, трава и багульник). После освящения “зелень”, в том числе и багульник раздается молящимся, которые приберегают этот дар в качестве лекарственного средства».

В некоторых местностях России в Троицу существовал обычай во время торжественной церковной службы «плакать на цветы». О проливании слез на зелень упоминают и классики русской литературы. В частности, героини рассказа Н.М. Карамзина «Нежность дружбы» оплакивают букетик лесных травок и цветов во время троицкой обедни. Карамзин показывает обрядовый характер проливания слез на зелень. Он проявляется в том, что у девушек праздничное хорошее настроение, но по обряду им необходимо омочить цветочки слезами. Это несовпадение эмоционального состояния и обрядового поведения передано в повествовании от лица девушки: «Обедню слушали мы в Архангельском соборе. Мне было очень весело, только я плакала, и Маша плакала, – наши цветочки взмокли от слез, однако ж не завяли» [Цит. по: Тульцева 1999, с. 6].

Обычай «плакать на цветы» привлек внимание и А.С. Пушкина, который наблюдал его во время Михайловской ссылки в Псковскую губернию. В романе «Евгений Онегин», характеризуя провинциальную семью Лариных, поэт пишет:

В день Троицы, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три.

Из цитаты видно, что в местности, где отбывал ссылку Пушкин, оплакиваемая обрядовая трава (или цветы) называлась «заря».

Ученые пытались определить, что представляла собой упомянутая Пушкиным «заря», и каждый предлагал определенное растение. Но, как отмечает Л.А. Тульцева, в словарях указывается около десятка растений с подобным названием. Исследовательница полагает, что в европейской части России «зарей» называли совершенно разные растения, а иногда так именовали весь троицкий букет [Тульцева 1999, с. 6].

Каково же назначение этого обрядового действия? Для чего, преодолевая веселое праздничное настроение, крестьянки должны были пролить несколько слезинок на цветы или траву?

По этому поводу учеными выдвинут ряд предположений. В частности, Н.И. Толстой считал, что проливание слез на зелень являлось магическим действием, направленным на вызывание дождя [Толстой 1978, с. 28]. Это толкование вполне вписывается в народную агрономию. Ведь, по мнению крестьян, в период с Троицы до Купалы нужны обильные осадки. А значит, должны совершаться магические действия, направленные на вызывание дождей.

В ряде местностей именно оплаканными цветами обметали могилы родственников. Так, И.М. Снегирев отмечал, что в начале XIX века во время посещения кладбищ могилы обметались цветами, с которыми женщины стояли троицкую обедню: «В Псковской губернии в Троицын день (могилы) обметаются пучками цветов, оплаканных в церкви» [Снегирев 1829, с. 183].

Обрядовое проливание слез на цветы существовало в Рязанской, Владимирской, Московской, Псковской, Тверской областях России [Тульцева 1999, с. 7]. В нашем kraе обычай «плакать на цветы» не зафиксирован, но в этот период «небесные слезы» в виде дождя также считались необходимыми. Поэтому, если долго не было дождей, в Троицу или сразу после нее жители некоторых районов устраивали молебны о ниспослании дождя.

141

«В Троицу служба в церкви. За деревней стоял крест. У батюшки просили дождя».

(Бархатово, Березовский район)

А в с. Межово Саянского района в Троицу жители обливали друг друга водой, что также воспринимается в народе как магический способ вызывания дождя.

142

«У нас в селе в Троицу водой обливались, чтобы не было засухи».

(Межово, Саянский район)

Вызыванию дождя служило и обрядовое утопление березки в конце праздника, о чем речь пойдет далее (см. № 233–238).

Троицкие пиры в «венке» из берез

В разнотипных традициях края празднование Троицы происходило по-разному. Как видно из приведенных выше материалов, в старожильческих деревнях траву и цветы в дом не приносили. В Приангарье и большинстве деревень Казачинского района в Троицу не вили и венки. Здесь главные обрядовые действия совершились с деревцами берез. Именно березки сопровождали все троицкое гуляние. Так, в Юрохте, Яркино Богучанского района, а также в деревнях современного Казачинского района вкопанными березками огораживали пространство посреди улицы или около чьего-либо дома. В деревнях Казачинского района это называлось «венок», реже – «кружок». Внутри такого «венка» ставили пиршественные столы. В Велимовке и Закеми березки, стоящие у избы или поставленные в кружок, украшали лентами, шальями. В других населенных пунктах образующие «кружок» березки не были украшены.

143

«Троица – престольный праздник. Приносили иконы из церкви. Служили молебен. Накануне копали ямы перед окном, наливали

воды, приносили и сажали березки. На третий день свивали березки друг с другом и ставили под ними стол. Там гуляли. У нас березок не наряжали, венки не плели. На пол траву несыпали. Второй день Троицы – Духов день».

(Заледеево, Казачинский район)

144

«В Духовную субботу девушки шли в лес и вырубали березки. Они брали с собой еду и обязательно – вареные яйца. В лесу девушки водили вокруг березки хороводы, пели. Березки приносили в деревню и ставили вокруг избы. Заплетали нижние веточки, их подгибали и заплетали в круг».

(Галанино, Казачинский район)

145

«На Троицу полянки были. В субботу березок нарубим и несем под окошки. Назавтра собираемся к кому, по одной березке стаскаем, в круг составим, а туда – стол. Посидим, попьем, погуляем, песни попоем».

(Вороковка, Казачинский район)

146

«На Троицу (т.е. накануне – Н.Н.) забьешь около дома колышек в землю, нальешь воды, березку поставишь. Потом в Троицу ставишь березки в круг. Это называлось – “венок завить”, а в середине, в венке, делали яичную драчену. После праздника “венки” бросали в огород, чтоб курицы не лазили, чтоб не летели в огород. Бросали березку и в речку. Завечали и бросали. Если потонет – плохо. Ругались взрослые, что бросали: речка-то мелкая. Все равно бежали да тащили».

(Рождественское, Казачинский район)

147

«Березку украшать не украшали, а загородят (березками) столы, обкопают земельку – чай пьют. А потом ребята эти березки вытаскивали куда-нибудь».

(Рождественское, Казачинский район)

148

«Троицу три дня праздновали. В воскресенье Троицы, в понедельник – Духов день. К Троице березки вырубали, приносили, под окошки ставили. И “кружком” ставили березки. Наставят на Троицу березки в круг, потом поют и играют. Песни всяки пели. Про березку не пели, а всяки пели. Поют и играют. Назавтра березки из круга несут на речку топить».

(Матвеевка, Казачинский район)

149

«На Троицу приносили березки – “венок завивали”. Березки втыкают так: кругом, кругом. Стол ставят; чё есть – вынесут, собираются соседи, гуляют. А после их вывозили в лес, выбрасывали».

(Казачинское)

В Казачинском районе были разные традиции троицкого «столованья». В ряде деревень гуляли соседскими компаниями, и за одним столом собирались женатые люди и молодежь.

150

«В Троицу березку наряжали, столы выносили на улицу, березки под окна ставили. За столом и женатые, и молодежь. Троицу праздновали два-три дня».

(Велимовка, Казачинский район)

А в д. Закемь этого же района молодые люди собирались в застолье отдельно от старших.

151

«Наставят под окна березок. Наряжают всякими лентами, потом чай в березках пили. У нас небольшая деревня была; может, два стола было на всю деревню. Собирались молодые с молодыми, а семейные – отдельно. Гуляли только в деревне, на лугу у нас не гуляли».

(Закемь, Казачинский район)

«Кружком» или «веночком» ставили березы и в селе Троицком Тасеевского района. Возникновение этой традиции можно связать с ранним этапом заселения, т. е. с XVI–XVII веками, так как в это

время территория современного Тасеевского района входила в Енисейский уезд. Данный обычай вполне мог быть принесен первыми русскими поселенцами.

152

«На Троицу рубили березки. У меня вот сын был – ходил, рубил... Рубили накануне... Надо же за столом когда сидеть, он (стол) у меня уже и разукрашенный. Эти березки принесут, вот, например, у меня вот ограда, и наставят так кругом... Они стоят в кружке, там и ставят стол посередке, и начинают гулять тогда. После праздника я вот собираю их и утаскиваю *на зады*, и там бросаю».

(Троицк, Тасеевский район)

Традиция пированья в кругу из берез существовала и в отдаленном от Казачинского района селе Яркино, расположеннем на ангарском притоке – Чадобце.

153

«У нас “Семик” не говорили и не знали про Семик. В Троицу березки вырубали, к каждому дому под окошко вкалывали. А куфарятся там, где нарЕдят место. Куфарились тоже не без берез. Их кругом стола ставили. Яйца наварят, но не красят. У нас красят яйца ко Христову дню, в Троицу так наварят».

(Яркино, Богучанский район)

Изучение исторических материалов убеждает, что совпадения в традиции празднования яркинцев и казачинцев не случайны. Как показал анализ фамилий жителей Яркино, в этой деревне живут потомки переселенцев, пришедших на Ангару из Енисейска. В частности, документально установлено, что широко распространенная в Приангарье фамилия Рукосуевы имеет енисейские корни [Белоусова 1973, с. 24]. В Яркино эта фамилия уже в конце XIX века была преобладающей и имела несколько родовых ветвей, различающихся по прозвищам. Заселение Ангары и ее притоков началось в конце XVII – начале XVIII века. Вероятно, тогда и была принесена на Ангару традиция отмечать праздник в «кружке» из берез. Этот обычай сохранялся вплоть до 30-х годов XX века.

Ряженая березка в обрядах Троицы

Часть материалов, описывающих гулянья с ряженой березкой, была приведена нами в разделе «Семик». Но так как Семик отмечали не везде, то и ряжение березки происходило в разные дни. Оно совершалось либо в Семик (в тех селах, где он был известен), либо в Троицкую субботу (так было в Богучанском районе, где суббота не являлась поминальным днем), либо утром в день Троицы. В любом случае ряженая березка была в центре троицкого гуляния молодежной группы. В старожильческих селах Приангарья и Причулымья молодежь во время гуляния всегда обособлялась от старших.

154

«Где было в обычае “наряжать” (березку) в Семик, там девицы в сопровождении парней расхаживали по улицам своего селения с этой “гостейкой”, плясали вокруг нее и распевали обрядовые и хороводные песни».

В Кежемской Заимке Семика не знали. Здесь березку наряжали в Троицу, утром этого дня ее и вырубали в лесу.

155

«В Троицу березку вырубали. Пилили березку, наряжаят, ручки подделают, наденут кофту, юбку, платок хороший. И водят ее по деревне, и поют:

Эта белая березка
Троицей оденется,
Сколь миленок ни гуляет –
На меня надеется.

Это припевутка такая, с ней пляшут. В деревне березки две-то было. Водят по деревне... Ножки сделают, обуточки наденут. Носили наряженную. Ходили с березкой девки и парни, особенно молодятник. А если у избы березка растет, и ее наряжаят. И каждый в своей избе березку ставил, как нынче елку на Новый год ставят. Это было обязательно. Каждый в своем палисаднике березку закреплял. А потом ее сожгут».

(Кежемская Заимка, Кежемский район)

Как и в Семик, троицкую березку наряжали по-разному. Даже в соседних селах одного Богучанского прихода, где фольклорно-этнографические традиции в основном совпадали, березку наряжали различно: в одних деревнях ее украшали лентами, платками, цветами, бусами. В других – березку рядили в женскую одежду. Подчеркнем, что в отличие от соседних сибирских регионов (Новосибирской области и Забайкалья) березку в нашем крае не украшали живыми цветами и венками. Разные виды ряжения могли возникнуть в результате наложения разнопоселенческих традиций, как это было в с. Пинчуга.

156

«В Пинчуге березку наряжали женщины. Наряжали молодые. Юбочку, кофточку, шалку. Завяжут уголки. В Троицу наряжали».

(Пинчуга, Богучанский район)

157

«На Троицу березку наряжали. Мы вот моложе были, сходишь в лес, березку сломишь. Девки вырубали березку. Если у меня собираемся гулять – вот и нарядят. На прутья навязали лентов да всего, платки красивы вешали. Цветы были – дак вешали, а нет – и нет. А когда сидим за столом – она тут же поставлена. Ну, посидим маленько за столом – и пошли по улице. Пели: «Елья, елья, березонька!» В Троицу мы наряженную березку потаскали, потом разнарядим, поставим. А назавтра топим».

(Пинчуга, Богучанский район)

Любопытный обычай, связанный с вырубанием троицкой березки в Пинчуге, приводит в публикации 1901 года В.С. Арефьев.

158

«На Троицу девушки наряжают молодое деревце в девичью одежду, увешивают лентами и ходят с ним по улице и друг к другу. Во время этой процессии они поют весенние песни, а когда заходят в дома, то их угождают здесь. Деревце для этого вырубается одною из девушек накануне Троицы, причем имя девушки строго скрывают. Местами (например д. Пинчуга) существует обычай, что эта де-

вушка в день Троицы не может отвечать отказом на любовные предложения, от кого бы они ни исходили – этим, по-видимому, объясняется и тайна, которою окружается вырубание деревца. После Троицы выносят деревце за деревню, снимают с него все убранства и с песнями зарывают его в землю».

Во время экспедиционной работы в д. Пинчуге мы не встретили людей, подтверждающих существование описанных В.С. Арефьевым действий. Так, никто не подтвердил возможность сексуальных притязаний по отношению к девушке, вырубавшей березку. Не подтверждают ангарцы и факт закапывания березки в землю. Как правило, на Ангаре обрядовую березку топили в реке вечером в Троицу или на другой день.

По поводу свидетельств В.С. Арефьева возможны следующие предположения: либо этнограф ошибочно указал место этого обычая, либо запреты и действия, им описанные, уже в конце XIX века были анахронизмом, исчезнувшим вскоре из жизни и народной памяти. Что касается ряжения березки и гуляния с ней, то об этих обрядовых действиях в конце XX века хорошо помнили в разных ангарских селах.

159

«Вырубали березку в субботу. Девки-то сами ходят березку вырубать. Девка лет 16–17 вырубала. В Троицу наряжали березку, лентами украшали, платочком цветным. На улице ставили, и домой ставили... Навешают всего, по улице идут кругом, как караваем (т. е. хороводом – Н.Н.). Всяко, бывает, нарядят ее. Одна несет посередине. Хороводны пели. А потом придут домой да угощают друг другу... Сидят в дому, угощаются, а потом по улице идут. Потом уж идут на речку топить. Отдерут ленточки, березку утопят».

(Пинчуга, Богучанский район)

160

«У нас наденут на березку ленты, косынки. Караводом бегают около нее, тащат березку и поют».

(Ярки, Богучанский район)

Во время обрядового шествия с деревцем только в деревнях Богучанского района исполнялась особая песня про березку.

Показательно, что в начале XX века А.А. Макаренко смог записать лишь фрагмент этой песни, исполняемой, по его словам, в Семик (см. № 26). Но записанный А.А. Макаренко отрывок прекрасно сохранился в памяти пожилых ангарок, которые не раз исполняли его во время нашей экспедиционной работы. В разных деревнях Приангарья его исполняли в Семик, а если Семик не отмечался, то – в Троицу.

161

«У нас с Троицы начинали гулять. К одному кому-нибудь попросимся, напечем там всего и идем в поле наряжать березку. Рядили березку лентами. Ленты были “кустами” по 12 штук, скрепим брошками. Ходим с ней и поем:

Елья, ты, елья, березонька,
Елья, ты, елья, кудрявая!
Похотел пан пожениться
На душе красной девице,
На березкиной сестрице.

И разные еще песни поем. Потом заносим ее в дом, где стряпали. Тут пируем, а она стоит в цветном углу, как икона. Когда попировали – оставляем, а сами идем по домам. Назавтра опять погуляем, берем лодку, плывем на Ангару, там разнаряжаем и бросаем в речку: “До свидания, матушка-березка, понеси тебя с Богом”».

(Ярки, Богучанский район)

162

«Когда гуляли, пели про березку. Я забыла, помню только:

Березонька, березонька,
Кудреватая!

Потом что-то про женитьбу:

– Ты зачем долго не женишься?
– Ты сама мне не велела,
За меня замуж хотела...

Эта песня долгонька, ее первой пели».

(Пинчуга, Богучанский район)

163

«Троица. Ставили березки около каждого дома. Не работали, праздновали три дня. Срубят березку, нарядят ее в женскую одежду

и несут с песней вокруг деревни, обнесут раза два-три. Одевали березку только девки, и носили ее только девки».

(Кежемская Заимка, Кежемский район)

В д. Рожково Кежемского района, а также деревнях Бузыканово и Надуй, расположенных на ангарских притоках, в Троицу наряжали не одну, а несколько березок. Во многих деревнях Приангарья обрядовое чествование березки включало не только шествие с нею по деревне и в хороводе, но и «угощение» деревца. Для этого укленную березку ставили к пиршественным столам.

164

«В Троицу рубили березку, наряжали ее, водили кругом хороводы, пели про березку, про невесту. Наряжали березки. Одну в женщину, другую – в мужчину. Если в женщину, то надевали платье, из кудели делали волосы. Потом березки ставили к столу на улице. Народу много, угощали березки и приговаривали: “Кушайте, кушайте, гости, кушайте”».

(Бузыканово, Богучанский район)

165

«В Троицу наряжали две березки: мужчину и женщину. Это делали на том берегу Ангры. Потом их перевозили в деревню. Ехали на лодках с крестами и наряженными березками. Пели: “Троица, Троица троесущная...” и дальше эту молитву. А посреди улицы ставили столы. На них иконы, разные кушанья, вино. От столов по дальше, около часовни, ставят эти чучела. Они стоят, как святые».

(Рожково, Кежемский район)

По наблюдению Е.Ф. Фурсовой, в Приобье троицкую березку нередко называют «божественная» [Фурсова 1998, с. 38]. И хотя в нашем kraе подобное определение не встречалось, сравнение «стоят, как святые» говорит об особом, сакральном, восприятии троицких березок. Они мыслились как священные предметы, помогающие участникам обряда и оберегающие их.

Как отмечалось выше, слово «гостейка», могло означать принадлежность березки к иному миру. Возможно, именно это зна-

чение было основой обряда, исполняемого в д. Рожково. В пользу такого предположения говорит то, что антропоморфные березки доставляли в деревню с другого берега Ангары. Подобная традиция существовала также в д. Ялань, расположенной на Енисее. Как известно, река в народной культуре разных народов мира воспринимается как граница между реальным и иным мирами. И хотя в обрядовом дискурсе не говорится об инфернальной природе троицких берез, пространственные реалии обряда дают возможность для такого толкования.

Возможно, на ранней стадии обряда это же значение было присуще украшенным березам в д. Надуй, расположенной на притоке Ангары – реке Муре.

166

«Берёзки у нас наряжали. Одну – как мужчину, а женщин-то полно. Красиво нарЕдят: блузки, юбки, шали навесят. Мужика в сёздке поставят, а которые женщиными наряжены – через метр поставят. Лицо-то сделают: полотенце, а сверху платок наденут. А ещё парни рубили, из лесу привозили берёзы, на них навесят платков».

(Надуй, Богучанский район)

В приведенном описании березы не называются гостями, но отсутствие какого-либо конкретного значения и сама неопределенность их статуса может трактоваться как проявление неземной природы.

Традиция носить троицкое деревце существовала и в некоторых новопоселенческих селах. Такое деревце белорусские и украинские новопоселенцы называли «маем». Когда носили «май» по деревне, то пели особые песни. В них часто повторяется припев: «Ой маю, маю, маю зелено».

167

«На Троицу дома березками наряжали, “май” называли. Под окошком березку ставили, под каждым. Наряжали березку. Возьмут, бумаги навешают, тряпочек. За березками ходили и мужчи-

ны, и женщины. На конях везут. А все говорят: “Ой, май везут!” В дом заносили березовые веточки. Семика у нас не было. Водили хороводы. У нас хороводы не только на Троицу водили, но и всегда в праздники».

(Ивановка, Бирюльский район)

168

«К Троице всю деревню чисто выметали, по деревне носили “май”. Домой его не заносили».

(Унжа, Тасеевский район)

В тех селах края, где отмечали Семик, день обрядового угощения березы определялся местной традицией. Так в деревнях Юрохта, Ярки Богучанского района в Семик березку только наряжали, а обрядовый пир с нею устраивался в Троицу. В Бирюльском районе девушки гуляли и пировали с березкой в Семик, а в ангарских деревнях Богучаны и Бузыканово – в Семик и Троицу. По свидетельству А.А. Макаренко, обрядовый пир устраивался по очереди в домах каждой из подруг.

169

«Под звуки хороводных же песен сплоченные группы девиц (в больших селениях группы делятся по “куткам”) идут затем в “гости” к одной из своих подружек; такого же “приглась” удостаиваются и знакомые “робята”. Отсидев здесь, отпировав “столы”, переходят к очередной подружке на “столы”: пьют водку, пиво, поедают приготовленные нарочито для этого случая “ес (т)вы”, в числе которых непременным кушаньем бывают пирожки с яичной начинкой и “еишня” на молоке, в качестве заключительного блюда».

Согласно экспедиционным материалам, троицкие застолья обычно проходили на открытом воздухе. В ряде населенных пунктов молодежь брачного возраста обособлялась в особую группу. Взрослое население праздновало за столами, а молодежь либо гуляла с березкой по улице, либо выезжала на луга и острова на «маевки». К Троице готовилось много вкусной снеди, но в ряде районов

обрядовым блюдом этого праздника была яичница, реже – вареные яйца. В с. Галанино Казачинского района, в д. Бархатово Березовского района и с. Тасеево яйца варили только в Троицкую субботу и несли их на кладбище, т. е. они являлись едой поминальной. В других деревнях нашего края блюда из яиц были основной едой в молодежных троицких гуляниях. В разных местностях приготовление обрядового блюда приурочивалось к первому или последнему дню праздника. По наблюдению А.А. Макаренко, обрядовая варка яиц происходила в Троицу.

170

«В Приангарье... девушки в Троицу варят яйца».

171

«С 10–13 лет девочки “варили верещагу” – большой блин из яиц. Ее варили дома. Троицу у нас праздновали один день. А еще в Троицу молодежь на луг ходили – яйца варили. Ребята на лугу костер разжигали, яйца варили».

(Бедоба, Богучанский район)

172

«Слово Семик у нас в Бахчете не знали. А Троицу праздновали три дня. На третий день собирались деревенские старшие, и мы – отдельно. Наберешь яичек, возьмем сковородку, кирпичи и идем на луг, около борков, провожать Троицу».

(Бахчет, Тасеевский район)

173

«На Троицу молодежь ходила в лес, брали с собой еду свяченую, жарили яичницу».

(Мотыгино)

174

«Плясали под гармонь, играли в разные игры. Варили яйца, жарили яичницу».

(Вахрушево, Тасеевский район)

175

«Яйца варили, красют, яичница тоже была».

(Фаначет, Тасеевский район)

176

«Троицу праздновали три дня. В первый день в лесу жарили яичницу, хороводы водили».

(Данилки, Тасеевский район)

177

«Яйца – святая еда. Яичницей в лесу угощали березку».

(Межово, Саянский район)

Заметим, что яйца и блюда из яиц были обязательны в праздничном меню с Пасхи до Троицы. А в некоторых местностях особые яичные блины готовили на Масленице молодожену [Новоселова 2010, с. 71–72]. Видимо, включение яиц в число обрядовых блюд связано с магической символикой яйца как знака новой, нарождающейся жизни. Неслучайно яйцо активно задействовано и в обрядах на границе весны и нарождающегося лета. В некоторых местностях вареные яйца использовали в магическом обряде.

178

«Девушки шли в лес, несли с собой еду, яйца. Возле берез жарили яичницу и подбрасывали ее вверх: ограждались от нечистой силы».

(Межово, Саянский район)

По мнению В.К. Соколовой, подбрасывание каких-либо предметов вверх является проявлением аграрной магии: чем выше взлетали предметы в высоту, тем выше должны быть травы и хлеба [Соколова 1979, с. 118]. В приведенном примере это магическое действие мифологически переосмыслилось, стало восприниматься не как продуцирующая, а как защитная магия.

В некоторых селах существовал особый ритуал изготовления обрядовой яичницы. Так в Данилках и Троицке Тасеевского района, в с. Межово Саянского района яйца собирали по всей деревне для общинной яичницы. Известно, что разделение еды, ее совместный прием означает укрепление хороших отношений, добросердечие, любовь. В Троицу собирание продуктов и последующие изготовление и поедание яичницы мыслились как действия, направленные на благополучие всех жителей села.

179

«В Троицу брали ведра и шли собирать яйца. Потом на улице жарили яичницу и ели все вместе».

(Межово, Саянский район)

В Данилках, где с начала XX века жили переселенцы из Смоленской губернии, яйца для троицкой яичницы и другую еду для общинного пира собирали девушки.

180

«Девки в сарафанах с песнями шли от двора к двору, и каждая семья что-нибудь давала: печеное, или яйца, или деньги».

(Данилки, Тасеевский район)

В Троицке Тасеевского района было принято чествовать женщину, которая готовила общинную яичницу.

181

«Ребятишки десяти-пятнадцати лет, даже меньше, шли и вырубали березки, и вкапывали их под окнами. Березки не наряжали ничем: ни бусами, ни полотенцами. Просили какую-нибудь женщину чужую, чтобы готовила. Ребятишки собирали яйца, а она готовила на сковороде яичницу. Потом ставили стол на улице, под окнами, в этих березках, и она угождала всех, кормила. А потом эту повариху катали на березке за то, что она готовила. Ребятишки берутся за ветку, и садится эта повариха, и катают ее вдоль улицы. Тащат ее за комелек, везут тихонько вдоль улицы. И ребятишки катались так. Потом эту березку тут же и бросали. И остальные березки так же – бросят, и все».

(Троицк, Тасеевский район)

В дореволюционной России общение молодежи разного пола не было свободным и постоянным. Оно жестко ограничивалось во времени и пространстве. В будние дни даже обычные прогулки по улице парня и девушки считались недопустимыми. Юноши и девушки могли общаться только по праздникам и воскресеньям, зимой – на игрищах или вечерках, а летом – в хороводах, иначе – «по-

лянках», т. е. все это общение происходило в рамках народных увеселений и осуществлялось в играх, танцах, хороводах. Поскольку в весенне-летний период праздников было больше, молодежь общалась чаще, чем зимой, а главным местом общения были хороводы.

В южных и юго-западных губерниях России хороводы начинались с Пасхи либо Благовещения и длились до Троицы, Иванова или Петрова дня. В некоторых губерниях существовали и осенние хороводы. В силу климатических условий нашего края Пасха редко открывала сезон весенних увеселений. Как правило, началом гуляний на открытом воздухе являлся Никола Ветхий, а Троица была пиком хороводов и «полянок».

В Троицу формой молодежного общения были не только хороводы, но и совместные пиры, по-местному – гулянки, девушек и парней. В другие дни такие пирушки не могли устраиваться. В начале XX века А.А. Макаренко отмечает совместные пиры молодежи на Троицкой неделе как резко отличающиеся от будничного общения.

182

«В Ачинском уезде Св. Троицу девушки празднуют с шумным весельем и “гулянками”, допуская принимать участие во всём этом и “робят” своей ровни».

Обрядовые пиршества молодежи устраивались в соответствии с местной традицией. В новоселенческих селах молодежная трапеза была довольно скромной и представляла собой изготовление и поедание все той же обрядовой яичницы, которую девушки жарили в лесу или на улице, а иногда в конце праздничной «полянки». В Приангарье, на территории современного Богучанского и южной части Кежемского района, молодежь брачного возраста устраивала в лесу, на островах или на лугах «маевку» – так назывались здесь троицкие гуляния неженатой молодежи. Подобные гуляния не были региональной особенностью: в Сибири в начале XX века они устраивались в Приобье [Фурсова 1998, с. 49] и Забайкалье [Болонев 1978, с. 139].

В древности такие гуляния представляли собой пир в честь зеленой природы и включали угощение обрядовых деревьев. В период средневековья в некоторых местностях России пирожанья сопровождались эротическими обрядами. Об этом в 1651 году один из жителей Вязьмы доносил царю: «На кургана ходят и непотребное творят» [Цит по: Пропп 2000, с. 131].

С течением времени в большинстве местностей пиры на природе утратили обрядовый характер и стали формой знакомства и общения молодежи. В перспективе такое общение должно было приводить молодых людей к браку, неслучайно в «маевках» участвовала только неженатая молодежь брачного возраста. В 20-х годах XX века в виде исключения на маевке гуляли и молодожены, но это воспринималось как нарушение нормы.

183

«В Троицу молодежное гуляние. На остров выезжали холостые ребята и девки. Тут и молодожены. Имя вообще-то не разрешали, но они еще не могут отвыкнуть».

(Гольтиявино, Богучанский район)

В народной культуре существовало немало обычаев и обрядов, призванных обеспечить молодым юношам и девушкам возможность знакомства, общения и – в конечном счете – своеевременного вступления в брак. В некоторых местностях на Троице происходили своеобразные смотры невест [Агапкина 2002, с. 496]. В нашем kraе такие общественные смотрины устраивались лишь в локальных традициях. Гораздо чаще девушки, достигшие возраста невест, могли показать себя в троицких хороводах, где они гуляли в красивых праздничных костюмах. Троицкие пиры также играли очень важную роль в предсвадебном общении молодежи.

В ряде российских губерний временем наиболее активного общения молодежи был праздник Ивана Купалы. В старожильческих районах края, где купальская обрядность сокращена, именно на Троицкой неделе молодежь брачного возраста собиралась на совместные гуляния, нередко при этом обособляясь от других возрастных групп. Поскольку молодежные пиры устраивались на природе,

через пространственные реалии в них сохранялась связь с древней обрядовой сутью, т. е. угощением зеленою растительности. Однако в начале XX века одно из главных значений этих гуляний – создание возможностей для общения молодежи разного пола. Это общение, как правило, происходило в играх и хороводах.

184

«В Троицу вся молодежь собирается, делают угощенье и ходили куды-нибудь там, на луг, угощались, игра, пляска была».

(Пинчуга, Богучанский район)

185

«Троица – весенний праздник, длился три дня. Пели песни, плясали, молодежь шла в лес, там девушки водили хороводы, заплетали веночки из веток березки. В Троицу в лес несли испеченнное, а в лесу ели. Все три дня справляли одинаково, гуляли, не работали».

(Межово, Саянский район)

186

«У нас, в Рожково, выезжали на Большой остров. Яйца варят, вино привозят. Верхом на конях у нас не ездили, на лодках плавали на остров».

(Рожково, Кежемский район)

187

«Варили яйца. Девки ходили на лужок или уезжали на остров на лодках. На гуляньях девки плясали, пели».

(Кодинск, Кежемский район)

188

«Березку украсят лентами, шалями, а под ней стол. А кто в поле едет – там маевку делали».

(Сыромолотово, Богучанский район)

189

«На Троицу ставили самовары, брали яйца и шли на луга, к реке. Плели венки из цветов».

(Зайцево, Мотыгинский район)

Молодежь устраивала гуляния в лесу или на лугах в разных районах края. В Яркино, Заледеево, Климино, Надуй, Богучаны Пинчугской волости (ныне – Богучанский район – *Н.Н.*) молодежное гуляние устраивалось на лугу за деревней, и его участники выезжали на место пира верхом на украшенных конях. Такой обычай выделял потенциальных невест и женихов в сельской общине и одновременно являлся своеобразными общественными смотринами.

190

«В Климино маевку устраивали в Петров день и Троицу. В Троицу выезжали на луг за деревню. Верхом ехали парни и девки на убранных лошадях. Коней убирали лентами: на хвосте и на голове – везде банты. На лугу березку наряжали. Ее не срубали. Навяжут то косынку, то ленты. А вечером в Троицу – полянка в деревне».

(Климино, Богучанский район)

191

«На Троицу девки съездят, привезут березки, нарядят их. Наряжали лентами, платками, платьями. Платье надевали, ленты атласные вверху. Она как человек, ее потом ведут. Возьмут две девушки под руки и ведут. Потом переедут за Каменку на луг, там на мысу – Сухой луг. Это маевка называлась, в Троицу. И там угощаются, гуляют. Здесь вот, в Заледеево, маевка была на конях, а в Каменке у нас на конях не ездили. Я сам не бывал на маевке: девки выезжали и парни, их роща (т. е. возраст – *Н.Н.*), я еще мал был».

(Каменка, Богучанский район)

192

«В Троицу – маевка. На конях верхом ездили. У нас коней украшали, *стрипку* выделяли. Бабы всё соберут, в телегу большую поставят столы. Мы, девки, садимся кругом. Песни за столом пели – только *куревА* стоит».

(Надуй, Богучанский район)

193

«В Троицу выезжали на луг. Это маевка. Девушки и парни на лошадях. Лошадей наряжают: цветы им насыпают, бантики прила-

дят. Верхом ехали, а сзади кухня. Выезжали на луг, расстилали скатерть. В середине парень с гармошкой. Обратно едем с песнями. Все вылазят глядеть».

(Богучаны)

В 20-х годах XX века молодежь выезжала на маевку верхом на лошадях и в некоторых семейских селах Забайкалья. Об этом свидетельствует фотография, хранящаяся в фондах Читинского музея и опубликованная в книге Ф.Ф. Болонева [Болонев 1978, с. 135].

В д. Яркино Богучанского района на маевку выезжала не только холостая молодежь, но и молодожены, которые пировали отдельно. Думается, участие разных возрастных и статусных групп наиболее ярко выявляет древнюю форму пиров как кормления природы, угощения зеленою растительности. Обычай пировать на лугу сохранялся в Яркино до времени нашей экспедиционной работы, т. е. конца 80-х годов XX века.

194

«Маевка была в Троицу. Разна Едят лошадей женщины и бабы, на лугу за огородами – маевка. Девицы поставят свой стол, потом женщины молодые с мужьями. Детям стол не ставили, они уж дома. В Троицу и сейчас ездят *куфарятся*, берут еду и вино».

(Яркино, Богучанский район)

В тех селах Енисейской губернии, где особые молодежные пиры не устраивались, Троица все-таки оставалась временем наиболее активного праздничного общения молодежи, о чем свидетельствует А.А. Макаренко:

195

«Местами сельская молодёжь “не гулеванит”, но проводит время всё же в веселье, устраивая на полянках различные игры и хороводы. Тождественные празднества в Троицу можно наблюдать во всей губернии, где коренное русское население является преобладающим элементом».

Троицкие гадания по цветам и венкам

Троица наполнена разными обрядовыми действиями, связанными с почитанием растительности. Одним из важных действий в этот день было гадание. В отдельных новопоселенческих деревнях девушки гадали о замужестве по цветам.

196

«В Троицу три дня не работали. Девушки на Троицу гадали: срывали цветки и считали парочки у лепесточков: “Пара, пара, пара”. Если одна лишняя, то не выйдешь замуж».

(*Корсаково, Тасеевский район*)

Однако чаще всего в гадании использовались семицкие и троицкие венки. Поэтому в европейской части России важным обрядовым действием было завивание венков. В старожильческих селах Приангарья и большинстве деревень Казачинского района, где обрядовую традицию формировали северяне, на Семицко-Троицкой неделе венки не завивали. Это является косвенным свидетельством того, что в центральные и южные районы края завивание венков принесли переселенцы из средней полосы и южных губерний России.

В новопоселенческих деревнях края поход в лес для завивания венков мог сопровождаться специальной песней, в которой березы выделялись как особое обрядовое дерево.

197

«На Троицу пели песни:

Березы, радуйтесь!
Зеленые, радуйтесь!
К вам девушки идут,
К вам красные идут,
Завивать венки идут».

(*Бартанас, Тасеевский район*)

В некоторых деревнях поэтическими произведениями сопровождался и выход из леса.

198

«Девушки уходили в лес завивать березовые венки, из леса выходили парами, шли кругом в хороводе и пели: “Ой, де у нас по улице”».

(Козулька)

Хороводы во время выхода из леса наблюдал и А.А. Макаренко, но, по его версии, такие хороводы водили в Троицу, при развивании венков.

199

«В первый день Троицы, после церковной службы и домашнего обеда, девицы группами отправляются в рощи осматривать заплетенные ими в Семик “косы” и завитые венки, чтобы по их состоянию разгадать свою судьбу. При этом полагают: если оставленная в Семик коса расплетется, это означает, что девушке “расплетут косу”, т. е. в ближайшем будущем она выйдет замуж; если целостность венка сама по себе нарушится или он сильно сповянет – это не к добру и т. д. За ними следом направляются парни, цель которых помешать “девьим затеям”, насмешить их прибаутками, взвеселить песнями, пляской. Забрав свои веночки и разукрасив небольшую березку цветками, девицы с парнями возвращаются в селение, вертаясь в хороводном кругу или идя воротцами под пение подобающих песен».

А.А. Макаренко не указывает ареал исполнения обряда, но экспедиционная работа позволяет заключить, что этнограф не мог наблюдать его в Енисейском, Кежемском и Богучанском районах, где венков не вили. Географическая зона завивания венков начинается с Мотыгинского района и продолжается в отдельных центральных районах, смешанных по составу населения.

Как отмечалось выше, в местных традициях нашего края венки завивали в разные дни – в Семик или Троицу. Если венки завивали в Семик, то в Троицу девушки шли смотреть, каково их состояние. А в селах, где Семик не отмечался, все обрядовые дей-

ствия с венками переносились на Троицу. В гаданиях по семицким венкам прогноз определялся дважды. Сначала – по состоянию венка на дереве. Если завитый в Семик венок был свежим, это предвещало удачный год; завядший венок воспринимался как предвестник несчастья.

После того как девушки снимали с деревьев свои веночки, они шли к реке и дальнейший прогноз был общим как для семицких, так и для троицких венков. Он определялся тем, как вел себя спущенный на воду веночек.

200

«Подходят к реке и бросают в воду венки: если венок поплынет поверх воды – это сулит обладательнице его долголетие и счастье в жизни. Если венок потонет сейчас, как его бросят в воду или вскоре после того, – это служит предзнаменованием скорой смерти, несчастья».

Иногда гадающие украшали венки зажженными свечками.

201

«Завивали венки, украшали свечкой и пускали венки по речке». (Мина, Партизанский район)

202

«Из веток плели венки, пели песни, водили хороводы. Гадали у реки на венках. Венки бросали в воду. Гадали на жизнь и замужество».

(Межово, Саянский район)

203

«Девушки ходили вместе с парнями завивать венки. Потом загадывали на жизнь: чей венок потонет, тот в этом году умрет».

(Переяславка, Рыбинский район)

204

«В конце дня несли березки к реке, там завивали венки и пускали их по воде. А взрослые люди делали “кольчики” – отрывали прутик от березки и сворачивали из него в несколько раз кольцо. И бросали в реку эти “кольчики”. Если поплывет колечко посе-

редине плавно и не потонет, то жизнь будет такая же спокойная; если к берегу колечко принесет и оно будет плыть с препятствиями, то болезни, суматоха, суета будет. А если потонет, то смерть».

(Рождественское, Казачинский район)

205

«Из пучков трав и цветов плели венки. Их бросали в воду и говорили: «Если жить буду, мой венок поплывет, а потонет – жить не буду”».

(Ивановка, Бирюльский район)

206

«Девушки ходили в лес, плели венки из березки. Брали с собой еду и гуляли в лесу. Венки бросали в воду. Чей венок утонет, та девушка долго жить не будет, умрет».

(Мотыгино)

207

«Троица продолжалась три дня. В первый ходили девушки и парни в лес. Завивали венки и бросали их в реку. Венки делали из веточек березы, жарков и васильков. Если венок тонул – умрет его хозяин, поплыл – жив будет, дела хорошо пойдут».

(Ноя, Партизанский район)

Основное количество гаданий по венкам – на жизнь и смерть, но иногда они совмещались с прогнозом о замужестве.

208

«В Троицу ставили у домов березки и плели венки. Потом венки в речку кидали, загадывали: «Если веночек потонет, то помрешь, а если не утонет, то замуж выйдешь”».

(Большое Кемское, Казачинский район)

209

«В Семик водили хороводы, пели песни, березку праздновали с утра до вечера. Девушки наряжались, уговаривали друг друга. В Троицу березку топили. Сплетали венки и бросали в воду: «Чей венок всплынет – милый воздухнет». Одна девушка бросала – ее ве-

нок не всплыл – “милый, значит, изменил”. Она плакала, рыдала, а ей – подруги:

Твой венок в волнах ныряет,
Милый клятвой уверяет,
Хочет верным тебе быть:
Одноё тебя любить».

(Потоскую, Мотыгинский район)

Кумление

Выше отмечалось, что Семик являлся праздником одной половозрастной группы, а именно – девушек. В ряде местных традиций девушки также преобладают в обрядовой сфере Троицы. В частности, они являлись главными исполнителями обрядовых действий, перенесенных с Семика. К их числу относится кумление.

Кумление – это особая форма союза между парой девушек, заключаемого на определенный срок. Покумившиеся девушки становились как бы родственницами, обещали крепко дружить. В ряде российских губерний существовали песни, сопровождавшие обряд:

Покумимся, кума, покумимся,
Чтобы нам с тобой не браниться,
Вечно дружиться

[Соколова 1979, с. 198].

Покумившиеся девушки называли друг друга кумами или сестрами. Длительность кумовства в местных традициях была разной. Она могла длиться неделю или полторы, шесть недель, год [Агапкина 2002, с. 483]. В местностях, где кумились на короткий срок, по его истечению полагалось раскумиться. Раскумление состояло в исполнении действий, противоположных кумлению. Так, девушки возвращали друг другу вещи, взятые при кумлении, произносили слова или приговоры, знаменующие конец союза: «Раскумимся, кума, раскумимся» [Агапкина 2002, с. 483].

Обряд кумления существовал в разных местностях России и исполнялся по-разному. Чаще всего во время кумления две девушки подходили к березе и троекратно целовались через венок в форме кольца. «В некоторых местах на березу подвешивали на большом шнурке крестик, и кумящиеся целовались, просунув голову в шнур-

рок, на котором он висел. При этом девушки обменивались вещами, которые снимали с себя: платками, лентами, бусами, кольцами, иногда крестами» [Соколова 1979, с. 198].

В Смоленской губернии кумящиеся девушки проходили через «воротца», сделанные из двух рядом стоящих березок, о чем сообщила собирателям Солдатенкова Марфа Егоровна, приехавшая в наш край в 60-е годы XX века. На родине информатора кумление происходило за неделю до Троицы, а в Троицу девушки уже раскумлялись.

210

«В лесу, на поляне, за околицей села, девушки завивали берёзки. Делали “большой венок” так: у двух небольших березок, растущих рядом, связывали верхушки. И украшали эти “воротца” (“большой венок”) цветами. Вверху подвешивали небольшой нательный крестик, а с боков “венка” накидывали свои платки. Затем попарно с двух сторон девушки подходили к “венку” и под крестиком целовались, целуя затем и крестик. После этого каждая снимала уже не свой платок, а своей кумы и хранила его всю неделю дома. Через неделю (в воскресенье перед Духовым днем) все опять приходили к “большому венку” развивать его. Снова развешивали платки и, раскумившись, забирали свой обратно. Исполняя все эти действия, пели песню “Ну-ка, кумушка”».

В центральной части России существовали и другие формы кумления. Так, в одном из уездов Рязанчины кумились, когда бросали в воду венки. При этом девушки черпали воду, поочередно ее пили, а потом обменивались яйцами [Соколова 1979, с. 198].

У русских, как правило, кумились между собой только девушки, но известны случаи кумления девушек с парнями и парней друг с другом [Соколова 1979, с. 199]. В нашем kraе обряд кумления существовал только в отдельных новопоселенческих селах Тасеевского, Бирюлюсского, Балахтинского районов, при этом «кумами» становились только девушки.

211

«В лесу плели венки, нагибали две березки, связывали их верхушками. Две девушки проходили через эти воротца, кумились.

В этот праздник кумились. Две девушки на этот год становились подружками».

(Ивановка, Бирюльский район)

212

«В первый день Троицы девушки собирались, брали с собой яйца и шли в лес. Там плели венки. Жарили яичницу, она называлась якуменница. Ее ели подружки. Это называлось обрядом кумования».

(Орловка, Бирюльский район)

213

«В Троицу на второй день идут в лес. Две березки соединяют верхушками, делают венок, кумятся через этот венок (целуются), при этом говорят:

Уж вы кумушки,
Вы, голубушки,
Вы кумитеся,
Не деритеся,
Вы по совести разойдитесь.

Потом меняются платьями, платками, обувью, целую неделю ходят так. Через неделю идут на то же место размениваться. Когда шли в лес, пели песню:

Пошли девушки в лес гулять,
Пошли красные березку завивать,
Вью-вью, ай, лелю,
Березоньку позавью.
Завивайся, березонька, ладненькая,
Завивайся, зеленая, кудрявенькая,
Вью-вью, ай, лелю,
Березоньку позавью.
Мы к тебе покумиться пришли,
Мы тебе пирогов принесли,
Вью-вью, ай, лелю,
Березоньку позавью».

(Бартанас, Тасеевский район)

214

«На Троицу кумились девки: идут в лес, бярут цвяты, вьють вянки. В Троицу связывают березки и поют, т. е. кумятся:

Кума мыя, ты кума мыя,
Мыя кумычка!
Мы с тобой, кума,
Мы кумились, мы кумились!
Мы кумились, не свалились!».

(Оловка, Бирюльский район)

215

Уж ты кума, кумушка-кума,
Покумися со мною,
Подружися со мною,
Поцелуйся со мною,
Распростишься со мною.

(Еловка, Бирюльский район)

Понять сущность этого обряда пытались многие ученые. В XIX веке А.Н. Веселовский рассмотрел кумление в контексте купальской эротической обрядности. Он пришел к выводу, что кумовство – отзвук древнего обряда принятия в род женщин, когда принимаемая женщина считалась принадлежащей всему роду [Веселовский 1894, с. 318]. По мнению Веселовского, обряд кумления у русских был сначала приурочен к купальному периоду и лишь со временем перенесен на Троицу.

Однако другие ученые обратили внимание на отсутствие эротических элементов в кумлении, а также на редкость кумления между девушками и парнями, мужчинами и женщинами. Поэтому возникли другие интерпретации обряда. Так, Д.К. Зеленин обратил внимание на связь обрядового кумления с деревьями и считал, что первоначально девушки заключали союз не между собой, а с деревом-тотемом. По мысли ученого, со временем смысл обряда изменился: через венок девушки стали заключать союз с русалками, находящимися в это время на земле и обитающими на деревьях. Кратковременность заключаемого союза он связал с краткостью пребывания русалок на земле.

Свое толкование обрядового кумления предложил и В.Я. Пропп. Он считал, что важнейшим элементом обряда являлся венок, который заключал в себе «растительную силу земли». По мнению Проппа, девушки первоначально целовались не друг с другом, а с венком, приобщаясь к растительной силе, заключенной в нем [Пропп 2000, с. 73].

Нам кажется наиболее убедительной точка зрения В.К. Соколовой. Исследовательница связывает кумление с обрядом инициации девушек. Участие в обряде было свидетельством того, что девушка достигла возраста невест и готова к браку [Соколова 1979, с. 200]. Думается, в этом случае обрядовый поцелуй совершался между старшей по возрасту девушкой и младшей, только достигшей необходимого возраста. Обрядовый поцелуй девушек – это знак причастности к определенной половозрастной группе – группе невест. Кроме того, кумление скрепляло половозрастной союз девушек.

Т.А. Бернштам также рассматривает кумовство как вступление в тайный половозрастной союз, «обеспечивавший необходимую изоляцию молодежной группы во время ее досуга и развлечений, носящих часто дикий, незрелый и неуравновешенный характер» [Цит. по: Агапкина 2002, с. 482].

Очень важно, что кумление осуществлялось с обязательным присутствием дерева. Т.А. Агапкина напоминает, что дерево присутствовало и в других больших праздниках, таких как Рождество, 1 Мая, Новый год. Кроме того, оно использовалось также в обрядах жизненного цикла человека (свадьба, похороны). По мнению исследовательницы, обрядовое деревце соотносится с образом мирового дерева... и придает совершающимся вокруг него событиям значение действия, происходящего в центре мира, у мирового дерева [Агапкина 2002, с. 143]. Но, если вспомнить название березки сестрой, то в данном случае береза могла восприниматься не только как мировое дерево, но и как тотемное – родственник, первопредок.

Исследователи обряда отмечают, что кумление нередко проходило через условную границу. Ею являлись завитый на дереве венок или «ворота» из березы. Иногда кумление осуществлялось

через посредника. Посредником могла быть старуха, которая руководила обрядом, или «кукушка». Так называли куклу, изготовленную из цветов, веток или корешков растений для обряда «крещения или похорон кукушки» [Агапкина 2002, с. 484–485].

В начале XX века известная красноярская собирательница фольклора М.В. Красноженова записала в Томской губернии кумление, совмещенное с обрядом «крещенья кукушки». В местной традиции этот обряд был приурочен к празднику Вознесения, отмечаемому за 10 дней до Троицы: «Девушки ... находят в лесу цветок ириса, так называемые “кукушкины слезки”, надевают на него бусы, ленточки, затем, сняв с себя кресты, становятся вокруг изукрашенного цветка, покрываются все единым большим платком и поют три раза:

Ладо, кукушка-рябушка,
Ладо, чья ты кумушка?
Ладо, кума кумушкина,
Ладо, ещё голубушкина?

Потом девушки обращаются друг к другу и говорят: “Здравствуй, кумушка-голубушка! Здравствуй!” – и названные кумушки целуются, одаривая одна другую подарками. После этого бросают вверх яйца, чтобы лен был высок. Снимают украшения с цветка, надевают на себя кресты и с песнями идут в деревню» [Красноженова 1914, с. 82].

В данном обряде девичье кумление совместилось с продуцирующей магией – бросанием яиц на хороший урожай льна. По мнению исследователей, исполняющие обряд девушки осознавали нехристианскую природу обряда, о чем свидетельствуют снятие нательных крестиков [Календарно-обр. 1981, с. 191]. Раскумление в данной местности происходило в день Троицы и тоже при снятых крестах.

В нашем kraе обряды похорон и крещения кукушки не исполнялись, и образ этой птицы мы встретили лишь в одной троицкой песне, сопровождающей кумление в д. Орловке Бирюллюсского района. Исполняли этот обряд переселенцы из Могилевской губернии.

Ой, лей, ли,
Мы у лес идем.
Ой, лей, ли,
Мы кукушку несем.
Ой, лей, ли,
Мы кумиться идем.
Ой, лей, ли,
Да кому ж я кума?
Ой, лей, ли,
Да я кумушке.
Ой, лей, ли,
Я подруженьке.

(Орловка, Бирюльский район)

Другие культуры и обрядовые действия на Семицко-Троицкой неделе

Помимо почитания предков и зеленой растительности, Семицко-Троицкая неделя включала другие культуры. В Пермской губернии каждый из трех дней Троицкой недели был посвящен одной из сфер природы: «Через семь недель после Пасхи три дня кряду праздновали. Троицкая суббота: вода именинница, нельзя ни полы мыть, ни стирать, ни баню топить. За этой субботой следовало воскресенье – Троица. Тут лес именинник, его нельзя ни ломать, ни рубить. Только одну молодую березку разрешалось принести из лесу, поставить на лужайке, где собиралась молодежь... В понедельник Духов день, земля именинница» [Обрядовая 1989, с. 259].

По свидетельству Е.Ф. Фурсовой, «в некоторых этнокультурных группах Сибирского Приобья (“курганов”, вятских переселенцев и пр.) вторник Троицкой недели также считался именинным днем воды, когда запрещались полив и купание» [Фурсова 1998, с. 36].

В нашем kraе воспоминание о троицких именинах воды и природы мы встретили только однажды у жительницы Казачинского района.

217

«Троица. Назавтра Духов день – земля именинница, и вода, и всё, всё».

(Казачинское)

К концу XX века среди жителей края широко сохранялось древнее восприятие Троицы или Духова дня как дней, связанных с почитанием земли. Оно встречается как среди старожилов, так и среди новопоселенцев. Эта связь осознавалась жителями Енисейского, Казачинского, Мотыгинского, Сухобузимского, Бирюлюсского, Тасеевского и Ирбейского районов. Днем почитания земли была либо сама Троица, либо Духов день, либо следующий за ним день недели.

Отличия порой существовали в соседних селах одного района, что связано с влиянием разных поселенческих и культурных традиций.

218

«Троица – день рождения земли. В этот день нельзя землю тревожить».

(Закемь, Казачинский район; Ивановка, Бирюлюсский район)

219

«В Троицу земля считалась именинницей, нельзя было делать полевые работы. Никто не должен трогать землю. Копать, боронить нельзя».

(Мотыгино)

220

«Духов день – земля именинница. В этот день нельзя землю трогать: ни копать, ни полоть».

(Курбатово, Казачинский район)

В местных традициях запреты, связанные с землей, варьировались. В одних населенных пунктах они касались только «травмирования» земли, т. е. копки, бороньбы. В других запрещалось бегать по земле, а также полоть траву, рвать цветы.

221

«Троица – большой праздник. Праздновали его летом три дня. Старики говорили: “Во время Троицы в огород нельзя ходить, в земле рыться. Полоть – и то запрещали”».

(Троицк, Тасеевский район)

Почитание земли было одним из древних языческих культов, восходящих к зарождению земледелия. Ученые установили, что древние славяне воспринимали землю как женский организм, отождествляли ее с женщиной [Комарович 1960, с. 84–104; Рыбаков 1981, с. 366; Иванова 1997, с. 2]. Это представление отразилось в присловье «мать-сыра земля», а также в ряде ограничений и запретов. Так, по свидетельству В.Л. Комаровича, у славян запрещалось плевать на землю, ложиться на нее ничком. Одной из самых сильных, ненарушаемых клятв считалась клятва землей. Некоторые староверческие толки исповедовали грехи, припадая к земле [Болонев 1978, с. 143]. В книге писателя И.С. Шмелева также запечатлено моление земле. По свидетельству Шмелева, оно происходило в Троицу: «Завтра вся земля именинница. Потому – Господь ее посетит... Завтра на коленках молиться в землю о грехах. Земля Ему всякие цветочки взрастила, березки, травки всякие... Вот и понесем Ему... И молиться будем: “Пошли, Господи, лето благоприятное!”» [Шмелев 1989, с. 351].

В нашем kraе также бытовали представления о земле как о женском организме. Они сохранились в памяти жителей старожильческих районов и до конца XX века.

222

«За неделю до сева лужанок (уличных гуляний) уже не устраивали. Старики запрещали, говорили, что земля беременна».

(Заледеево, Богучанский район)

223

«На третий день Троицы – земля именинница. Нельзя прыгать, бегать, так как земля беременная, засеяна».

(Арефьево, Бирюльский район)

В последней трети XX века соблюдение запрета могло не иметь мировоззренческого характера, но представление о необходимости его соблюдения сохранялось.

224

«В Троицу – день рождения земли. В этот день землю нельзя трогать. Одна женщина полола на Троицу – через некоторое время ее мужа выгнали с работы».

(Заледеево, Богучанский район)

В 70–90-х годах XX века особых обрядовых действий, связанных с культом земли, в крае не зафиксировано. Отчасти это произошло потому, что в восприятии крестьян земля тесно связана с произрастающей на ней растительностью. И почитание земли было перенесено на то, что на ней произрастает. Именно цветы, трава, зелень деревьев стали главным объектом поклонения.

225

«В воскресенье – сам Дух, в понедельник – Троица. Рубили березки, приносили домой, ставили по углам. Во дворе стлали траву, Иван называется. Ходили в церковь, брали цветы святые».

(Акатек, Тасеевский район)

В некоторых локальных традициях, напротив, в Духов день было строжайше запрещено рвать цветы.

226

«Духов день – земля отдыхает. Цветы нельзя было рвать. Мы пойдем в лес, а старухи скажут: “Девчонки, цветы не рвите” – “А что?” – “А земля-именинница”».

(Вороковка, Казачинский район)

И все-таки главным в почитании земли стали представление об отдохне земли и запреты нарушать ее покой.

227

«Второй день – Духов день. В огороде ничего нельзя было делать, и даже нельзя было босиком бегать, чтобы земля отдохнула».

(Вершино-Яковлево, Тасеевский район)

У некоторых поселенческих групп соседних сибирских регионов в обрядовый цикл включался вторник Троицкой недели: «У сибиряков-чалдонов б. Чаутской вол. (Приобье) троицкий вторник был женским праздником» [Фурсова 1998, с. 36]. В нашем крае вторник отмечался как праздничный день лишь в отдельных селах. Но он не являлся ни женским праздником, ни днем почитания воды. Поэтому у новопоселенцев связь с водой проявлялась в актуализации образов русалок, а в старожильческих селах она проявлялась в обрядах утопления березки.

В локальных традициях края на Семицко-Троицкой неделе существовали обрядовые действия, направленные на достижение хозяйственного благополучия. Среди них – прыжки, а также качания на качелях и каруселях. Все эти действия, как и подбрасывание сакральных предметов вверх, должны были способствовать высокому росту трав и злаков.

228

«На Троицу строили козлы и качались на них».

(Рыбное, Мотыгинский район)

229

«У нас были качели на Троицу».

(Данилки, Тасеевский район)

230

«Троицу у нас праздновали три дня (пятница, суббота, воскресенье). К этому празднику стряпают, гуляют в лесу, там и устраивали пир. На большой поляне собирается вся деревня. Ставят карусель, молодежь качается. А вокруг собирают общий стол».

(Ирбей)

В некоторых местностях в поздний период обрядовый подъем в высоту утратил магическую направленность, стал восприниматься как демонстрация ловкости и силы молодых девушек и вошел в комплекс «смотра невест».

231

«Три дня звонили колокола. Хороводы водили, танцевали, качались на качелях. Через табуретки прыгали. Старики говорили:

“Ну-ка, прыгни, прыгни. Кто прыгнет, то моя невестка будет”. Это когда молодые прыгали через табуретки».

(Ирбей)

Судьба обрядовых березок

В семицко-троицком комплексе большое место занимали обряды с принесенной из леса и украшенной березкой. По окончанию праздника с березкой поступали по-разному. В ряде губерний европейской части России в конце праздника березку прятали в овине либо с почетом выносили из деревни и бросали в рожь. В XVIII веке торжественный вынос березки привлек внимание Святейшего Синода. Так в протоколе 1747 года о праздновании Духова дня в Москве с осуждением говорится об этом обрядовом действии: «А оные безчинники в столь великий и святой день, вместо подобающего благоговения, вышеупомянутые березки износя из домов своих, аки бы некую вещь честную, с немалым людства собра нием провожают по подобию елинских пиршеств в овин, в леса» [Цит. по: Агапкина 2002, с. 612].

Для чего же троицкую березку бросали в лес или поле? Ученые трактуют этот обрядовый момент по-разному. Так, Т.А. Агапкина считает, что уничтожение березки отражает философскую идею начала и конца определенного календарного периода: «В данном календарном символе воплощен полный жизненный цикл: создание / рождение, некоторое отпущенное ему “время жизни” и уничтожение – отвечающий представлениям о календарном периоде, его начале и конце» [Агапкина 2002, с. 612].

По мнению других ученых, смысл обряда заключался в магии – передаче растительной силы березки земле и полям: «Наряженная, опетая, накормленная, прославляемая в течение нескольких дней березка рассматривалась как некое вместилище растительных сил. Брошенная или поставленная в хлебное поле, она должна была отдать всю свою силу, энергию роста и плодородия зеленеющей ниве, способствовать урожаю и, соответственно, благополучию людей» [Некрылова 2009, с. 709].

С утратой магического смысла исчезал и этот обряд: в ряде местностей троицкую березку стали просто оставлять на месте до высыхания, а затем сжигать.

Как видно из приведенных выше описаний, в разнопоселенческих традициях нашего края судьба троицких березок была различной. Однако в большинстве старожильческих и некоторых новопоселенческих деревнях нашего края березку в конце праздника бросали в реку.

Если исходить из магической теории, то утопление березки направлено на то, чтобы передать силу березки воде. Брошенная в воду березка должна была обеспечить на все лето достаточное количество влаги. Возможно, именно это значение обряда присутствовало в обрядовой расправе над березкой в новопоселенческой деревне Корсаково Тасеевского района.

232

«А после праздника березку уносили в ключ и бросали там».

(Корсаково, Тасеевский район)

Другие ученые рассматривают уничтожение березки в системе древних ритуальных убийств. Согласно теории В.Я. Проппа и Б.А. Рыбакова, славяне, как и другие народы, в сакральные периоды приносили человеческие жертвы сначала хозяевам стихий, позднее – наиболее чтимым языческим богам [Рыбаков 1981, с. 282–284]. По мнению исследователей, с течением времени в обрядовых жертвоприношениях человек постепенно был заменен куклой, чучелом [Рыбаков 1981, с. 317] и все обряды, включающие расправу над чучелом, имеют в основе принесение человеческой жертвы.

В соответствии с этой гипотезой, троицкая березка – это тоже заместительная жертва, которую вместо девушки отправляли в иной мир. Неслучайно в обрядах ей придавали облик девушки и называли сестрой. По языческим представлениям, человеческое жертвоприношение воде в Семицко-Троицкую неделю предотвращало засуху. Кроме того, у древних славян одна из форм похорон представляла собой отправление по воде. Река, в которой топили троицкую березку, являлась и средством отправления в иной мир, и указывала, с какой частью природной сферы связаны ожидания участников обряда.

Древний смысл березки-жертвы сохранился и в обрядовом дискурсе. Рассказывая об обряде, информаторы разных районов края все время говорили не о бросании березки в воду, а именно об ее «утоплении». В ряде районов по березке при этом не гадали. Думается, данная разновидность обряда и зафиксированное в языке восприятие обряда весьма отчетливо выявляет значение березки-жертвы.

233

«Березку наряжают в одежду человеческую, а потом ее **топить поведут**, эту березку».

(Заледеево, Богучанский район)

234

«Березку наряжали в Семик, после ставили в амбар, а в Троицу снова выносили на улицу. После праздника ее **раздевали и топили в речке**».

(Богучанская Заимка, Богучанский район)

235

«В Троицу березку наряжали в женскую одежду. Двое несут. По бокам идут: с одного – парни, с другого – девки. Потом с угора утопят. Вырубили в Троицу, **нарядили, раздели, утопили**. У нас так, целиком топили. Не разделяли по прутикам».

(Рыбное, Мотыгинский район)

236

«Вечером украшенную березку парень в лодке провозил по реке, а затем так и отправлял березку в лодке».

(Мотыгино)

237

«Березку наряжат в лесу. Эту березку носили по деревне. Когда возвращались с ней в деревню, выстраивались воротцами – с одной стороны девушки, а с другой – парни. В конце праздника березку на берегу реки **раздевали и топили** вместе с венками. После того, как утопят березку, ходили воротцами вокруг деревни».

(Потоскай, Мотыгинский район)

238

«Вырубали в Троицу березку, украшали лентами, платочками. В деревню несли исключительно парни. После окончания Троицы березку бросали в реку и отпевали:

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла.
Люли, люли стояла.
Люли, люли стояла.

Ну там и дальше, эта песня долгая...».

(*Рыбное, Козульский район*)

В местных традициях края обрядовое утопление березки сопровождалось гаданиями о жизни и судьбе.

239

«В Троицу у нас семики стряпали. Березку нарядим в лопоть (одежду), таскам по деревне. Юбку, кофту наденем, сделаем ручки из сучков. А потом разнаредим, изрубим, в речку бросим – гадали. Говоришь: “Коли я буду жить – неси, березка. А помру – так оседай”. Или завечали: “Куда березка потечет, туда замуж пойдешь”».

(*Карабула, Богучанский район*)

240

«После Троицы березку раздевают и бросают в речку. Когда разламывали березку, то загадывали: “Куда пруд понесет, туда и замуж выйду”».

(*Бедоба, Богучанский район*)

241

«Березку раздевали все, потом несли к реке, бросали в воду: если корешок тонет, значит, человек умрет».

(*Бархатово, Березовский район*)

В тех местностях, где отсутствовало центральное обрядовое деревце и березку по деревне не носили, не существовало и обря-

довой расправы над ней. Украшающие деревню троицкие березки оставались возле домов до засыхания, а затем сжигались.

242

«В Троицу в избе на пол клали траву, возле дворов ставили срубленные берёзки. Всё это находилось целую неделю, после чего траву и берёзки сжигали, а золой посыпали землю – сила».

(Верхотин, Иланский район)

243

«Березку сжигали, каждый у своего дома».

(Галанино, Казачинский район)

244

«После праздника береза стояла, пока не засохнет, а потом ее рубили на дрова».

(Орловка, Бирюльосский район)

245

«В Троицу служба в церкви. У нас за деревней стоял крест. У батюшки просили дождя, чтобы не было засухи».

(Бархатово, Березовский район)

Троица – престольный, храмовый, съезжий праздник

В праздновании Троицы наглядно видно переплетение древней языческой основы с более поздней, христианской. Так, в тех населенных пунктах, где существовали церкви в честь иконы Пресвятой Троицы, Троица была храмовым праздником.

246

«В Енисейске от Троицкой церкви крестный ход за город; у прихожан этой церкви храмовый праздник».

В городе Енисейске народное гуляние в честь праздника Троицы сопровождалось «каруселями, продажею сладостей в палатках,

играми в горелки и хороводы». По свидетельству А.А. Макаренко это гуляние носило название «Семик».

247

«На Севастьянке (в одном из церковных приходов Енисейска – Н.Н.) в оба дня Троицы бывает ежегодно Семик».

Помимо храмовых праздников и семицко-троицких гуляний, в Приенисейской Сибири были широко распространены съезжие праздники. Их название связано с тем, что на такой праздник съезжались жители одного церковного прихода, в который входило от 5 до 9 деревень. За каждым населенным пунктом прихода на многие годы закреплялся один зимний и один летний праздник. Если в приход входило небольшое количество деревень, то съезжих праздников в конкретном селе могло быть не два, а больше. В съезжий день жители всех входящих в приход деревень приезжали в село, ставшее центром праздника, туда же приезжал священник, который вел торжественное богослужение. Это делалось несмотря на то, что в небольших деревнях зачастую не было церкви, а порой – и часовни.

Богослужение открывало праздник, а его продолжение шло в дружеских и родственных компаниях. По рассказам жителей Приангарья, в деревню, ставшую центром праздника, мог приехать любой человек, и ему предоставлялась возможность общения, столования и ночлега. Особенно широко праздновались съезжие в Кежемском и Богучанском районах, где за века жизни старожильческих родов в Сибири сложились прочные родственные и дружеские связи.

248

«Поп с Богучан приезжал, в часовню ходили, должно отовсюду народ, утром рано все тут: из Климина, Заледеево, должно из Сыромолотово, из Гольтиявино – все оттуль. С песнями, с гармонями, утром-то рано... чтоб в часовню сходить. Потом гуляют, гуляют-то весело».

(Богучанская Заимка, Богучанский район)

249

«Троица – престольный праздник. Приносили иконы из церкви, служили молебен. Накануне копали ямы перед окном, поливали

водой, приносили и сажали березки. На третий день завивали березки и ставили под ними стол. Второй день Троицы – Духов день».
(Заледеево, Казачинский район)

В начале XX века съезжие существовали и в некоторых смешанных по составу населения районах края, как, например, в Тасеевском.

250

«В Данилки приезжали из Вахрушево, Средней Мурмы, Бартанаса. У каждого под окном ставили березку. Не украшали. Под березкой ставили стол и гуляли. Это маевка. Пели: “Ой, маю, маю, маю зелено...”».

(Тасеево)

251

«У нас Троица была престольным праздником. Дорожки в ограде посыпали чистым песочком, срубали березки выше человека и ставили. Березка была под каждым окном. Вырубали, приносили из леса, но березку не украшали. Служба была в церкви».

(Троицк, Тасеевский район)

В работе А.А. Макаренко сообщается о существовании в нашем крае обычая перенесения икон на Троицкой неделе.

252

«В Красноярском уезде из с. Аренского в с. Погорельское и другие окрестные с ними селения совершаются перенесение иконы Святой Троицы. Изредка эту икону приглашают и жители Енисейского уезда».

Во время экспедиционной работы мы неоднократно записывали свидетельства, подтверждающие слова А.А. Макаренко о принесении иконы Святой Троицы из Красноярска в Енисейский уезд. Однако, по сообщениям жителей Казачинского района, это совершалось отнюдь не «изредка». Жители ряда деревень этого района сообщали нам о паломничестве к иконе Святой Троицы как об устойчивой ежегодной традиции.

За несколько дней до Троицы группа верующих пешком совершила паломничество в Красноярск и оттуда приносила на руках

икону Троицы сначала в Казачинское, затем в Мокрушинское, Челноки, Рождественское и другие села уезда.

253

«В Троицу из Красноярска приносили икону. Её сначала приносили в Мокрушу, Казачинск, а оттуда её несли на руках в Рождественское. Она большая, красивая. Её здесь ставили на крестах (на перекрестке – Н.Н.). Народ собирался, молились. Раньше вот такое (большое) сито было, зёрна насыпали туда, а потом уже поп читал. А потом эту икону носили по другим деревням и относили снова в Красноярск. На лошадях-то нельзя было везти... Раньше Бога почитали».

(Рождественское, Казачинский район)

254

«Троицу три дня праздновали. На Троицу ходили в церковь – богу молиться. У нас крест был. Ко кресту ходили. Крест был большой, деревянный, окошек нет. Как терем, был на еланях. Туда ходили с молебном. Поп пойдет с крестом, с водичкой, со святой водой. Старики говорили, что скотина лучше растет и хлеб лучше растет».

(Рождественское, Казачинский район)

255

«В Троицу из Красноярска приносили икону. Её несли пешком из города. Она была большая, отделанная золотом».

(Вороковка, Казачинский район)

256

«Троица... Икону несли с Красноярска на носилках. У нас она на угore была, там. Поставят её, песочек разгребут и все там: ребячишек лечим. А встречали её всем селом. Нарядятся и соберутся».

(Казачинское)

257

«По деревням носили икону, а потом её уносили в Красноярск».

(Заледеево, Казачинский район)

258

«Троица наступает в пятнадцатый день после Пасхи. В этот день ходили в церковь. Шли по дороге со словами: “Пресвятая Троица, спаси нас. Господи, очисти грехи наши”».

(Челноки, Казачинский район)

В «Сибирском народном календаре» А.А. Макаренко упоминает еще один обычай, приуроченный к Троице.

259

«Крестьяне деревни Яркиной (на Ангаре) почтывают Троицу приготовлением кануна».

Канунами, иначе – братчинами, назывались пиры, устраиваемые жителями сельской или приходской общиной в честь какого-либо святого и праздника, ему посвященного. Как правило, такому пиру предшествовала варка пива вскладчину. Заботы, связанные с изготовлением пива, безвозмездно брали на себя несколько добровольцев или церковный староста. В Сибири этот обычай имел многовековую историю. В работе А.А. Макаренко приводятся цитаты из Циркулярного указа Енисейской воеводской канцелярии от 1771 года. В этом документе напоминалось о запрете **канунов и братчин** и осуждалось их изготовление в Анциферовской волости (была расположена между Туруханским округом и Енисейским уездом – Н.Н.).

По словам А.А. Макаренко, в начале XX века жители деревень нашего края относились к организаторам канунов очень уважительно, называя их «трудники», «доброжелатели», «желательны мужики». В задачу трудников входил сбор муки по деревне, варка нескольких больших чанов пива, а также доставка чанов от места варки к месту коллективного распития. В распитии пива участвовало все взрослое население, включая женщин и девушек. Правда, женское участие было в большей степени символическим:

260

«Варят пива хороши, хмельны. Мужики до последу сидят в ограде, им подают пива, не отказуют. Бабы, девки выпьют и уходят».

О существовании общественных пиров ангарцы помнили в конце XX века. О варке кануна нам рассказывали жители деревень Кежемская Заимка и Сосновая Кежемского района. И хотя канун в названных деревнях варили ко дню Николы Вешнего, мы приводим ниже один из рассказов, так как он прекрасно передает атмосферу празднования.

261

«Канун. В складчину гуляли. Пиво варили. Складывали муки. Огонь зажгут, пиво варят прямо на берегу. Ставили чаны и варили пиво. Больших чанов штук шесть поставят. Навесик такой сделают. Несем шаньги, рыбу, мясо, яйца. Кто желат, тот пьет, а кто желат – тот домой несет».

По свидетельству А.А. Макаренко, канун варили в «съезжие» дни [Макаренко 1908, с. 1]. По экспедиционным данным, варкой общинного пива мог быть отмечен и не храмовый, не съезжий праздник.

В деревнях Каменка и Пинчуга Богучанского района слово «канун» не знают, но обычай варки общинного пива здесь также хорошо помнят. В Пинчуге он был приурочен именно к Троице.

262

«Раньше в Троицу пиво варили. На площади-то иконы вытаскают все. Столы не ставили, а пуще-то пиво брали. Его вскладчину варили. Это духовный староста был, он у нас и пиво варил».

(Пинчуга, Богучанский район)

В первой трети XX века среди новопоселенцев Бирюльского района существовал обычай, связанный с поклонением иконе Пресвятой Троицы. В д. Ивановке не было церкви, и общественная икона Святой Троицы хранилась в доме одного из жителей целый год. Принимали икону на хранение поочередно. Женщины, которые

молились о рождении ребенка или о здоровье кого-либо из членов семьи, давали обеты именно перед этой иконой. К празднику Троицы давшая обет женщина должна была выткать обетное полотно такой длины, чтобы его хватило от ее дома до места хранения иконы. Безусловно, такая работа требовала много сил, времени и со-средоточенности на молитве и просьбе о помощи. После праздника это полотно жертвовали священнику.

263

«Троица была престольным праздником. В этот день служил поп. Икона находилась в доме целый год. Если баба “обреклась”, то выстилает полотно от того дома, где находилась икона, к своему. Кусок полотна постипался перед попом. Потом это полотно отдавали попу. Так икона ходила по всей деревне».

(Ивановка, Бирюльский район)

Итак, в этой книге приводятся и объясняются основные обрядовые действия Семицко-Троицкой недели. Читатели могли увидеть как общие черты празднования, так и местные отличия. Думается, прикосновение к глубинной сути и поздним вариантам обрядов позволит воспринимать народную культуру в ее сложности и многозначности смыслов. В свою очередь, это даст возможность воссоздавать традиционные праздники, избегая упрощенности и поверхностности.

Сложный в фольклорно-этнографическом отношении период Семика и Троицы наполнен не только обрядами, но и фольклорными произведениями. Некоторые из них уже приведены в тексте книги. Далее вы познакомитесь с песнями, исполняемыми на Семицко-Троицкой неделе в разных районах нашего края.

ПЕСНИ СЕМИЦКО-ТРОИЦКОЙ НЕДЕЛИ

Обрядовых песен Семицко-Троицкой недели немного. Об этом свидетельствуют издания календарного фольклора и выводы известных фольклористов. В частности, отмечая богатую песенность конца весны и начала лета, И.И. Земцовский резюмировал: «Как ни странно, но русских семицких, русальских и троицких песен с мелодиями записано очень мало. В основном фиксировались отдельные популярные песни, чаще всего приуроченные к Троице» [Земцовский 1975, с. 118].

В старожильческих районах нашего края семицкие и троицкие песни практически отсутствуют. Исключением является Богучанский район, где во время шествия девушки с обрядовой березкой исполнялась короткая песенка-припевка «Елья, елья, березонька». Кроме того, в деревне Заледеево этого района троицкое гадание по венкам сопровождала поздняя по поэтике песня «Как на этой на долинке». На наш взгляд, появление этих песен в репертуаре богучанцев можно связать со второй половиной XIX – началом XX века, когда территорию Приангарья пополнили мигранты из центральных и западнорусских областей России. Во всяком случае, записанный в Богучанском районе приговор и короткая песенка, в которых березка советует девушкам прядь, бытовали в Смоленской губернии (№ 265).

Основная часть помещенных в сборнике троицких песен записана от новопоселенцев, т.е. жителей края, приехавших в регион в конце XIX – начале XX века. Однако мы приводим также произведения, которые не являлись частью региональной культуры, так как в нашем крае не исполнялись. Это песни, записанные М.Ф. и Н.А. Шульпековыми от М.Е. Солдатенковой.

Эта женщина родилась в 1908 году в Смоленской губернии, а приехала в Сибирь в 60-х годах XX века. К этому времени в региональной культуре троицкие обряды и фольклор исчезли из живого бытования, и песни М.Е. Солдатенковой знакомят с традицией Смоленщины. Н.А. Шульпеков уже опубликовал их в сборнике «Расскажи ты, бабка», однако, учитывая библиографическую редкость этого сборника и практическую направленность нашего издания, мы считаем повторную публикацию оправданной. Ведь читатели полу-

чат более полное представление о троицком фольклоре и возможность использовать больше песенных произведений в работе с коллективами. Однако для отграничения от регионального фольклора песни М.Е. Солдатенковой в сборнике выделены звездочками.

В настоящее время в фольклористике отсутствует единая классификация обрядового фольклора, в том числе и троицких песен. В публикациях часто используют так называемую этнографическую классификацию, в которой отмечается место песни в годовом календарном цикле: колядки, масленичные песни, купальские, троицкие. В каждой из этих групп произведения затем объединяются на основе общих обрядовых действий. Так, в сборнике И.И. Земцовского в семицко-троицких песнях выделены следующие рубрики: «Семиковые, Троицкие», «На завиванье», «Гадание на венках», «Майские», «Кумитные и похороны кукушки», «На разжививание», «Троицкие хороводные и лирические», «Русальские», «Похороны Костромы» [Земцовский 1975, с. 359–453]. В разделе «Майские» И.И. Земцовский объединил песни, сопровождающиеся припевом «Маю, маю, маю зелено». Этого же принципа классификации придерживаются В.И. Жекулина и А.Н. Розов в книге «Обрядовая поэзия» (1989 г.).

Иную классификацию календарных и семейных обрядовых песен предложил Ю.Г. Круглов. С учетом назначения произведения (иначе – функции) и его поэтического содержания он выделил следующие группы обрядовых песен: ритуальные, заклинательные, величальные, корильные и лирические [Круглов 1982, с. 19–110]. В данные группы объединены произведения, бытующие как в семейных, так и в календарных обрядах. Так, к одному жанру исследователь относит святочные колядки и свадебные величания на основе общей функции, мотива восхваления и называния адресатов по имени-отчеству.

На наш взгляд, в этой классификации не учитывается такой важный жанровый признак, как особенность бытования произведения. Этот признак разграничивает календарный и семейный фольклор как разные сферы функционирования песен, нашедших отражение в их содержании. Тем не менее, в классификации Ю.Г. Круглова нам представляется ценной попытка дальнейшей

дифференциации обрядовых песен одного календарного цикла. Заметим, однако, что обрядовые песни не всегда позволяют четко выделить доминирующую функцию, так как в одном произведении могут совмещаться разные тематические мотивы. По этой же причине затруднена и тематическая классификация произведений обрядовой поэзии.

При характеристике региональных песен семицко-троицкого цикла мы пытаемся применить оба классификационных подхода. Поскольку всякое своеобразие выявляется лишь в сопоставлении, мы сравнили песенный репертуар региона с фольклором европейской части России. Региональной особенностью является выпадение из семицко-троицкого фольклора песен, связанных с похоронами Костромы и кукушки, а также заметное сокращение количества «кумитных» песен. Это обусловлено отсутствием соответствующих обрядов или их локальным бытованием. Самое большое количество региональных песен разрабатывает мотив гадания девушек по венкам. Они включают также мотив завивания венков, их бросания в воду, иногда с последующим толкованием обряда.

Как убеждает знакомство с материалами европейской части России, в троицком фольклоре преобладают ритуальные песни. Не стал исключением и обрядовый фольклор нашего края. В ритуальных песнях предметом изображения становится сам обряд. Так, песня № 264 выделяет центральное обрядовое дерево – березу – и включает упоминание о ее угощении. Особые ритуальные песни сопровождают завивание венков (№ 273–277), кумление (№ 278, 279) и гадание по венкам (№ 281–284). Нередко ритуальная песня мотивирует необходимость исполнения обряда и частично объясняет его. Например, в песне № 273 разъясняется необходимость завивания не одного, а нескольких венков.

По наблюдениям Ю.Г. Круглова, чаще всего «ритуальные песни представляют собой монологи-обращения» [Круглов 1982, с. 22]. Их композиция включала обращение к участникам обряда или обрядовому объекту, затем могли следовать мотивы речи: приглашение, приказ или угроза. Вероятно, к этой же группе следует отнести и песни, комментирующие обряд в форме повествования (№ 269).

Что касается песен-величаний, то в отличие от масленичного и святочного цикла в троицкой поэзии они отсутствуют в чистом виде. В некоторых песнях мы встречаем мотив восхваления березки (№ 265), но он редко является центральным, соединяясь с другими мотивами (женитьбы парня, изображением девушек – участниц обряда).

Развернутое изображение березы мы встречаем в проходочно-игровой песне «Александровска береза» (№ 272). Возможно, изначально эта песня являлась обрядовой и была прикреплена к Семику и Троице, но в XIX веке такая связь сохранилась лишь в локальных традициях. В большинстве же местностей России песня вышла за пределы троицких обрядов и стала исполняться в летних хороводах и на осенне-зимних молодежных вечерках.

Общеизвестно, что обрядовый фольклор – это самая древняя часть песенного репертуара, восходящая к периоду Киевской Руси. Однако немногочисленность семицко-троицких обрядовых песен обусловила творческое пополнение их репертуара в более позднее время. К поздним, например, относится песня «Как на этой на долине» (№ 283, 284), о чем свидетельствуют сквозная рифма и называние героинь девочками, девчонками, нехарактерное для исторически ранних форм фольклора.

Казалось бы, к троицкому фольклору относится и песня «Во поле береза стояла», где речь идет о заламывании березки. Однако она также не является исконно обрядовой. По этому поводу И.И. Земцовский, автор книги о музыкальном обрядовом фольклоре, писал: «Что касается известной песни “Во поле береза стояла”, то, по моему мнению, она не может быть отнесена к исконно-календарным, а скорее служит образцом песен, которые я называю... продуктом игры города в деревню: это поздняя стилизация под крестьянские семицкие песни; в крестьянской среде записывалась редко» [Земцовский 1975, с. 118]. Во время экспедиционной работы были найдены очень интересные варианты этой песни. Богатые в мелодическом и ритмическом отношении припевы позволяли использовать песню как сопровождение хороводной пляске и проходке.

Помимо названных песен, на Семицко-Троицкой неделе исполнялись произведения, включающиеся в троицкий цикл на осно-

ве смысловой или тематической связи. К первой группе относятся песни, говорящие о любви (№ 282–284) и желании девушки выйти замуж (№ 288). Как отмечалось выше, ряд троицких ритуалов был направлен на скорейшее создание семьи, поэтому данные песни включались в обрядовый контекст органично. Это же можно сказать о песне «А в моху-болоте» (№ 293), где подчеркивается нежелание «старого» жениться на «старухе» и его предпочтение, отдаваемое молодой «девке». Опосредованно, хотя и смеховыми средствами, подобные песни возвеличивали молодых девушек – главных героинь многих обрядов.

Отмечаемый исследователями «эротизм» Зеленых Святок в европейской части России обусловил включение в троицкий цикл песни «Эх, в зеленом садочку» (№ 295, 295а). В нашем крае она имела микролокальное распространение, а исполнялась только замужними женщинами, сопровождая их коллективную пляску в Троицу или Купалу.

Для полного отражения регионального семицко-троицкого репертуара мы включили в сборник песни, приуроченные к Троице, но не имеющие внутренней связи с обрядами. Как правило, эти песни исполнялись не только в троицких, но и в пасхальных хороводах. В Тасеевском районе были записаны варианты песни «Василь, василь, василёчек», сопровождающей плясовой хоровод. Кроме того, в хороводах и на троицких гуляньях звучали песни о разлуке, вызванной отъездом милого (№ 285–287, 290–292), о тоске и одиночестве молодой женщины (№ 289), о неудачном замужестве (№ 299, 307). Некоторые из них объединяют с обрядовым фольклором припев «Маю, маю, маю зелено», другие включаются даже без этой формальной связи.

Представленные в сборнике троицкие песни записаны от переселенцев из Смоленской и Орловской губерний, а также из Белоруссии. Остальные регионы России практически не оставили следов в семицко-троицком фольклоре Приенисейской Сибири.

Еще раз напомним, что песенная часть этой книги – результат творческого сотрудничества многих фольклористов края. Одни из них предоставили в сборник найденные в экспедициях песни и их переложение на ноты, другие осуществляли нотирование песен,

записанных фольклористами-филологами. Фамилии всех участников этого труда вы найдете в разделе «Сведения об информаторах и собирателях».

Песни про березу

264

Ты не радуйся, дубьё-ясенье*

♩ = 60

8 Ты не ра - - дуй - ся, дубь - ё - я - сень - е,
оий, лю - ли, лю - ли, дубь - ё - я - сень - е.

8 Не к(ы) та - бе и - ду - т(и) дев - ки к(ы) - рас - ны - е,
оий, лю - ли, лю - ли, дев - ки крас - ны - е.

8 Не та - бе ня - суть дра - чон смаш - - - на - й,
оий, лю - ли, лю - ли, дра - чон смаш - - - на - й.

Ты не радуйся, дубьё-ясенье,
Ой, люли, люли, дубьё-ясенье.
Не к (ы) табе идут (и) девки к (ы)расные,
Ой, люли, люли, девки к (ы)расные.
Не табе нясуть драчон... смашнай (и),
Ой, люли, люли, драчон... смашнай (и).
Ты порадуйся, белая берёзынька,
Ой, люли, люли, белая берёзынька.

Ой, к (ы) табе идут (и) девки к (ы)расные,
Ой, люли, люли, девки к (ы)расные.
Ой, табе нясуть драчон... смашнай (и),
Ой, люли, люли, драчон... смашнай (и).
Драчон... смашнай (и) со смятаною,
Ой, люли, люли, со смятаною.

265

Берёзынька бела*

Берёзынька бела девкам прядь вялела,
Ой, маю, маю, маю зеляно.
Вы, девки, прядите, на меня не глядите:
Я зимой бяленька, в летко зеляненька...
Ой, маю, маю, маю зеляно.

Поется на мелодию песни «Во мыху, во лесе».

266

Ох, елья ты, елья, берёзонька

Ох, елья ты, елья, берёzonька,
Елья, елья, кудрявая.
Похотел-то он жениться
На душе красной девице,
И на бярёзкиной сястрице.

Наряжали лоскутками березку и носили с песнями. Поется на мелодию песни «Елья ты, елья, берёzonька».

267

Елья ты, елья, берёzonька

♩ = 75

Е - л(и) - я,   ты   е - л(и) - я,   бе -   рѣ -   зо -   н(и) - ка,

♩ = 83

е - л(и) - я,   ты   е - л(и) - я,   ку - д(ы) - ря -   ва - - я,

Ел (и)я ты, ел (и)я, берёзон (и)ка,
 Ел (и)я ты, ел (и)я, куд (ы)рявая.
 Куд (ы)рявая, беловая,
 Куд (ы)рявая, беловая.
 Похотел пан пожаниться
 На душе красной девице,
 На берёзкиной сястрице.
 Ел (и)я ты, ел (и)я, берёzon (и)ка...

268 Берёзонька лугу позавидовала

Берёзонька лугу позавидовала,
Ой, маю, маю зелено.
– Добря вам, лужочки, добря, зеленые,
Ой, маю, маю зелено.
А вас-то, лужочки, не пилютъ, ня колютъ,
Ой, маю, маю зелено.
А мяне, березу, и пилютъ, и колютъ,
Ой, маю, маю зелено.
Молодушки девкам позавидовали,
Ой, маю, маю зелено.
– Добря вам, девочки, добря, молодые,
Ой, маю, маю зелено.
А вас-то, девочки, не бронютъ, не журютъ,
Ой, маю, маю зелено.
А мяне, младую, и журютъ, и бронютъ,
Ой, маю, маю зелено.

269

На Святую Троицу девицы играли

The musical notation consists of two staves of music. The first staff starts with a quarter note followed by eighth notes. The lyrics are: 'На Свя-ту - ю Тро - и - цу де - ви - цы иг - ра - ли,' with a fermata over the last note. The second staff continues with eighth notes. The lyrics are: 'дё - ви - цы иг - ра - ли, бе - рёз - ку ло - ма - ли, ой, да ло - ма - ли.' The tempo is marked as 88 BPM.

На Святую Троицу девицы играли,
Э-э-эй, девицы играли, берёзку ломали,
Ой, да ломали.
Берёзки ломали, тай на них гадали,
Э-э-эй, берёзки ломали, тай на них гадали,
Ой, да гадали.
Чья ж эты берёзка за ночь не завянет,
Э-э-эй, за ночь не завянет – милый не обманет?

Ой, не обманет.
 У кого берёзка на заре завянет,
 Э-э-эй, на заре завянет – миленький обманет,
 Ой, да обманет.

270

Берёзку ломала

$\text{♩} = 86$

Бе - рёз-ку ло - ма - ла, бе - рёз-ку ло-ма - ла, судь - бу я се-бе, судь-бу за-га-да - ла.

Берёзку ломала, берёзку ломала,
 Судьбу я себе, судьбу загадала.

На Троицу, когда девушки выходили в лес, они плели венки, кумились, а также загадывали свою судьбу, особым образом «заламывая» березки. Ломали какую-либо ветку (или же небольшое деревце) и шли домой. Утром на следующий день шли к «заломленной» накануне березке и смотрели (каждая у своей) место надлома. Считалось, что «...если березка соком возьмется, зеленью обовьется – мне хорошо живется!», а «...если березка засохнет, сожмется, то жизнь моя оборвется или же впредь будет “худая”». При «залимывании» некоторые хитрили, т. е. не ломали ветку совсем, а только согбали ее до состояния надлома.

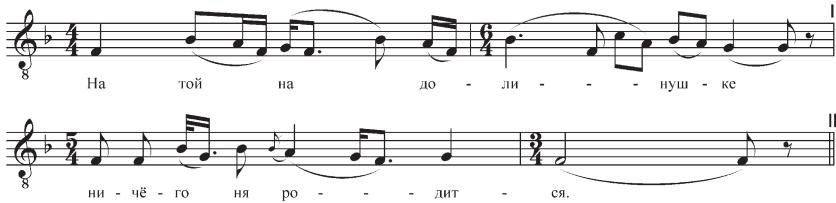
271

Долина-долинушка *

$\text{♩} = 60$

До - ли - на, ой, до - ли - - - ну - ш(и) - ка,

до - ли - на ши - ро - - - ка - я.

Долина, ой, долинушка, (и)ка, долина широкая.

На той на долинушке ничёго ня родится.

Только зародилася белая берёзынька,

Белая, кудрявая, листьём кучарявая.

Под той под берёзынькой девка высыпалася,

За той за берёзынькой заря занималася.

Заря занималася – девка просыпалася.

272

Александровска береза

В темпе хороводного шага

Александровска береза, береза

Посеред поля стояла, стояла,

Буйно листьями шумела, шумела,

Зеленым кистям сияла, сияла,

Золотым венком махала, махала.

Летал голубок
По ельничку,
По березничку,
По частому, по мелкому
По осинничку.
Гуляй, гуляй, голубок,
Гуляй, сизенький,
Сизокрыленький.

– Ты куда, голубь, летал?
Куда крыльями махал?
– Я ко девушке летал,
У красавицы бывал.
Уж я девушку люблю,
Поцелую и уйду.
У девицы лицо бело,
Хороша, молоденька,
Хороша, молоденька,
Поцелуй, Володенька!

Песня исполнялась во время троицких гуляний. Играющие становились хороводом, в кружке была девушка. И во время исполнения первой части песни она изображала березку, движение веток, махала над головой платочком. Под вторую часть песни переходила в пляс. К концу песни к ней подходил парень, целовал, потом они выбирали другую пару, после чего все повторяли песню либо переходили к другой игровой песне.

272а Александровска берёза

Александровска берёза, берёза
Посреди полей стояла, стояла.
Она ветками махала, махала,
Она листьями шумела, шумела,
В хоровод девок гукала, гукала.
Летал голубок
По ельничку, по березничку,

По частому, по мелкому
 По осинничку.
 – Ой ты, голубь, голубок,
 Голубь сизенький,
 Сизокрыленький!
 Ты куда, голубь, летал,
 Куда крыльями махал?
 – А я к девице,
 Я к красавице.
 У девицы лицо бело,
 Хороша, молоденка,
 Хороша, молоденка,
 Поцелуй, Володенька!

Поется на мелодию песни «Александровска береза».

Песни на завивание венков

273

Пойдёмте, девочки, на луги-лужочки

The musical score consists of four staves of music with lyrics written underneath. The tempo is indicated as $\text{♩} = 77$. The first staff starts with a 8/8 time signature, followed by a 5/8 section, then a 4/4 section. The second staff starts with a 9/8 time signature, followed by a 8/8 section, then a 4/4 section. The third staff starts with a 8/8 time signature, followed by a 5/8 section, then a 4/4 section. The fourth staff starts with a 9/8 time signature, followed by a 8/8 section, then a 4/4 section. The lyrics are as follows:

Пойдёмте, девоч - ки, на лу - ги - лу - жоч - - - ки, ой,
 ма... ...ю, ма - ю, ма - ю зе - ле - но.
 На лу - ги - лу - жоч - ки, за - ви - вать вя - ноч - - - ки, ой,
 ма... ...ю, ма - ю, ма - ю зе - ле - но.

Пойдёмте, девочки, на луги-лужочки,
Ой, ма... ю, маю, маю зелено.
На луги-лужочки завивать вяночки,
Ой, ма... ю, маю, маю зелено.
Завьем мы вяночки на все три денечка,
Ой, ма... ю, маю, маю зелено.
Загадаем загадку про батьку, про матку,
Ой, ма... ю, маю, маю зелено.
Про батьку, про матку, про родну сестрицу,
Ой, ма... ю, маю, маю зелено.
Про родну сестрицу, про себя, девицу,
Ой, ма... ю, маю, маю зелено... у!

274

Пойдёмте, девочки, у луги-лужочки

Пой - дём - тя,   *де - воч - ки,*   *у лу - ги - лу - жоч - ки,*

ма...   *...ю,*   *ма - ю,*   *ма - ю зе - ля - но.*

у лу - ги - лу - жоч - ки   *за - ви - вать*   *вя - нож - ки,*

ма...   *...ю,*   *ма - ю,*   *ма - ю зе - ля - но.*

Пойдёмтя, девочки, у луги-лужочки,
Ма... ю, маю, маю зеляно.
У луги-лужочки завивать вяночки,
Ма... ю, маю, маю зеляно.
Мы завьём вяночки на все мы Святочки,
Ма... ю, маю, маю зеляно.
Мы на все Святочки, мы на все Троицкие,
Ма... ю, маю, маю зеляно.

Пойдём, девочки, мы в лужки, в лужки

Пой-дём, де-воч-ки, мы в луж-ки, луж-ки, ай, лё-ли, лё-ли, мы в луж-ки, луж-ки

Пойдём, девочки, мы в лужки, в лужки,

Ай, лёли, лёли, мы в лужки, в лужки.

Сорвём, девочки, мы цвятки, цвятки,

Ай, лёли, лёли, мы цвятки, цвятки.

Совьём, девочки, мы вянки, вянки.

Ай, лёли, лёли, мы вянки, вянки.

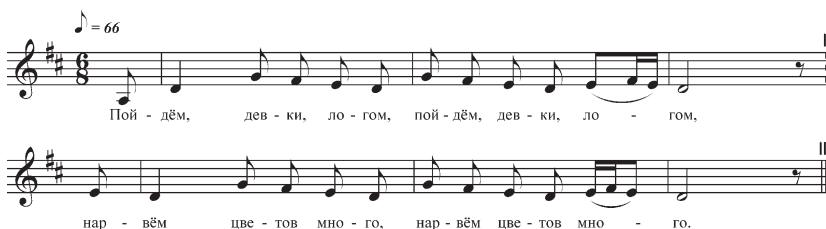
Мы совьём вянки, мы на все Святки,

Ой, лёли, лёли, мы на все Святки.

Ны Пятровсия, на Покровсия,

Ай, лёли, лёли, на Покровсия.

Пойдём, девки, логом

Пой-дём, дев-ки, ло-гом, пой-дём, дев-ки, ло- гом,

нар-вём, цве-тov мно-го,

нар-вём, цве-тov мно- го.

Пойдём, девки, логом,

Нарвём цветов много.

Зайдем, девки, в рощу,

Совьем по веночку.

На мне мой веночек

Не сохнет, не вянет,

По мне мой дружочек

Не тужит, не плачет.

Когда мой веночек
Засохнет, завянет,
Тогда мой дружочек
Затужит, заплачет.

Каждая строка повторяется дважды.

277

Пойдёмте-ка, девки, ў луги гуляти*

Пойдёмте-ка, дев (ы)ки, ў луги гуляти,
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
У луги гуляти, вян (ы)ки завювати,
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
Мы завъём вяночки, завъём зелёные,
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
Завъём зелёные, на все дни святые,
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
Зеленаи вишни, ты все девки вышли?
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
Ти все девки вышли, ты все молодухи?
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
Ти все молодухи, старои старухи?
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.

Только нету Ритки – Колька не пускает,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 Колька не пускает – ў клеть замыкает,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 Ў клеть замыкает – три замка цепает,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 Ай, йна была резва – через тын перелезла,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 Через тын перелезла – к девкам гулять лезла,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.

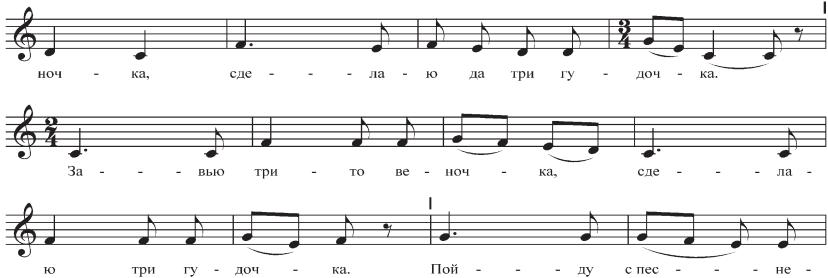
«Вяношная» песня. Первые четыре строки пели девушки, собираясь идти в лес «завивать большой венок», по ходу, собирая цветы, плели венки, одевая их на себя. Продолжали песню, выйдя за окопицу села, уже «под венками».

278

Во Семик венки да завивали*

$\text{♩} = 120$

Bo Se - mi - k(ы) ve - n(ы) - ki da za - vi - va - - -
 ли, да за - vi - va - - ли, в чис - ту Тро - - - и -
 цу да раз - vi - va - - - ли, да раз - vi - va - - -
 ли. Ты бе - рёз - ка мо - я, да ты куд - ря - ва - я мо -
 я, да рас - куд(ы)-ря - куд - ря - куд - ря - ва - я, куд(ы) - ря - вень - ка -
 я. Пой - ду в лес да по - гу - ля - ю, эх, бе - лу - то бе -
 рёз - ку за - ло - ма - - ю. Со - - - вью три - - то ве -

Во Семик (ы) вен (ы)ки да завивали,

Да завивали.

В чисту Троицу да развивали,

Да развивали.

Ты берёзка моя,

Да ты кудрявая моя,

Да раскуд (ы)ря-кудря-кудрявая,

Куд (ы)рявенькая.

Пойду в лес да погуляю,

Эх, белую берёзку заломаю.

Совью три-то веночка,

Сделаю да три гудочка.

Завью три-то веночка,

Сделаю да три гудочка.

Пойду с песнею ко реке

Да брошу я свои веночки.

Вы плывите, вы п (ы)лывите,

Вы плывите, да не тоните.

Вы плывите, да не тоните,

К милому дружку п (ы)лывите.

В четверг на Семицкой неделе, в Семик, молодежь с утра из-за окопицы и через всю деревню шла к реке. По ходу с песнями рвали цветы и плели венки. К шествию присоединялось все больше людей, и у реки девушки, надламывая венки, бросали их в воду. Если венок тонул – это было плохой приметой. За излучиной парни вылавливали венки, позже угадывали, кому чей достался.

Песни, исполняемые во время кумления

279

Ну-ка, кумушки, мы покумимся*

$\text{♩} = 72$

Ну - ка, ку - муш - ки, мы по - ку - ми - м(ы) - ся,
ой, ля - лё, ля - лё, мы по - ку - мим - ся.
Мы по - ку - мим - ся, по - го - лу - бим - ся,
ой, ля - лё, ля - лё, по - го - лу - бим - ся.

Ну-ка, кумушки, мы покумим (ы)ся,
Ой, лялё, лялё, мы покумимся.
Мы покумимся, поголубимся,
Ой, лялё, лялё, поголубимся.
Мы кумилися, не бралися,
Ой, лялё, лялё, не бралися.
Приходи, кума, кисялю хлебать,
Ой, лялё, лялё, кисялю хлебать.
Ну-ка, кумушка, мы раскумимся,
Ой, лялё, лялё, мы раскумимся.
Мы раскумимся, разголубимся,
Ой, лялё, лялё, разголубимся.

280

Уж ты, бабушка-купорезница*

Уж ты, бабушка-купорезница,
Ой, люли, люли, купорезница.

Обчерти ж ты нас золотой чертой,
 Ой, люли, люли, золотой чертой.
 Золотой чертой хорошенечко,
 Ой, люли, люли, хорошенечко.

«Вяношная» песня. Исполнялась у «большого венка», когда девушки уже покумились и обменялись платками. После этого они обходили «большой венок» кругом и пели.

Поется на мелодию песни «Ты не радуйся, дубьё-ясенъе».

Гадания по венкам

281

Вы кумушки, голубушки, подружки мои

The musical score consists of five staves of music in G major (indicated by a treble clef) and common time (indicated by a 'C'). The tempo is marked as $\text{♩} = 70$. The lyrics are written below each staff, corresponding to the musical phrases. The score is divided into two sections, indicated by Roman numerals II and III.

Section I (Irrhythmic notation):

- Staff 1: Вы ку - муш - ки, го - лу - буш - ки, по - друж - ки мо - и, вы
- Staff 2: ку - муш - ки, го - лу - буш - ки, по - друж - ки мо - и. Ку -
- Staff 3: ми - те - ся, лю - би - те - ся, лю - би - тя й мя - не, ку -
- Staff 4: ми - те - ся, лю - би - те - ся, лю - би - тя й мя - не. Как
- Staff 5: пой - ди - тя на Ду - най - ря - ку, зо - ви - тя й мя - не, как

Section II (Rhythmic notation):

- Staff 1: Вы ку - муш - ки, го - лу - буш - ки, по - друж - ки мо - и, вы
- Staff 2: ку - муш - ки, го - лу - буш - ки, по - друж - ки мо - и. Ку -
- Staff 3: ми - те - ся, лю - би - те - ся, лю - би - тя й мя - не, ку -
- Staff 4: ми - те - ся, лю - би - те - ся, лю - би - тя й мя - не. Как
- Staff 5: пой - ди - тя на Ду - най - ря - ку, зо - ви - тя й мя - не, как

Вы кумушки, голубушки, подружки мои,
Вы кумушки, голубушки, подружки мои.

Кумитеся, любитеся, любится (й) мяне,
Кумитеся, любитеся, любится (й) мяне.

Как пойдитя на Дунай-ряку, зовитя (й) мяне,
Как пойдитя на Дунай-ряку, зовитя (й) мяне.

Вы будетя цвяточки рвать, сорвите (й) мяне,
Вы будетя цвяточки рвать, сорвите (й) мяне.

Вы будетя вяночки вить, совьёта (й) мяне,
Вы будетя вяночки вить, совьёта (й) мяне.

Вы будетя на Дунай бросать, закинята (й) мой,
Вы будетя на Дунай бросать, закинята (й) мой.

А все вянки поверх плывут, а мой утонул, ой,
А все дружки з войны пришли, а моего нема.

И сам ня йдет, письма не шлет, оставсь зимуватъ,
Ой, а я, млада, младешенька, горя горюватъ.

282

Как на той широкой луговине

A musical score for a folk song. The tempo is marked as 72 BPM. The music consists of four staves of music with corresponding lyrics in Russian. The lyrics describe a scene of a young woman on a wide meadow, mentioning various flowers and birds. The score includes time signature changes between common time and 3/4 time. The lyrics are as follows:

Как на той широкой луговине, дай на той на мягкой луговине,
на мя - той тра - ве, ой, на мя - той тра - ве.
||
Ой, там где воч - ки, ой, да гу - ля - ли, на вян - ки о - не га - да - ли,
||
вя - - ноч - ки вя - - ли, ой, вя - ноч - ки ви - - ли.

Как на той широкой луговине,
Да (й) на той на мягкой луговине,
На мятоей траве, ой, на мятоей траве.

Ой, там девочки, ой, да, гуляли,
На вянки оне гадали,
Вяночки вили, ой, вяночки вили.

И на ряку оне венки бросали,
На ряку венки бросали,
Вяночки плыли, ой, вяночки плыли.

И одна девка, ой, да, не смолчала,
Громким голосом она вскричала:
– А мой вянок утонул, ой, вянок утонул.

А мой вяноқ, ой, да, утонул –
Меня милый, ой, да, обманул,
Милый обманул, ой, милый обманул.

Песня лирическая, приуроченная к Троице.

283

Как на этой на долине

$\text{♩} = 60$

Как на э - той на до - ли - не, на ши - ро - кой лу - го - ви - не,
на мя - той тра - ве на ла - зу - ре -вой.

Там дев - чон - ки со - би - ра - лись, и цве - точ - ки о - ни рва - ли,
и вен - ки пле - ли из раз - ных цве - тов.

Как на этой на долине, на широкой луговине,
На мятый траве на лазуревой.

Там девчонки собирались, и цветочки они рвали,
И венки плели из разных цветов.

На венках девки гадали, венки в речку опускали.
Чей венок плывет – миленький вздохнет.

Одна девка не смолчала, громким голосом она вскричала:
– А мой утонул – милый обманул.

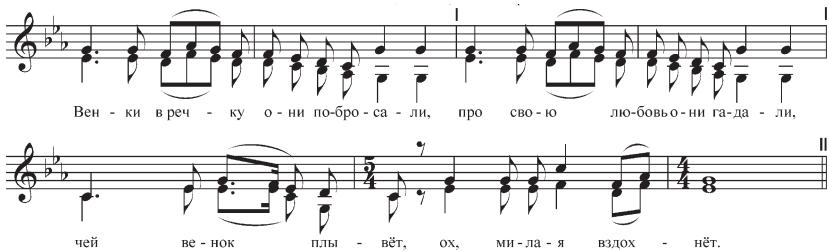
К ней подружки собирались, уговаривать ее старались:
– Не плачь, глупая, неразумная.

Твой венок вода швыряет, тебя милый клятвой увещает,
Хочет верным быть – одноё любить.

– Ох, подружки дорогие, не унять вам мои слезы.
Венок утонул – милый обманул.

284 Как на этой на долинке

$\text{♩} = 60$

Как на этой на долинке,
 На широкой луговинке,
 На мятой траве,
 Ой, на мятой траве.
 Там девчоночки гуляли,
 С трав цветочки они собирали
 И плели венки,
 Ох, из разных цветов.
 Венки в речку они побросали,
 Про свою любовь они гадали,
 Чей венок плывёт –
 Ох, милая вздохнёт.
 Одна девка не смолчала,
 Громким голосом она вскричала:
 – Венок потонул –
 Ох, милый обманул!
 Тут девчоночки сбежались,
 Уговаривать ее старались:
 – Не плачь, глупая, ох, неразумная.
 – Ох, девчоночки, мои подружки,
 Не унять вам мои горьки слезы:
 Венок потонул –
 Ох, милый обманул!
 Как на этой на долинке,
 На широкой луговинке,
 На мятой траве,
 Ой, на мятой траве.

Майские песни

285

Как за лесом, лесом

The musical score consists of three staves of music. The first staff starts at a tempo of 88 BPM in common time (G clef). The second staff begins at 81 BPM in common time. The third staff begins at 70 BPM in common time. The lyrics are integrated into the musical notes. The lyrics are:

Как за лесом, лесом солнышко играет, -
Ма... ю, маю, маю зелено.
Солнушка играет, мил коня седлает,
Ма... ю, маю, маю зелено.

The score includes various dynamics and rests, such as a fermata over the word "играет" in the first line and a fermata over the word "зелено" in the second line.

Как за лесом, лесом солнышко играет,

Ма... ю, маю, маю зелено.

Солнушка играет, мил коня седлает,

Ой, ма... ю, маю, маю зелено.

Мил коня седлает, жена всё пытает,

Ма... ю, маю, маю зелено.

– Милай ты, мой милай, куда ты поедешь?

Ой, ма... ю, маю, маю зелено.

– Поеду далёко, приеду не скоро,

Ма... ю, маю, маю зелено.

Там жаниться буду, а тебе забуду,

Ой, ма... ю, маю, маю зелено.

– А дай тебе Боже все крутыя горы.

Ма... ю, маю, маю зелено.

Что за лесом, лесом

Что за лесом, лесом
Солненько играет,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
Молодой Ванечка
Коника седлает,
Ой, ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
Молода Манечка
Правду всю пытает,
Ой, ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
– Куда ты поедешь,
Ти скоро приедешь?
Ой, ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
– Далеко поеду,
Ня скоро приеду,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
Там жаниться буду,
Про тебя забуду,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
– Не дай табе Боже
Ни счаств, ни доли,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
А дай табе Боже
Ни в поле, ни в доме,

Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
У пути-дороге
Все крутыя горы,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
Все крутыя горы,
Все быстрыя реки,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
Все быстрыя реки,
Все темнаи ночи,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
– Не грози, девчонка,
Не грози, краса,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
На крутыя горы
В меня конь вороный,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
На темнаи ночки
В меня карие очки,
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.
На быстрые речки
В меня перевозчик
Ой ма...
Ю, маю, маю зелено... у.

Поется на мелодию песни «Как за лесом, лесом».

По лугам-лужочкам*

По лугам-лужочкам мальчишка гуляет,
 Ой, маю, маю зеляно.
 Мальчишка гуляет, коника (о) братает,
 А яго ж-то девка всё речи пытает:
 – Молодой мальчишка, куда ты поедешь?
 Куда ты поедешь, ты скоро приедешь?
 – Поеду далёко, приеду не скоро,
 Приеду не скоро, там жениться буду.
 – Ни дай тебе Божа ни счастья, ни доли.
 Ни счастья, ни доли – плохую невесту.
 Ой, маю, маю зеляно.

Поется на мелодию песни «Во мыху, во лесе».

За двором пшаница*

За двором пшаница говором говорила,
 Ой, маю, маю зеляно.
 Либо жнитя-коситя, нято скот пуститя,
 Ой, маю, маю зеляно.
 Не могу стояти, колоса держати,
 Ой, маю, маю зеляно.
 А мой же-то колос соломину ломит,
 Ой, маю, маю зеляно.
 Соломину ломит, он с корня воротит,
 Ой, маю, маю зеляно.
 А Любка что батьке не *стадясь* говорила,
 Ой, маю, маю зеляно.
 – А батька ты, батька, отдавай мяне замуж,
 Ой, маю, маю зеляно.
 Не могу ходити, русы косы носити,
 Ой, маю, маю зеляно.

А мои-то косы усе плечи побили,
 Ой, маю, маю, маю зеляно.
 Зеляные ленты усе пятны обсекли,
 Ой, маю, маю, маю зеляно.

Пели на завивании венков.

289
Во мыху, во лесе*

♩ = 120

Во м (ы)ху, во лесе три бярёзки вме... (е)сте,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 На тех (ы) на бярёзах три кукушки куку... (у)ют,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 Первая кукует по батьке, по матке,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 Другая кукует по брату с сястрою,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 Третия кукует по милу дружочки,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
 По батьке, по матке доса куковати,
 Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.

По брату с сястрою буду забувати,
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.
По милом дружочки буду вспоминать,
Ой, ма... ю, маю, маю зеляно.

290

Не кукуй, кукушечка

Не кукуй, кукушечка,
В зеленой дубравке,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
Не давай зазнобы молодой ёдовке,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
Молодая ёдовка
По двору ходила,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
По двору ходила,
Рученьки ломила,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
Рученьки ломила,
Ноженьки томила,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
Ноженьки томила,
Боженьку просила,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
– Не дай тебе Боже
Ни счастья, ни доли,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
Ни счастья, ни доли,
Все крутые горы,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.
– На крутые горы
Есть быстрая река,
Ой, мы... е, мы... е, мы... е зеляно.

Поется на мелодию песни «Молодая вдовка по двору ходила».

Не кукуй, кукушка, в зеленой дубраве

Не кукуй, кукушка, в зеленой дубраве,
Ой, маю, маю, маю зеляно.

Не давай заботы молодой вдовке,
Ой, маю, маю, маю зеляно.

Молодая вдовка по двору ходила,
Ой, маю, маю зеляно.

По двору ходила, рученьки ломила,
Ой, маю, маю зеляно.

Рученьки ломила, ноженьки томила,
Ой, маю, маю зеляно.

А в середе в поле пашути порою,
Ой, маю, маю зеляно.

А моя-то соша з борани сяела.
Ой, маю, маю зеляно.

Зборанила еле, в поле не попало,
Ой, маю, маю зеляно.

Поется на мелодию песни «Молодая вдовка по двору ходила».

Молодая вдовка по двору ходила

Мо - ло - да - я вдов - ка по дво - ру хо - ди-ла, ой, ма - ю, ма - ю, ма - ю зе - ле-но.

Молодая вдовка по двору ходила,
Ой, маю, маю, маю зелено. (*рефрен*)

По двору ходила, рученьки ломила,
Рученьки ломила, ноженьки томила.

– А все люди в поле пашут и боронят.
А моя-то сошка с двора не съезжала,

С двора не съезжала, в поле не бывала.

За лесом за темным солнышко играет,
Солнышко играет, муж коня седлает.
Муж коня седлает, а жена пытает:
– Скажи, муж, всю правду, куда ты поедешь?
– Поеду далёко, приеду не скоро.
Там жениться буду, про тебя забуду.
– А дай тебе Боже ни счастья, ни доли.
Ни счастья, ни доли – ни дома, ни в поле.
А дай тебе Боже да крутые горы.
Да крутые горы, да быстрые реки.
Да быстрые реки, да буйные ветры.

293

А в моху-болоте*

А в моху-болоте на гнилой колоде,
Ой, маю, маю, маю зелено.
Там стариk гогочет, он жениться хочет,
Ой, маю, маю, маю зелено.
Ой, вядуть старику старую старуху,
Ой, маю, маю, маю зелено.
А стариk гогочет – старуху не хочет,
Ой, маю, маю, маю зелено.
А в моху-болоте на гнилой колоде,
Ой, маю, маю, маю зелено.
Там стариk гогочет, он жениться хочет,
Ой, маю, маю, маю зелено.
Ой, вядуть старику красную дьявицу,
Ой, маю, маю, маю зелено.
А стариk смеется – за девку грябется,
Ой, маю, маю, маю зелено.

Песня лирическая, приуроченная к Троице. Поется на мелодию песни «Во мыху, во лесе».

Старый у городе конопельки сеет*

Старый у городе конопельки сеет,
Ой, маю, маю, маю зелено.
А я, молоденька, кол (о) тыну стояла,
Ой, маю, маю, маю зелено.
Кол (о) тыну стояла, голубей гоняла,
Ой, маю, маю зелено.
Голуби – канарейки, клюйте конопельки,
Ой, маю, маю зелено.
Чтобы мне их не брати, белых рук не марати,
Ой, маю, маю зелено.

Поется на мелодию песни «Во мыху, во лесе».

Эх, в зеленом садочку

$\text{♩} = 78$

Э - х(ы), взе - ле - ном са - доч - ку   дё - в(ы)-чон - ка гу - ля...   ...(a) - ла.

ой ли, ой ли, ой ли, ой ли, дё - в(ы)-чон - ка гу - ля - ла.

Дев - чон - ка гу - ля - ла,   ни - че - го не зна...   ...(a) - ла,

ой ли, ой ли, ой ли, ой ли, ни - че - го не зна - ла.

Толь - ко зна - ла, рас - по-з(ы)-на - ла,   как толс - той у - ста - ла, да

ой ли, ой ли, ой ли, ой ли, как толс - той у - ста - ла.

Эх (ы), в зеленом садочку
Див (ы)чонка гуля... (а)ла.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Див (ы)чонка гуля... (а)ла.

Дивчонка гуляла,
Ничего не зна...(а)ла.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Ничего не зна ... (а)ла.

Только знала-распоз (ы)нала
Как толстой устала.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Как толстой устала.

Не видала девчоночка,
Как пастух подкрался.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Как пастух подкрался.

Он подкрался, подобрался,
На шею бросался.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
На шею бросался.

Отойди-ка, парень сельский,
Пастух деревенский.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Пастух деревенский.

Он за шеюшку рукою,
За груди другою.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
За груди другою.

А что ж в тебя, девчоночка,
Груденьки мягченьки?

Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Груденьки мягченьки?

Гуси были, пух носили,
А я накладала.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
А я накладала.

А что в тебя, девчоночка,
Губенки сладеньки?
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Губенки сладеньки.

Пчелы были, мёд носили,
А я поедала.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
А я поедала.

Они сели-посидели,
Лягли-полежали.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Лягли-полежали.

Лягли-лягли-полежали,
Оба задрожали.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Оба задрожали.

А что ж в тебя, девчоночка,
Промеж ног черненько?
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Промеж ног черненько?

Швецы были, шубу шили,
Заплатку пришили.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Заплатку пришили.

Во зеленом ў садочке

Во зеленом ў садочке
Девица гуляла,
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Девица гуляла.
Она гуляла, разгуляла,
Ничего не знала.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Ничего не знала.
Только знала – распознала:
Пастух стерег стадо,
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Пастух стерег стадо.
Не видала девчоночка,
Как пастух подкрался,
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Как пастух подкрался.
Он подкрался, подобрался,
На шею бросался.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
На шею бросался.
На то девка не ўповала,
Все парня ругала.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Все парня ругала.
– Отойди-ка, парень сельский,
Пастух деревенский.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Пастух деревенский.
Они сели, посидели,
Легли, полежали.
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Легли, полежали.
Легли, полежали –
Оба задрожали,
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Оба задрожали.

– А что у тебя, девчоночка,
Губоньки сладеньки?

Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Губоньки сладеньки.

– Пчелы были, мед носили,
А я поедала,
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
А я поедала.

– А что у тебя, девчоночка,
Грудоньки мягченьки?
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Грудоньки мягченьки.

– Гуси были, пух носили,
А я укладала,
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
А я укладала.

– А что у тебя, девчоночка
Промеж ног черненько?
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Промеж ног черненько.

– Швятцы были, шубу шили,
Заплатку пришили,
Ой ли, ой ли, ой ли, ой ли,
Заплатку пришили.

Поется на мелодию песни «Эх, в зеленом садочку».

Песни троицких хороводов

296

Василь, василь, василёчек

Ва - силь, ва - силь, ва - си - лё - чек, ва - си - лё - чек, ва - си - лё -
чек, мой я - ро - вень - кий цве - то - чек, мой цве - то - чек, мой цве - то - чек.

Василь, василь, василёчек,
Василёчек, василёчек,
Мой яровенький цветочек,
Мой цветочек, мой цветочек!
Первым разом я садила,
Я садила, я садила.
Другим разом – поливала,
Поливала, поливала.
Третьим разом сорывала,
Сорывала, сорывала.
Сорву цветок, совью венок,
Совью венок, совью венок.
Совью венок, пойду в танок,
Пойду в танок, пойду в танок.
А в таночке мой немилый,
Мой немилый, мой немилый.
Он во гусельки играет,
Он играет, он играет –
Мой веночек засыхает,
Засыхает, засыхает.
Василь, василь, василёчек,
Василёчек, василёчек,
Мой яровенький цветочек,
Мой цветочек, мой цветочек!
Первым разом я садила,
Я садила, я садила.
Другим разом поливала,
Поливала, поливала.
Третьим разом сорывала,
Сорывала, сорывала.
Сорву цветок, совью венок,
Совью венок, совью венок.
Совью венок, пойду в танок,

Пойду в танок, пойду в танок.
 Во таночке мой миленок,
 Мой миленок, мой миленок.
 Он на дудочке играет,
 Он играет, он играет.
 Мой веночек расцветает,
 Расцветает, расцветает.

297

Василь, василь, василёчек

The musical score consists of three staves of music in G major, 3/4 time. The first staff starts at tempo 75, the second at 86, and the third at 81. The lyrics are written below each staff, corresponding to the musical phrases. The score is divided into two sections by double vertical bar lines.

First section lyrics:

ва - силь, ва - силь,   ва - силь, ва - силь, ва - си - лё - чек,
 ва - силь, ва - силь, ва - си - лё - чек.   И

Second section lyrics:

ба - гро - вень - кой,   баг - ро - вень - кой твой цвя - то - чек,
 ба - гро - вень - кой твой цвя - то - чек.

Василь, василь,
 Василь, василь, василёчек,
 Василь, василь, василёчек.
 И багровенькой,
 Багровенькой твой цвяточек,
 Багровенькой твой цвяточек.
 В четверг тябе,
 В четверг тябе я садила,
 В четверг тябе я садила,

А в пятницу,
А в пятницу поливала,
А в пятницу поливала.
А в субботу,
А в субботу сыривала,
А в субботу сыривала.
В воскресенье,
В воскресенье вянок вила,
В воскресенье вянок вила.
Звивши вянок,
Звивши вянок, пошла в танок,
Звивши вянок, пошла в танок.
А в тем танку,
А в тем танку – мой нялюбый,
А в тем танку – мой нялюбый,
Мой нялюбый,
Мой нялюбый в гусли йграет,
Мой нялюбый в гусли йграет.
Яво гусли,
Яво гусли лубяные,
Яво гусли лубяные.
Яво смычок,
Яво смычок пеньковенъкий,
Яво смычок пеньковенъкий.
Как зайграет,
Как зайграет – мне ня люба,
Как зайграет – мне ня люба.
Мои ноги,
Мои ноги подломились,
Мои ноги подломились.
Мои руки,
Мои руки опустились,
Мои руки опустились.
На мне вянок,
На мне вянок вянеть, вянеть,
На мне вянок вянеть, вянеть.

Во мне сердца,
Во мне сердца ноеть, ноеть,
Во мне сердца ноеть, ноеть.
Василь, василь,
Василь, василь, василёчек,
Василь, василь, василёчек.
И багровенькой,
Багровенькой твой цвяточек,
Багровенькой твой цвяточек.
В четверг тябе,
В четверг тябе садила,
В четверг тябе я садила,
А в пятницу,
А в пятницу поливала,
А в пятницу поливала.
А в субботу,
А в субботу сырывала,
А в субботу сырывала.
В воскресенье,
В воскресенье вянок вила,
В воскресенье вянок вила.
Зивиши вянок,
Зивиши вянок, пошла в танок,
Зивиши вянок, пошла в танок.
А в том танку,
А в том танку мой миленький,
А в том танку мой миленький.
Мой миленький,
Мой миленький в скрипку играет,
Мой миленький в скрипку играет.
Яво скрипка,
Яво скрипка медяная,
Яво скрипка медяная.
Яво смычок,
Яво смычок золотенький,
Яво смычок золотенький.

Как зайдрает,
 Как зайдрает, мне весёло,
 Как зайдрает, мне весёло.
 Мои ножки,
 Мои ножки плясать пошли,
 Мои ножки плясать пошли.
 Мои руки,
 Мои руки махать стали,
 Мои руки махать стали.
 На мне венчик,
 На мне венчик зиянесть,
 На мне венчик зиянесть.
 Во мне сердце,
 Во мне сердце весялеет,
 Во мне сердце весялеет.

298
Во поле берёзонька стояла

J = 108

The musical score consists of four staves of music in 2/4 time, with a key signature of one flat. The tempo is marked *J = 108*. The lyrics are integrated into the musical lines, with some words underlined to indicate pitch or rhythm. The lyrics are:

Во по-ле бे - рёzonька сто - я - ла, во по-ле куд - ря-ва - я сто - я - ла,
 лю - ли, лю - ли сто - я - ла, лю - ли, лю - ли, сто - я - ла. Та-ры-
 ба - ры - рас - та - ба - ры, снеж-ки бе - лы вы - па - да - ли, се - ры зайд - цы вы - бе -
 га - ли, о - хот - ник - ки вы - сэ - жа - ли, крас - ну дё - ви - цу спой - ма - ли. "Ты дё - ви - ца,
 стой, стой, стой, стой! Кра-са - ви - ца, с на - ми вмес - те пой, пой, пой! Я не

маль - чик, не твой, раз - го - ва - ри - вать сто - бой. Чу -
 вель мой, чу - вель - чу - вель - на - вель - вель - вель - вель. Е - щё
 чу - до пер - вей чу - до, чу - до - Ро - ди-на мо - я! Е - щё
 чу - до пер - вей чу - до, чу - до - Ро - ди - на мо - я!

Во поле берёзонька стояла,

Во поле кудрявая стояла,

Люли, люли стояла,

Люли, люли стояла.

Припев: Тары-бары-растабары,

Снежки белы выпадали,

Серы зайцы выбегали,

Охотнички выезжали,

Красну девицу споймали:

- Ты, девица, стой, стой, стой!

Красавица, с нами вместе пой, пой, пой!

Я не мальчик, не твой

Разговаривать с тобой.

Чувель мой, чувель,

Чувель-навель, вель-вель-вель,

Еще чудо первей, чудо,

Чудо – Родина моя!

Еще чудо первей, чудо,

Чудо – Родина моя!

Пойду я в лес, погуляю,

Белую берёзу заломаю,

Люли, люли, погуляю,
Люли, люли, заломаю.
Припев.

Сломаю себе я три пруточка,
Сделаю себе я три гудочка,
Люли, люли, три пруточка,
Люли, люли, три гудочка.
Припев.

Вы, мои гудочки, не гудите,
Красную вы девку не будите,
Люли, люли, не гудите,
Люли, люли, не будите.

298a Во поле береза стояла

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Люли, люли стояла,
Люли, люли стояла.
Тары-бары-растабары,
Охотнички выбегали,
Красну девку вызывали:
– Ты, девица, стой, стой, стой,
Красавица, с нами песню пой, пой, пой.
Чувиль, мой чувиль, чувиль,
Чувиль-навиль, виль-виль-виль,
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.

Я пойду, пойду, погуляю,
Белую березу заломаю,

Люли, люли, заломаю,
Люли, люли, заломаю.
Тары-бары-растабары,
Охотнички выбегали,
Красну девку вызывали:
– Ты, девица, стой, стой, стой,
Красавица, с нами песню пой, пой, пой.
Чувиль, мой чувиль, чувиль,
Чувиль-навиль, виль-виль-виль,
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.

Срежу я с березы три пруточка,
Сделаю из них я три гудочка,
Люли, люли, три гудочка,
Люли, люли, три гудочка.
Тары-бары-растабары,
Охотнички выбегали,
Красну девку вызывали:
– Ты, девица, стой, стой, стой,
Красавица, с нами песню пой, пой, пой.
Чувиль, мой чувиль, чувиль,
Чувиль-навиль, виль-виль-виль,
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.

Четвертую балалайку,
Четвертую балалайку,
Люли, люли, балалайку,
Люли, люли, балалайку.
Тары-бары-растабары,

Охотнички выбегали,
Красну девку вызывали:
– Ты, девица, стой, стой, стой,
Красавица, с нами песню пой, пой, пой.
Чувиль, мой чувиль, чувиль,
Чувиль-навиль, виль-виль-виль,
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.

Стану в балалайку играть,
Стану в балалайку играть,
Люли, люли, все играть,
Люли, люли, играть.
Тары-бары-растабары,
Охотнички выбегали,
Красну девку вызывали:
– Ты, девица, стой, стой, стой,
Красавица, с нами песню пой, пой, пой.
Чувиль, мой чувиль, чувиль,
Чувиль-навиль, виль-виль-виль,
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.
Еще чудо, перво чудо,
Чудо, Родина моя.

Поется на мелодию песни «Во поле берёзонька стояла».

299

Высоко заря занималася

Вы - со - ко за - ря за - ни - ма - - ла - ся, вы - со -
ко за - ря за - ни - ма - - ла - ся.

Высоко заря занималася,
Ой, выше ельничку-бярёзничку.
На реке девка умывалася,
А красотою выхвалялася.
– Ты, краса моя девоцкая,
А ты кому, краса, достанешься?
Либо вору, либо пьянице,
Ли майору, ли полковничку?
Досталася горькому пьянице.
Во кабак идет – шатается,
С кабака идет – валяется,
А домой придет – ругается:
– Иди, милая, раздень, разуй меня!
А мне, младенькой, не хочется
Коло пьяного ворочаться.
Ой, коло пьяного ворочаться.
Мои рученьки бялешеньки,
Мои пальчики тонешеньки.
Мои рученьки мараются,
Мои пальчики ломаются.

Каждая строка повторяется дважды.

300

Возле речки, речки

Возле речки, речки
Лежат две дощечки, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Лежат две дощечки.
На одной дощечке
Холст Машенька прала, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Холст Машенька прала.

Холст Машенька прала,
Круто выжимала, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Круто выжимала.
Мимо шёл Егорка,
Стал ей любоваться, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Стал ей любоваться.
Стал ей любоваться,
В любви объясняться, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
В любви объясняться.
Маша покраснела,
Глаз поднять не смела, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Глаз поднять не смела.
Взяла Маша праник,
А Егор – холстину, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
А Егор – холстину.
И повёл до дому
Молоду дивчину, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Молоду дивчину.
Где-то раздаются
Колокола звоны, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Колокола звоны.
Венчаются наши
Маша и Егорка, наверно,
Ой ли, ой ли, ой люли,
Маша и Егорка.

Эх, упала ясная зорька с неба

Не спеша

Эх, у - па - - - ла яс - на - я зорь - ка с не -
ба, дай у - па - - - ла на зем - лю,
ой, да, дай у - па - - - ла на зем - лю.

Эх, упала ясная зорька с неба,
Дай упала на землю,
Ой, да, дай упала на землю.

Эх, зажурилась Дунька молодая
Дай по своем милом дружке,
Ой, да, дай о своем милом дружке.

Эх, а кто же меня, девку молодую,
Дай до дому довезе,
Ой, да, дай до дому довезе?

Эх, отколь взялся удалой молодчик
Дай на вороненьком коне,
Ой, да, дай на вороненьком коне.

Эх, гуляй, гуляй, Дуня молодая,
Я ж тебя до дому довезу,
Ой, да, я ж тебя до дому довезу.

301а

Ой, упала ясныя зорька

Ой, упала ясныя зорька с неба,
Да (й) упала на землю,
Ой, да да (й) упала на землю.
Зажурилась Дунька молодая
По своем милом дружке,
Ой, да по своем милом дружке.
– Кто уж меня, Дуньку молодую,
Все (й) до дому доведет,
Ой, да все (й) до дому доведет?
Откуль взялся вдалеке молодчик,
Все (й) на вороном коне.
Ой, да все (й) на вороном коне.
– А я тебя, Дуньку молодую,
Все (й) до дому доведу,
Ой, да все (й) до дому доведу.

Поется на мелодию песни «Эх, упала ясная зорька с неба».

302

Что зялён, зялён в лесе дубок

Что зя - лён, зя - лён, ой, что зя - лён, зя - лён
в ле - се ду - - бок.

Что зялён, зялён,
Ой, что зялён, зялён
А в лесе дубок.
Зеленее дуба, ох, зеленее дуба
Во всем лесе нет.
Что милей дружка,
Ой, что милей дружка
Во всем свете нет.

Милей батюшки, ой, милей батюшки,
Родной матушки.
Я отца, ой, да и мать,
Ой, да и мать
Я могу забыть.
Но милого дружка,
Ой, да про милого дружка
Не забуду я.

303

Что зялён, зялён

Что зялён, зялён,
Ой, что зялён, зялён
А в лесе дубок. Гу!

Зеляней дуба,
Ой, зеляней дуба
Во всем лесе нет. Гу!

Что милей дружка,
Ой, что милей дружка
Во всем свете нет. Гу!

Милей батюшки,
Ой, милей батюшки,
Родной матушки. Гу!

Я на батюшку,
Ой, я на батюшку,
Я могу забыть. Гу!

Я про матушку,
Ой, я про матушку,
Я могу забыть. Гу!

Про мила дружка,
Ой, про мила дружка
Не забудется. Гу!

Куды йду, молода,
Ой, куды йду, молода,
Думу думаю. Гу!

Думу думаю,
Ой, думу думаю
Всё не малую. Гу!

Поется на мелодию песни «Что зялён, зялён в лесе дубок».

304

Ой, что по полюшку всё туман, туман

Ой, что по по - - люш - ку, всё ту -
ман, ту - ман, по ло - щи - - нуш -
ке не - по - го - душ - ка. Гу!

Ой, что по полюшку всё туман, туман,
По лощинушке – непогодушка. Гу!

На моем сердце всё зазнобушка,
Зазнобил сердце рассердечный друг. Гу!

Он сушит, крушит меня, молоду,
Ой, хуже ветра, ветра буйного. Гу!

Ой, хуже ветра, ветра буйного,
Ой, хуже солнца, солнца жаркого. Гу!

Я сама девка да не глупая,
Я сама троих парней выслуша. Гу!

Я не зельичком, не кореньичком,
Я своим кротким поведеньичком. Гу!

Я пойду, млада, разгуляюся,
Я подарочком разменяюся. Гу!

На тебе, мил друг, шелковый платок,
Отдавай-ка мне золот перстенёк.

305

Ой, как по улице туман, туман

The musical score consists of four staves of music. The first staff starts with a tempo of 76 BPM. The key signature changes between G major (two sharps) and A major (one sharp). The time signature alternates between 2/4 and 3/4. The lyrics are written below each staff. The score is divided into two sections by double vertical bars (II and II).

О - й, как по у - ли - це ту - ман, ту - ман,
по ло - - ци - ноч - ке по - го - душ - ка.
О - й, по ло - - щи - - ноч - ке по - го - душ - ка,
на мо - - ём серд - це за - зно - буш - ка.

Ой, как по улице туман, туман,
По лошиничке – погодушка.

Ой, по лошиничке погодушка,
На моём сердце зазнобушка.

Ой, на моём сердце зазнобушка,
Зазнобушка – рассярдечный друг.

Ой, заботушка, рассярдечный друг,
Сушить, крушить мяне, молоду.

Ой, сушить, крушить, мяне, молоду,
Высушила на былиничку.

Ой, высушила на былиночку,
На чернью смородиночку.

Ой, а я ж сама, девка, няглупая,
Двоих-троих парней высушу.

Ой, двоих-троих парней высушу,
Не зялейком, ни кореньником.

Ой, ни зялейком, ни кореньником,
Всё своими горючими слязьми,

Ой, всё своими горючими слязьми...
Горючия слёзы котются.

Ой, горючия слёзы котаются,
А мне, младе, гулять хочется.

Ой, как пойду я, прогуляюся,
З милым (ы) другом повидаюся.

Ой, з милым другом повидаюся,
На подарки разменяюся.

Ой, возьми, милый, золото кольцо,
Отдай, милый, шелковой платок.

Ой, золото кольцо пускай сгниёт,
Шелковой платок в огне сторить.

Песня лирическая, приуроченная к Троице.

306

На улице огонь горит

The musical notation consists of two staves of music for a single melodic line. The tempo is indicated as♩=72. The first staff begins with a quarter note 'На', followed by eighth notes 'у - ли - це', then a quarter note 'о', another quarter note 'го - гонь', and a eighth note 'го - рит,'. The second staff continues with eighth notes 'онь - гонь', a quarter note 'го - рит,', then eighth notes 'к се - бе', another quarter note 'ма -', and finally eighth notes 'ният.'

На улице огонь горит,
Огонь горит, к себе манит.
Улица широкая,
Травушка зелёная.
Ко этому к огонюшку,
Ко этому ко жаркому
Прилетали три голубя,
Три голубя, три сизые.
Подралися, побилися,
Ругалися, бралися
За белую голубушку,
За белую красавицу.

Выходила к ним голубка,
Выходила к ним белая.
– Вы не бейтесь, не бранитесь,
По-доброму разойдитесь.
Да не всем я вам достанусь,
Не со всеми летать стану.
Я достанусь одному – кому,
Кто мне больше всех по нраву.
Кто мне больше всех по нраву,
С тем водить круги я стану.

Весной, на Пасхальной неделе или Троицу молодежь выходила на просохшие лужайки или горушки и водила хороводы. Тут парни в игре и выдавали свои тайны: кто мил его сердцу. Пойдет, поклонится, видит: у нее щечки запылали, а вскоре и сваты, а там и свадьбу жди.

Под березою, да, под кудрявою

Под березою, да,
 Под кудрявою,
 Ой ли, ой люли, да,
 Под кудрявою.
 Побил муж жену, да,
 Жену бравую.
 Ой ли, ой люли, да,
 Жену бравую.
 А жена мужу, да,
 Не корилася.
 Ой ли, ой люли, да,
 Не корилася.
 Низко в ноженьки, да,
 Не клонилася.
 Ой ли, ой люли, да,
 Не клонилася.
 Поклонилася, да,
 Свойму свекорку.
 Ой ли, ой люли, да,
 Свойму свекорку.
 – Ты мой, свекорка, да,
 Родной батюшка.
 Ой ли, ой люли, да,
 Родной батюшка.
 Отыми меня, да,
 От лиха мужа,
 Ой ли, ой люли, да,
 От лиха мужа.
 – Не могу отнять, да,
 Тебе волю дать,
 Ой ли, ой люли, да,
 Тебе волю дать.

Дело не мое, да,
 Дело мужнее.
 Ой ли, ой люли, да,
 Дело мужнее.
 Дело мужнее, да,
 Ты замужняя.
 Ой ли, ой люли, да,
 Ты замужняя.

Песню пели, когда водили хороводы на лугах.

308

Вдоль по улице

Вдоль по у - ли - це, да вдоль по ши - ро - кой, да
 ой, лю - ли, лю - ли, да вдоль по ши - ро - кой.

Вдоль по улице, да,
 Вдоль по широкой, да,
 Ой, люли, люли, да,
 Вдоль по широкой.
 Идут девушки, да,
 И молодушки, да,
 И молодушки, да.
 – Вы подруженьки, да,
 Вы постойте-ка, да,
 Вы постойте-ка, да,
 Подождите-ка, да.
 Белы рученьки, да,
 Подожмите-ка, да.
 Пойду попрошу, да,
 Свекра-батюшку.

– Свекор-батюшка, да,
 Отпусти гулять, да,
 Хоть на уличку, да,
 Под оконечко, да.
 – Я тогда пущу, да,
 Как семь шкур спущу, да.
 Шкур волочится, да,
 Гулять хочется.

*Песню пели, когда в Троицын день несли разнаряженную березку,
чтобы потом утопить ее в реке.*

309

Вдоль по улице

$\text{J} = 80$

Вдоль по у - ли - це, ои, ли, ой, лю - ли, вдоль по ши - ро - кой,
 И - дут де - вуш - ки, ои, ли, ой, лю - ли, вдоль по ши - ро - кой.
 всё мо - ло - душ - ки, ои, ли, ой, лю - ли, вдоль по ши - ро - кой.
 по - кой.

Вдоль по улице,
 Вдоль по широкой,
 Ой, ли, ой, люли,
 Вдоль по широкой.

Идут девушки,
 Всё молодушки,
 Ой, ли, ой, люли,
 Всё молодушки.

– Вы подруженьки,
Вы постойте-ка,
Ой, ли, ой, люли,
Вы постойте-ка.

Вы постойте-ка,
Подождите-ка,
Ой, ли, ой, люли,
Подождите-ка.

Белы рученьки
Подожмите-ка,
Ой, ли, ой, люли,
Подожмите-ка.

Пойду попрошу, да,
Свекра-батюшку,
Ой, ли, ой, люли,
Свекра-батюшку.

– Свекор-батюшка,
Отпусти гулять,
Ой, ли, ой, люли,
Отпусти гулять.

– Я тогда пущу,
Как семь шкур спущу,
Ой, ли, ой, люли,
Как семь шкур спущу.

Шкур (а) волочится –
Гулять хочется,
Ой, ли, ой, люли,
Гулять хочется.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Больши, большие, старшие девки (с. 34) – девушки, вступившие в возраст невест, т. е. 17–18 лет.

Верховые (с. 36) – жители той части деревни, которая расположена выше по течению реки.

Вилюльки (с. 38) – вид узора на ткани.

Длами (с. 27) – сокращенное от «дланями», т. е. ладонями.

Драчена (с. 12) – блюдо, основу которого составляет тертый сырой и вареный картофель, запеченный в печи.

Елань (с. 114) – большое ровное поле в окружении леса.

Завечать (с. 24) – загадывать.

Катетка (с. 34) – большой цветной платок.

Комелек (с. 86) – нижний обруб дерева, веника, снопа.

Куделя (с. 30) – пучок льна, приготовленный для пряжи.

КуревА (с. 90) – здесь: вихрь.

Куток (с. 37) – здесь: часть деревни.

Куфариться (с. 91) – пировать.

Маленьки, маленькие девки (с. 34) – девочки 12–13 лет.

Молодуха (с. 39) – то же, что молодка, т. е. женщина первого года замужества.

Мясоед (с. 40) – время с Крещенья до Масленицы.

Направлять (с. 38) – делать.

На зады (с. 76) – на огороды.

Низовые (с. 36) – жители той части деревни, которая расположена ниже по течению реки.

ЛичнАя катетка (с. 40) – платок, надеваемый на волосы.

По погостем (с. 42) – на кладбищах.

Полупраздник (с. 20) – праздник, омечаемый не весь день (как правило, до обеда).

Припектка (с. 39) – частушка.

Проголосные песни (с. 31) – традиционные лирические протяжные песни.

Стадясь (с. 145) – стыдясь.

Средни, средние девки (с. 34) – подростки 14–16 лет.

Стряпка (с. 90) – повариха.

Фартук с «решеткой» (с. 40) – «решетка» – вид вышитого узора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапкина Т.А. Мифopoэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т.А. Агапкина. – М.: Индрик, 2002.
2. Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч.1. / Е.В. Аничков. – СПб., 1903.
3. Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии. Т. 32. / В.С. Арефьев // Известия ВСОРГО. – Иркутск, 1902. – № 1–2. – С. 65–140.
4. Байбурина А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян / А.К. Байбурина. – Л.: Наука, 1983.
5. Белоусова Г.Г. История заселения Кежемского района Красноярского края / Г.Г. Белоусова // Материалы и исследования по сибирской диалектологии. – Красноярск, 1973. – С. 23–31.
6. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. / Т.А. Бернштам. – Л.: Наука, 1988.
7. Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX – начало XX в.) / Ф.Ф. Болонев. – Новосибирск, 1978.
8. Большая энциклопедия «Терра». В 62 т. Т. 52. / (гл. ред. С.А. Кондратьев). – М.: Терра, 2006.
9. Быконя Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке / Г.Ф. Быконя. – Новосибирск: Наука, 1981.
10. Виноградова Л.Н. Венок // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая; под ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1995. – С. 315–318.
11. Воскобойников В.М. Иллюстрированная православная энциклопедия / В.М. Воскобойников. – М.: Эксмо, 2008.
12. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси / Н.М. Гальковский. – Харьков, 1916.
13. Гальковский Н.М. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе / Н.М. Гальковский. – М., 1913.
14. Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.) / М.М. Громыко. – Новосибирск: Наука, 1975.

15. Даль. В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репринтное издание словаря 1880–1882 гг. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1978.
16. Зеленин Д.К. К вопросу о русалках / Д.К. Зеленин // Зеленин Д.К. Избранные труды: статьи по духовной культуре 1901–1913. – М.: Индрик, 1994. – С. 230–300.
17. Зеленин Д.К. Тотемистический кульп деревьев у русских и белорусов / Д.К. Зеленин // Известия АН. – 1933. – 7 серия. – №6. – С. 591–629.
18. Земцовский И.И. Мелодика календарных песен / И.И. Земцовский. – Л.: Музыка, 1975.
19. Зеньковский В.В. Христианство в истории / В.В. Зеньковский // Зеньковский В.В. Основы христианской философии. – М.: Канон, 1997.
20. Зуева Т.В. Народный русский календарь, его поэзия / Т.В. Зуева // Литература в школе. – 2010. – № 7. – С. 8–13.
21. Иванова А.А. Мать-сыра земля / А.А. Иванова // Русская словесность. – 1997. – №2. – С. 2.
22. Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. – Новосибирск: Наука, 1981.
23. Калинский И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси И.П. Калинского. Переиздание книги 1877 г. – М.: изд-во АСТ, 1997.
24. Красноженова М.В. Из народных обычаяев крестьян деревни Покровки (Томской губернии). Т. 2. / М.В. Красноженова // Известия Красноярского подотдела ВСОРГО. – Красноярск, 1914. – Вып. 6. – С. 67–116.
25. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Репринтное воспроизведение издания 1916 года. – Красноярск, 1995.
26. Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII вв. / В.Л. Комарович. – Л.: Наука, 1960. – Т. 16. – С. 84–104. – (Труды отдела древнерусской литературы).
27. Копылов А.Н. Русские на Енисее в XVII веке / А.Н. Копылов. – Новосибирск: Наука, 1961.

28. Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни / Ю.Г. Круглов. – М.: Высшая школа, 1982.
29. Макаренко А.А. Канун по сибирским селениям (Восточная Сибирь. Енисейская губерния) / А.А. Макаренко. – Отд. оттиск. – СПб., 1908.
30. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении / А.А. Макаренко. – СПб., 1913.
31. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традициях, обычаях и обрядах XIX – начала XX века / Г.С. Маслова. – М.: Наука, 1984. – С. 50–54.
32. Некрылова А.Ф. Русский традиционный календарь на каждый день и для каждого дома / А.Ф. Некрылова. – СПб.: Азбука-классика, 2009.
33. Новоселова Н.А. Сибирская Масленица: фольклорно-этнографические материалы. Семантика обрядовых действий / Н.А. Новоселова. – Красноярск, 2010. – С. 71–72.
34. Новоселова Н.А. Солнцеворот: традиционный народный календарь Енисейской губернии от Рождества до Ивана Купалы / Н.А. Новоселова. – Красноярск, 2005. – (Антология Енисейского фольклора).
35. Обрядовая поэзия / составление, примечания, подготовка текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. – М.: Современник, 1989.
36. Пашина О.А. Календарно-песенный цикл у восточных славян / О.А. Пашина. – М., 1998.
37. Пропп В.Я. Ритуальный смех в фольклоре / В.Я. Пропп // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М.: Наука, 1976. – С. 174–205.
38. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники / В.Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000.
39. Русские // [гл. ред. В.А. Александров]. – М.: Наука, 1997.
40. Рыбаков Б.А. Русалии и бог Симаргл-Переплут / Б.А. Рыбаков // Сов. археология. – 1967. – №2. – С. 102.
41. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – М.: Наука, 1981. – С. 366–367.

42. Сахаров И.П. Народные праздники и обычаи / И.П. Сахаров // Сахаров И.П. Сказания русского народа. – М.: Сов. Россия, 1990.
43. Снегирев И.М. О древнем и новом Семике / И.М. Снегирев // Московский вестник на 1829 г. – М., 1829. – Ч.5. – С. 164–186.
44. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суетверные обряды / И.М. Снегирев. – М., 1838.
45. Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов / В.К. Соколова. – М.: Наука, 1979.
46. Стоглав: собор, бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). – Лондон, 1860.
47. Толстой Н.И. Плакать на цветы / Н.И. Толстой // Русская речь. – 1976. – № 4. – С. 27–30.
48. Терновская О.А. Божья коровка и народный календарь / О. А. Терновская // Мифологические представления в народном творчестве. – М., 1993. – С. 50–69.
49. Терновская О.А. Божья коровка или ночь накануне Ивана Купалы (соотношение микро- и макроструктур) // Славянское и балканское языкознание. – М., 1993. – С. 41–54.
50. Тульцева Л.А. Умильно на пучок зари / Л.А. Тульцева // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 3. – С. 5–15.
51. Успенский Б.А. Антиповедение в культуре Древней Руси / Б.А. Успенский // Успенский Б.А. Избранные труды. – М., 1999. – Т.1 – С. 461–465.
52. Фурсова Е.Ф. Семицко-троицкие обычаи и обряды восточных славян Приобья второй половины XIX – 30-х годов XX в. // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 3. – С. 35–48.
53. Христианство: энциклопедический словарь / (гл. ред. С.А. Аверинцев). – М.: Большая советская энциклопедия, 1993.
54. Чичеров В.И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI–XIX вв. / В.И. Чичеров. – М., 1957.
55. Шангина И.И. Русские праздники: от святок до святок / И.И. Шангина. – СПб.: Азбука-классика, 2004.
56. Шмелев И.С. Лето Господне / И.С. Шмелев // Шмелев И.С. Избранное. – М.: Правда, 1989.

СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАТОРАХ И СОБИРАТЕЛЯХ

1. Бархатова Марфа Прокопьевна, 1905 г.р. Родилась в д. Кускун Березовского района. Записала в д. Бархатово Березовского района в 1989 г. Кравец И. (Архив КГПУ, коллекция 37, папка 4, лист 4 – далее: К. 37, п. 4, л. 4).

2. Арефьев В.С. Материалы по этнографии Енисейского уезда Енисейской губернии. Т. 32. / В.С. Арефьев // Известия ВСОРГО. – Иркутск, 1902. – № 1–2. – С. 138.

3. Белобородова Татьяна Ефимовна, 1905 г.р. Родилась в с. Рождественское Казачинского района. В Вороковку приехала в 1926 году. Записали в 1987 г. в д. Вороковке Казачинского района Новоселова Н.А., Кожемякина Т. (К. 26, п. 3, л. 6).

4. Бархотова М.П. См. № 1.

5. Земчакова Марфа Дмитриевна, 1905 г.р. Родилась в Белоруссии. Записали в 1972 г. в Ирбее Брюханова С., Пиго Н. (К. 36, п. 7, л. 17).

6. Руденкова Зинаида Егоровна, 1928 г.р. Родилась в Белоруссии. Записано в п. Таежный Богучанского района в 1983 г. (К. 14, п. 23, л. 41).

7. Жагурина Анастасия Леоновна, 1926 г.р. Родилась в Смоленской области. В Тасеево с 1933 г. Записали в Тасеево в 1992 г. Соколова С.В., Васильев В. (Фоноархив кафедры русской литературы КГПУ, пленка 32, запись 4/1992 – далее: Фоноарх. КГПУ, пл. 32-4/1992).

8. Карлова Мария Николаевна, 1913 г.р. Родилась в д. Нижняя Кая Ирбейского района. Записали в с. Ирбей в 1989 г. Романова Н., Власенко И. (К. 36, п. 7, л. 2).

9. Шарлюк Константин Федорович, 1915 г.р. Родился в д. Курбатово Казачинского района. Записали в Казачинском в 1987 г. Пономарева Т., Лебедева Т. (К. 26, п. 3, с. 17).

10. Федешова Ольга Александровна, 1917 г.р. Родилась в Рязани. Записали в с. Межово Саянского района в 1982 г. Брагина С., Пустолобова Л. (К. 18, п. 5, с. 25).

11. Верхотурова Агафья Петровна, 1905 г.р. Родилась в д. Фролово Кежемского района. Записали в 1979 г. в Таежном Кежемского района Шестакова Н., Злобина С. (К. 5, п. 2, л. 1, текст В).

12. Арефьев Степан Алексеевич, 1903 г.р. Родился в д. Арефьево Бирюлюсского района. Записала в Бирюлюсах в 1988 г. Новоселова Н. А. (Архив Новоселовой Н.А. Фольклорная практика 1998 года, тетрадь 2, страница 25 – далее: Ф. п. 1988 г., т. 2, с. 25).

13. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении. – СПб., 1913. – С. 168.

14. Арефьев С.А. См. № 12. (К. 31, п. 14, л. 5).

15. Мутовин Егор Васильевич, 1904 г.р. Родился в с. Богучаны. Записала в 1986 г. в п. Богучаны Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 1, л. 5).

16. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 168.

17. Макаренко А.А. Там же.

18. Рагоза Мария Еремеевна, 1912 г.р. Родилась в с. Велимовка Казачинского района. Записали в Мокрушенском Казачинского района в 1989 г. Новоселова Н. А., Горенская С. (Ф. п. 1989 г., т. 2, л. 4).

19. Попова Агния Федоровна, 1905 г.р. Родилась в д. Закемь Казачинской волости. В д. Момотово Казачинского района переехала в 1951 г. Записали в д. Момотово Казачинского района в 1990 г. Новоселова Н. А., Колесников А. (Фоноарх. КГПУ, пл. 10 б-1/1990).

20. Насенник Дарья Матвеевна, 1911 г.р. Родилась в д. Потоский (Орджоникидзе) Мотыгинского района. В Мотыгино с 1960 г.

Записали в Мотыгино в 1985 г. Мизонова Н., Черепенникова О. (К. 22, п. 20, л. 16).

21. Нестерова В. А., 1918 г.р. Родилась в Бархатово Березовского района. Записали в 1986 г. в д. Бархатово Ланчук И., Погребная С. (К. 35, п. 4, л. 7).

22. Бархатова Аксинья Михайловна, 1906 г.р. Родилась в д. Бархатово Березовского района. Записали в 1986 г. в Бархатово Филина, Шехтель (К. 37, п. 4, л. 4).

23. Елизарьева А.А., 1916 г.р. Родилась в д. Еловка Бирюлусского района. Записала в 1982 г. в д. Еловка Вайда М. (К. 31, п. 17, л. 33).

24. Потапова Алена Игнатьевна, 1918 г.р. Родилась в д. Пашино Мотыгинского района. В Мотыгино с 1950 г. Записали в Мотыгино в 1985 г. Кулакова С., Генова Ю. (К. 22, п. 16, л. 30).

25. Логинова Анна Павловна, 1912 г.р. Родилась в Иркинеево Богучанского района. В п. Ангарский Богучанского района переехала в 1959 г. Записала в п. Ангарском Новоселова Н. А. (Ф. п. 1987 г., т. 2, л. 9).

26. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 167.

27. Сахаров И.П. Народные праздники и обычай / И.П. Сахаров // Сахаров И.П. Сказания русского народа. – М.: Сов. Россия, 1990. Цит. по: Макаренко А.А. Сибирский народный календарь в этнографическом отношении / А.А. Макаренко. – СПб., 1913. – С. 167.

28. Кузьмина Клавдия Пахомовна, 1907 г.р. Родилась в Енисейске. Записали в 1987 г. в д. Ялань Енисейского района Кириллова О., Корнеева Н. (К. 37, п. 9, л. 3).

29. Трифонова Евдокия Павловна, 1907 г.р. Родилась в д. Старые Бирюлуссы. Записали в п. Новые Бирюлуссы в 1988 г. Новоселова Н.А, Пантина О. (К. 31, п. 14, л. 16).

30. Лысенко Валентина Егоровна, 1905 г.р. Родилась в с. Рыбном Мотыгинского района. В Мотыгино с 1929 г. Записали в Мотыгино в 1985 г. Ульянкина С., Скляренко Л. (К. 22, п. 20, л. 4).

30а. Брюханова Мария Алексеевна, 1900 г.р. Родилась в д. Богучанская Заимка, неграмотная. Записали в п. Богучаны Новоселова Н. А., Ананьев И. (Фоноарх. КГПУ, пл. Д1-7/1981).

31. Соседова Ольга Петровна, 1918 г.р. Родилась в д. Манзе Богучанского района. Записали в 1983 г. в Манзе Новоселова Н. А., Северина О., Ковальчук И. (Ф. п. 1983 г., т. 1, л. 25).

32. Мутовина Клавдия Петровна, 1906 г.р. Родилась в Богучанах. Записала в Богучанах в 1986 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 1, л. 29).

33. Безруких Юлия Иннокентьевна, 1914 г.р. Родилась в д. Ярки Богучанского района. Записали в д. Ярки в 1981 г. Новоселова Н. А., Столярова И., Лукин Н. (К. 11, п. 8, л. 24).

34. Скурихина Мария Ивановна, 1918 г.р. Родилась в д. Бедобе Богучанского района. Записали в 1989 г. в Бедобе Новоселова Н. А., Волкова С., Никулина С. (К. 34, п. 4, л. 20).

35. Скурихина М.И. См. № 34.

36. Колпакова Марфа Васильевна, 1910 г.р. Родилась в д. Бузыканово (на реке Муре – притоке Ангары). С 1983 г. в Богучанах. Записала в Богучанах в 1986 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 2, л. 25, л. 28).

37. Колпакова Анна Яковлевна, 1911 г.р. Родилась в д. Юрохта Богучанского района. С 1920 г. в Богучанах. Записали в 1986 г. в Богучанах Новоселова Н. А., Дмитриева И. (Фоноарх. КГПУ, пл. Лэ 2-2/1986).

38. Арефьева Аксинья Устиновна, 1907 г.р. Родилась в д. Арефьево Бирюллюсского района. Записали в 1988 г. в д. Арефьево Ярлыкова Н., Попова Л. (К. 31, п. 14, л. 3).

39. Трифонова Евдокия Павловна, 1907 г.р. Родилась в д. Чепушево Бирюллюсского района. Записали в 1988 г. в Бирюллюсах Новоселова Н. А. Пантина О., Петрова Т. (К. 31, п. 14, л. 14).

40. Дружинина Лукерья Семеновна, 1908 г.р. Родилась в д. Еловка Бирюллюсского района. Записали в Еловке в 1988 г. Новоселова Н. А., Лосева С. (К. 31, п. 14, л. 6).

41. Прохоров Борис Денисович, 1902 г.р. Родился в д. Еловке Бирилюсского района. Записали в 1988 г. в Еловке Новоселова Н. А. Рупосова О. (К. 31, п. 14, л. 1).

42. Шпакова Августина Николаевна, 1920 г.р. Родилась в д. Вахрушево Тасеевского района. Родители из Орловской губернии. Записали в Вахрушево в 1992 г. Новоселова Н. А., Дроздова Т. (К. 43, п. 1, л. 5).

43. Кольцова Матрена Федоровна, 1916 г.р. Родилась в д. Канарай Тасеевского района. Родители из Тамбовской губернии. Записала в Тасеево в 1990 г. Зубец О. (К. 40, п. 4, л. 9).

44. Селиванова Татьяна Ефимовна, 1923 г.р. Родилась в д. Акатек Тасеевского района. С 1973 г. в Тасеево. Записали в с. Тасеево в 1990 г. Соколова С.В., Зубец О. (Фоноарх. КГПУ, пл. К2-3/1991).

45. Рудаковская Ефросинья Сергеевна, 1927 г.р. Родилась в д. Унже Тасеевского района; Утенкова Мария Ульяновна, 1927 г.р. Родилась в д. Унже Тасеевского района. Записали в Унже в 1991 г. Кузнецова Е., Фролова А. (К. 42, п. 3, л. 22).

46. Попкова Вера Павловна, 1915 г.р. Родилась в д. Вахрушево Тасеевского района. Записали в 1991 г. в Вахрушево Феоктистова О., Шаронова О. (К. 42, п. 3, л. 3).

47. Елисеенко Анна Ивановна, 1915 г.р. Родилась в Могилевской губернии. Приехала в Сибирь в детстве. Записали в 1992 г. д. Дудовке Казачинского района Соколова С.В., Веселина Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. М2-1/1992).

48. Катаева Лидия Ивановна, 1930 г.р. Родилась в д. Плотино Тасеевского района. В Тасеево приехала в 1952 г. Записали в Тасеево в 1992 г. Новоселова Н. А., Веселина Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. 43а-8/1992).

49. Рябушкина Анна Ульяновна, 1910 г.р. Родилась в д. Ивановке Бирилюсского района. Родители из России. С 1974 г. в д. Орловке Бирилюсского района. Записали в Орловке в 1989 г. Богович Е., Черникова О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 26-9/1989).

50. Стальмакова Софья Семеновна, 1929 г.р. Родилась в д. Орловке Бирилюсского района; Стальмаков Николай Алексеевич, 1934 г.р. Родился в д. Михайловке Бирилюсского района. Записали в Орловке в 1990 г. Булычева Е., Трёшина Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. Н1–3/1990).

51. Черепанова Клавдия Андреевна, 1916 г.р. Родилась в д. Еловке Бирилюсского района. Записала в Еловке в 1988 г. Новоселова Н. А. (К. 31, л. 14, л. 5).

52. Тепельникова Александра Николаевна, 1915 г.р. Родилась в Тасеевском районе. В д. Манзе Богучанского района с 1939 г. Записали в 1983 г. в Манзе Демиденок Е., Григорьева М. (К. 14, п. 19, с. 5).

53. Куравкина Федосья Георгиевна, 1923 г.р. Родилась в д. Плотбино Тасеевского района. Записала в д. Унжа Тасеевского района в 1991 г. Леонович О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 21–9/1991).

54. Корнеева Пелагея Александровна, 1910 г.р. Родилась в Троицке Тасеевского района. Записали в 1992 г. в Троицке Соколова С. В., Васильев В. (Фоноарх. КГПУ, пл. Г2–2/1992).

55. Дружинин Яков Никандрович, 1908 г.р. Родился в д. Арефьево Бирилюсского района, вырос в д. Еловке Бирилюсского района. Записала в Еловке в 1988 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1988 г., т. 2, л. 12).

56. Сашик Ксения Федоровна, 1908 г. р. Родилась в с. Межово Саянского района. Записали в Межово в 1982 г. Викулова Л., Коцура Л. (К. 18, п. 5, л. 22).

57. Мясоедова Татьяна Федоровна, 1911 г. р. Родилась в д. Междуречье Тасеевского района. С 1952 г. в Тасеево. Записали в Тасеево в 1990 г. Новоселова Н. А., Старосельская О. (К. 40, п. 6, с. 9).

58. Барнева Полина Николаевна, 1906 г.р. Родилась в Смоленской губернии. В Сибирь приехала в 1918 г. В Тасеево приехала из д. Акатек Тасеевского района. Записали в Тасеево в 1992 г. Соколова С. В., Зубец О. (Фоноарх. КГПУ, пл. В2–2/1992).

59. Андronова Елена Георгиевна, 1910 г.р. Родилась в с. Галанино Казачинского района. Записали в Галанино в 1992 г. Скомороха Т., Карасева Ю. (Фоноарх. КГПУ, пл. Ю1-2/1992).

60. Троицына Нина Матвеевна, 1911 г.р. Родилась в с. Галанино Казачинского района. Записали в Галанино в 1987 г. Киндякова С., Дунцова В. (К. 33, п. 6, л. 19).

61. Досеновалова Федосья Алексеевна, 1911 г.р. Родилась в д. Бархатово Березовского района. Записала в Бархатово в 1984 г. Голубева Н. (К. 25, п. 1, л. 17).

62. Ноздрина Александра Ивановна, 1921 г.р. Родилась в д. Сопки Сухобузимского района. С 1930 г. в Мотыгино. Записали в Мотыгино в 1985 г. Воробьева И., Дмитриева И. (К. 22, п. 16, л. 20).

63. Карлова М.Н. См. № 8 (К. 6, п. 17, л. 17).

64. Гладковская Федора Ивановна, 1913 г.р. Родилась в д. Калиновке Саянского района. Записали в Калиновке в 1982 г. Журавlevа О., Иванова С. (К. 18, п. 5, л. 3).

65. Бухай Евгения Ивановна, 1930 г.р. Родилась в д. Переяславке Рыбинского района. С 1952 г. в с. Межово Саянского района. Записали в Межово в 1982 г. Журавlevа В., Иванова С. (К. 18, п. 5, л. 4).

66. Кольцова М.Ф. См. № 43.

67. Титова Татьяна Ивановна, 1928 г.р. Родилась в Смоленской области. В Сибири с детства. Записали в д. Фаначет Тасеевского района в 1990 г. Шитова Н., Звонарева Л. (К. 40, п. 4, л. 16).

68. Прохорова Евгения Николаевна, 1919 г.р. Родилась в д. Мокрушинское Казачинского района. С 1949 г. в Галанино Казачинского района. Записали в Галанино в 1988 г. Сацуќ, Серебрянникова (К. 33, п. 4, л. 40).

69. Галич Матрена Афанасьевна, 1918 г. р. Родилась в д. Данилки Тасеевского района. Родители из Смоленской губернии. Записали в Данилках в 1991 г. Новоселова Н.А., Васильев В. (Фоноарх. КГПУ, пл. Д2-7/1991).

70. Сивакова Анастасия Андреевна, 1918 г.р. Родилась и живет в д. Ялай Тасеевского района. Записали в Ялае в 1991 г. Соколова С.В., Васильев В. (Фоноарх. КГПУ, пл. Е 2-3/1991).
71. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 170.
72. Макаренко А.А. Там же.
73. Троицына Н.М. См. № 60.
74. Ситникова Алла Александровна, 1913 г.р. Родилась в д. Большой Кускун Березовского района. С 1930 г. в Красноярске. Записала в Красноярске в 1992 г. Пирогова Е.Н. (К. 44, п. 1, л. 9).
75. Носорева Мария Константиновна, 1913 г.р. Родилась в Смоленской губернии. В Сибирь приехала в детстве. Записали в 1991 г. в д. Бартанас Тасеевского района Новоселова Н.А., Дроздова Т. (К. 42, п. 1, л. 12).
76. Ноздрина А.И. См. № 62.
77. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 170.
78. Макаренко А.А. Там же.
79. Шимохина Александра Осиповна, 1905 г.р. Родилась в с. Рождественское Казачинского района. Записали в с. Казачинском в 1987 г. Махрова С., Кислова М. (К. 26, п. 3, л. 13).
80. Рузанова Аксинья Андреевна, 1905 г.р. Уроженка Казанской губернии. С 1937 г. в п. Решающий Канского района. Записали в 1985 г. в Мотыгино Новоселова Н.А., Мизонова Н. (К. 22, п. 14, л. 4).
81. Черных Елизавета Нефедовна, 1907 г.р. Родилась в д. Матвеевке Казачинского района. Записали в Мокрушинском Казачинского района в 1990 г. Новоселова Н.А., Колесников А. (Фоноарх. КГПУ, пл. Дэ1-/1989).
82. Галич М.А. См. № 69.
83. Барнева П.М. См. № 58.
84. Ольхина Елена Герасимовна, 1912 г.р. Родилась в д. Фаначет Тасеевского района. Записали в Фаначете в 1990 г. Романова И., Зaborцева О. (К. 40, п. 4, л. 21).

85. Кабанова Пелагея Александровна, 1911 г.р. Родилась в с. Троицк Тасеевского района. Записали в Троицке в 1992 г. Соколова С. В., Тимофеева О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 41 б-2/1992).
86. Кириллова Анна Алексеевна, 1919 г.р. Родилась в д. Ново-троицкой Казачинского района. Записали в 1989 г. в Енисейске Кириллова О., Корнева Н. (К. 3, п. 10, с. 13).
87. Кузьмина Клавдия Пахомовна, 1907 г.р. Родилась в Енисейске. Записали в 1987 г. в д. Ялани Енисейского района Кириллова О., Корнеева Н. (К. 37, п. 9, л. 3).
88. Скурихина М.И. См. № 34.
89. Логинова Матрена Ильинична, 1903 г.р. Родилась в д. Бузыканово Пинчугской волости. Записала в д. Климино Богучанского района в 1980 г. Новоселова Н. А. (К. 7, п. 7, л. 1).
90. Макеева Мария Гавrilовна, 1904 г.р. Родилась в д. Рудяная Канского района. Записали в д. Бархатово Березовского района в 1986 г. Филина Т., Миськова О. (К. 37, п. 4, л. 11).
91. Охмянина Евгения Викторовна, 1911 г.р. Родилась в д. Арефьево Бирюлюсского района. Записали в Арефьево в 1988 г. Богоевич Е., Черникова О. (К. 31, п. 17, л. 28).
92. Черных Е.Н. См. № 81.
93. Федешова Ольга Александровна, 1917 г.р. Уроженка Рязани. Записали в с. Межово Саянского района в 1989 г. Ермолаева Т., Гарусова Е. (К. 37, п. 4, с. 9).
94. Андронова Елена Георгиевна, 1910 г.р. Родилась в Галанино Казачинского района. Записали в 1992 г. в Галанино Новоселова Н. А., Дроздова Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. Ю1-4/1992).
95. Шимохина А.О. См. № 79.
96. Скурихина М.И. См. № 34.
97. Ноздрина А.И. См. № 62.
98. Ковалева Анна Кузьминична, 1918 г.р. Родилась в д. Орловке Бирюлюсского района. Родители из Могилевской губернии. Записали в Орловке в 1989 г. Богоевич Е., Черникова О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 20 а-7/1989).

99. Нестерова В.А. См. № 21.

100. Кулешова Мария Кирилловна, 1906 г.р. Родилась в Ирбейском районе. Записали в Мотыгино в 1985 г. Усова С., Михаденок Т. (К. 22, п. 16, л. 15).

101. Карлова М.Н. См. № 8.

102. Минкина Вера Павловна, 1930 г.р. Родители из Белоруссии; Гудилина Пелагея Васильевна, 1921 г.р.; Ковалева Анна Кузьминична, 1918 г.р. Родители из Могилева. Все родились в д. Орловке Бирилюсского района. Записали в Орловке в 1989 г. Юринская А., Ковалева О. (К. 39, п. 4, л. 6).

103. Кокарева Анна Николаевна, 1923 г.р. Родилась в Ирбейском районе. В п. Красный Маяк Канского района приехала в 1973 г. Записали в п. Красный маяк в 1987 г. Мирошниченко А., Юревич С. (К. 27, п. 8, л. 2).

104. Зайцев Александр Прокопьевич, 1910 г.р. Родился в д. Зайцево Удерейского (Мотыгинского) района. В Мотыгино с 1915 г. Записали в Мотыгино в 1985 г. Ульянкина С., Скляренко Л. (К. 22, п. 20, л. 21).

105. Безрукых Валентина Ивановна, 1912 г.р. Родилась в д. Каменке Богучанского района. Записали в Мотыгино в 1985 г. Ковалчук М., Жукова О. (К. 22, п. 20, л. 34).

106. Панова Прасковья Терентьевна, 1913 г.р. Родилась в д. Кодинке Кежемского района. Записали в д. Рожково Кежемского района в 1989 г. Густомесова Н., Вязанкина С. (К. 14, п. 2, л. 6).

107. Рукосуева Пелагея Григорьевна, 1910 г.р. Родилась и живет в д. Пинчуге Богучанского района. Записали в Пинчуге в 1987 г. Новоселова Н. А., Дмитриева И. (Фоноарх. КГПУ, пл. Уэ1-2/1987).

108. Скурихина Мария Ивановна, 1918 г.р. Родилась в д. Бедобе Богучанского района. Записали в Бедобе в 1989 г. Новоселова Н. А., Волкова С. (К. 34, п. 4, л. 22).

109. Брюханова Анна Максимовна, 1906 г.р. Родилась в д. Карабуле Богучанского района. Записали в 1983 г. Новоселова Н. А., Галанова Н. (Ф. п. 1983 г., т. 1, л. 2).

110. Кузьмина К.П. См. № 28.

111. Колпакова Валентина Григорьевна, 1931 г.р. Родилась в д. Сухово Тасеевского района. Записали в Сухово в 1991 г. Соколова С. В., Головинский Е. (Фоноарх. КГПУ, пл. Л1–8/1991).

112. Андronова Елена Георгиевна 1910 г.р. Родилась в с. Галанино Казачинского района. Записали в Галанино в 1992 г. Махрова С., Горенская С. (Фоноарх. КГПУ, пл. Ю1–4/1992).

113. Сивакова Анастасия Андреевна, 1918 г.р. Родилась и живет в д. Ялай Тасеевского района. Записали в Ялае в 1991 г. Соколова С. В., Васильев В. (Фоноарх. КГП, пл. Е2–3/1991).

114. Бустынская Евдокия Федосеевна, 1908 г.р. Родилась в Иркутской области. В Мотыгино с конца 1930-х годов. Записали в Мотыгино в 1985 г. Родина О., Губайдуллина Г. (К. 22, п. 12, л. 19).

115. Мутовин Е.В. См. № 15.

116. Смолина Мария Владимировна, 1913 г.р. Родилась в д. Богучанская Заимка. Записали в Богучанах в 1986 г. Новикова Л., Явонова Ю. (К. 24, п. 5, л. 21).

117. Верхотурова Елена Гавриловна, 1915 г.р. Родилась и живет в д. Рожково Кежемского района. Записала в Рожково в 1980 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1980 г., т. 2, л. 15).

118. Вардо Екатерина Лаврентьевна, 1926 г.р. Родилась в д. Мине Партизанского района. Записали в Мине в 1984 г. Ярошонок, Гужевская, Аверченко. (К. 17, п. 8, л. 34).

119. Андronова Е.Г. См. № 112.

120. Федешова О.А. См. № 93.

121. Мурашкина Екатерина Савельевна, 1924 г.р. Родилась в Могилеве. В Сибири с 1925 г. Записали в с. Большой Улуй в 1991 г. Тимофеева О., Пятницкая В. (К. 43, п. 2, л. 3).

122. Кабанова Пелагея Александровна, 1911 г.р. Родилась в с. Троицк Тасеевского района. Записали в Троицке в 1992 г. Соколова С.В., Тимофеева О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 416-2/1992).
123. Селиванова Т.Е. См. № 44. (Фоноарх. КГПУ, пл. К2-3/1991).
124. Карлова М.Н. См. № 8.
125. Кольцова М.Ф. См. № 43.
126. Галич М.А. См. № 69.
127. Сивакова А.А. См. № 70.
128. Рудаковская Е.С. См. № 45.
129. Рябушкина А.У. См. № 49.
130. Смоляков Леон Галактионович, 1929 г.р. Родился в д. Выезжий лог Манского района. Записали в Партизанском в 1984 г. Лихацкая Е., Пономарева О. (К. 17, п. 8, с. 35).
131. Шпакова А.Н. См. № 42. (Ф.п. 1992 г., т. 1, л. 11).
132. Седых Мария Григорьевна, 1905 г.р. Родилась в Иркутской области. В Ирбейском районе с 1914 г. Записала в Ирбее в 1979 г. Власенко И. (К. 36, п. 7, л. 5).
133. Шимохина А.О. См. № 79.
134. Вардо Е.Л. См. № 118.
135. Дащук Надежда Ивановна, 1923 г.р. Родилась в д. Богуславке Партизанского района. Родители из-под Тулы. Записали в Богуславке в 1991 г. Виниченко О., Рябченок Т. (К. 30, п. 2, с. 4).
136. Рябушкина А.У. См. № 49. (Фоноарх. КГПУ, пл. 2 б-9/1989).
137. Елисеенко Анна Ивановна, 1915 г.р. Родилась в Могилевской губернии. Приехала в Сибирь в детстве. Записали в д. Дудовке Казачинского района в 1991 г. Новоселова Н.А., Соколова С.В. (Фоноарх. КГПУ, пл. М2-1/1992).
138. Лапина Софья Григорьевна, 1932 г.р. Родилась в д. Климовке Большеулуйского района. Родители из Белоруссии. В Большой Улуй приехала в 1986 г. Записала в 1991 г. Дроздовская Н. (К. 42, п. 2, л. 7).

139. Зайцев А.П. См. № 104. (К. 22, п. 12, л. 7).
140. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 170.
141. Беспрозванных Сергей Фёдорович. 1916 г. р Родился в д. Бархатово Березовского района. Записали в Бархатово в 1986 г. Ланчук И., Погребная С. (К. 25, п. 1, л. 20).
142. Сашик К.Ф. См. № 56.
143. Куимова Нина Абрамовна, 1912 г.р. Родилась в д. Заледево Казачинского района. В 1930-е годы приехала в Мотыгино. Записали в Мотыгино в 1985 г. Новоселова Н. А., Мизгина О. (Ф.п. 1985 г., т. 1, л. 23).
144. Троицына Н.М. См. № 60.
145. Демина Татьяна Васильева, 1916 г.р. Родилась в д. Вороквке Казачинского района. Записали в Вороквке в 1988 г. Новоселова Н. А., Горенская С., Ярлыкова Н. (К. 26, п. 6, л. 16).
146. Дорофеева Наталья Михайловна, 1912 г.р. Родилась в Рождественском Казачинского района. Записали в Рождественском в 1987 г. Тясто Ю., Карелина Т. (К. 26, п. 6, л. 9).
147. Деньгина Ефросинья Ивановна, 1909 г.р. Родилась в Рождественском Казачинского района. Записали в Рождественском в 1988 г. Прейн А., Чернова И. (К. 33, п. 4, л. 26).
148. Черных Е.Н. См. № 81. (К. 33, п. 4, л. 44).
149. Дорофеева Анастасия Федоровна, 1905 г.р. Родилась в с. Казачинское. Записали в Казачинском в 1987 г. Пономарева Т., Лебедева Т. (К. 26, п. 6, л. 3).
150. Рагоза М.Е. См. № 18.
151. Попова А.Ф. См. № 19.
152. Кудрявцева Нина Ефимовна, 1913 г.р. Родилась в Троицке Тасеевского района. Записали в 1992 г. Новоселова Н. А., Дроздова Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. 53а-4/1992).

153. Рукосуева (Мосеевых) Аксинья Ефимовна, 1922 г.р. Родилась в д. Яркино Богучанского района. Записала в 1986 г. в Яркино Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 5, л. 7).

154. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 170.

155. Качина Анна Семеновна, 1905 г.р. Родилась в д. Кежемская Займка. С 1930-х годов в д. Болтурино Кежемского района. Записали в Болтурино в 1979 г. Новоселова Н. А., Шульгина Н. (Фоноарх. КГПУ, пл. Ш2-10/1979).

156. Черняева Екатерина Фиапентьевна, 1904 г.р. Родилась в д. Пинчуге Богучанского района. Записала в Пинчуге в 1986 г. Новоселова Н. А. (Фоноарх. КГПУ, пл. Аэ2-2/1987).

157. Рукосуева Пелагея Григорьевна, 1910 г.р. Родилась в д. Пинчуге Богучанского района. Записали в Пинчуге в 1986 г. Новоселова Н. А., Дмитриева И. (Фоноарх. КГПУ, пл. Уэ1-2/1987).

158. Арефьев В.С. Указ. раб. С. 140.

159. Черняева Е.Ф. См. № 156.

160. Лушникова Елена Трофимовна, 1899 г.р. Родилась в Ярках Богучанского района. Записали в Ярках в 1981 г. Явонова Ю., Лукина О. (К. 8, п. 12, л. 11).

161. Лушникова Анна Николаевна, 1905 г.р. Родилась в д. Ярки Богучанского района. Записали в Ярках в 1981 г. Новоселова Н. А., Явонова Ю. (К. 8, п. 12, л. 14).

162. Черняева Е.Ф. См. № 156.

163. Панова Мария Ивановна, 1916 г.р. Родилась в д. Кежемской Займке. Записали в п. Таежный Кежемского района в 1979 г. Новоселова Н. А., Жуковская С. (К. 5, п. 2, л. 2).

164. Колпакова Мавра Васильевна, 1910 г.р. Родилась в д. Бузыканово (на реке Муре – притоке Ангары) Богучанского района. С 1983 г. в Богучанах. Записала в 1986 г. в Богучанах Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 2, л. 28).

165. Верхотурова Елена Гавриловна, 1915 г.р. Родилась в д. Рожково Кежемского района. Записала в Рожково в 1980 г. Новоселова Н.А. (Ф.п. 1980 г., т. 2, с. 10).

166. Брюханова Ульяна Егоровна, 1905 г.р. Родилась в д. Надуй Богучанского района. Записала в 1986 г. в д. Климино Богучанского района Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 4, с. 9).

167. Ступуль Матрена Павловна, 1921 г.р. Родилась в д. Ивановке Бирилюсского района. Записали в Ивановке в 1989 г. Новоселова Н.А., Колесников А., Пантина О. (Фоноарх КГПУ, пл. 16 б-12/1989).

168. Дегтярева Ульяна Георгиевна, 1911 г.р. Родилась в д. Унже Тасеевского района. Записали в Унже в 1991 г. Фролова А., Кузнецова Е. (К. 42, п. 1, л. 4).

169. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 172.

170. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 171.

171. Скурихина Мария Ивановна, 1918 г.р. Родилась в д. Бедобе Богучанского района. Записали в Бедобе в 1989 г. Новоселова Н.А., Никулина О. (К. 34, п. 4, л. 15).

172. Злобина Матрена Федотовна, 1913 г.р. Родилась в д. Струково Тасеевского района. Записали в д. Бахчет Тасеевского района в 1992 г. Соколова С.В., Тимофеева О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 36 а-30/1992).

173. Потапов Алексей Григорьевич, 1919 г.р. Родился в д. Кукуй Удерейского (Мотыгинского) района. С 1945 г. в Мотыгино. Записали в Мотыгино в 1985 г. Новоселова Н.А., Медведева И. (К. 22, п. 12, л. 14).

174. Попкова Вера Павловна, 1915 г.р. Родилась в д. Вахрушево Тасеевского района. Записали в Вахрушево в 1991 г. Феоктистова О., Шаронова О. (К. 42, п. 3, л. 5).

175. Ольхина Елена Герасимовна, 1912 г.р. Родилась в д. Фаначет Тасеевского района. Записали в д. Фаначет в 1990 г. Романова И., Зaborцева О. (К. 40, п. 4, л. 21).

176. Гаврилина Анна Кузьминична, 1918 г.р. Родилась в д. Данилки Тасеевского района. Записали в д. Вахрушево Тасеевского района в 1991 г. Новоселова Н.А., Дроздова Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. 216–10/1991).

177. Сичиденко Мария Семеновна, 1905 г.р. Родилась в с. Межово Саянского района. Записали в Межово в 1982 г. Викулова Л., Кошура П. (К. 18, п. 11, л. 7).

178. Гец Надежда Федоровна, 1907 г.р. Родилась в с. Межово Саянского района. Записали в Межово в 1982 г. Куприянчик С., Горлакова Г. (К. 18, п. 11, л. 9).

179. Сичиденко М.С. См. № 177.

180. Галич М.А. См № 69.

181. Кудрявцева Анна Ефимовна, 1913 г.р. Родилась в с. Троицк Тасеевского района. Записали в Троицке Новоселова Н. А., Дроздова Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. 53а–4/1992).

182. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 171.

183. Колпаков Григорий Николаевич, 1910 г.р. Родился в д. Гольтиявино Богучанского района. Там рос и женился. С 1946 г. в Богучанах. Записала в Богучанах в 1981 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1981 г., т. 1, с. 6).

184. Рукосуева Пелагея Григорьевна, 1910 г.р. Родилась в д. Пинчуге Богучанского района. Записали в Пинчуге в 1987 г. Новоселова Н. А., Дмитриева И. (Фоноарх. КГПУ, пл. Уэ1–7/1987).

185. Гец Н.Ф. См. № 178.

186. Верхотурова Е.Г. См. № 165.

187. Рогова Вера Максимовна, 1922 г.р. Родилась в д. Кодинск Кежемского района. Записала в д. Рожково Кежемского района в 1980 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1980 г., т. 1, с. 5).

188. Кулакова Анна Семеновна, 1913 г.р. Родилась в д. Сыромолотово Богучанского района. Записала в Сыромолотово в 1981 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1981 г., т. 1, с. 3).

189. Потапова Устинья Яковлевна, 1909 г.р. Родилась в д. Зайцево Мотыгинского района. С 1973 г. в Мотыгино. Записали в Мотыгино в 1985 г. Мизонова Н., Черепенникова О. (К. 22, п. 12, л. 22).
190. Попова Александра Ивановна, 1910 г.р. Родилась в д. Климино Богучанского района, Записала в Климино в 1986 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 4, с. 4).
191. Безруких Григорий Николаевич, 1900 г.р. Родился в д. Каменка Богучанского района. Записала в д. Заледеево Богучанского района в 1986 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 3, с. 16).
192. Брюханова Ульяна Егоровна, 1905 г.р. Родилась в д. Надуй Богучанского района. Записала в д. Климино Богучанского района в 1986 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 4, с. 11).
193. Иванова Мария Ивановна, 1910 г.р. Родилась и живет в Богучанах. Записала в Богучанах в 1986 г. Новоселова Н. А. (Ф. п. 1986 г., т. 1, с. 43).
194. Рукосуева (Мосеевых) А.Е. См. № 153.
195. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 171.
196. Разутова Мария Кузьминична, 1912 г.р. Родилась в д. Успенке Тасеевского района. Записали в д. Корсаково Тасеевского района в 1991 г. Мартынова Е., Шурко С. (Фоноарх. КГПУ, пл. У2-1/1991).
197. Заманкова Валентина Афанасьевна, 1926 г.р. Родилась в д. Данилки Тасеевского района. Записали в д. Бартанас Тасеевского района в 1991 г. Новоселова Н. А., Дроздова Т., Карасева Ю. (К. 42, п. 2, л. 5).
198. Миронова Ирина Семеновна, 1905 г.р. Родилась в д. Козульке. Записали в Козульке в 1990 г. Рукавишникова Л., Шрамкова Р. (К. 9, п. 6, л. 22).
199. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 171.
200. Макаренко А.А. Там же.

201. Ходакова Варвара Николаевна, 1900 г.р. Родилась в д. Мине Партизанского района. Записали в д. Мине в 1984 г. Лихацкая Е., Пономарева О. (К. 17, п. 8, л. 9).

202. Сашик К.Ф. См. № 56.

203. Бухай Евгения Ивановна, 1930 г.р. Родилась в д. Переяславке Рыбинского района. С 1952 г. в с. Межово Саянского района. Записали в Межово в 1982 г. Журавлева В., Иванова С. (К. 18, п. 5, л. 4).

204. Горнаков Василий Сергеевич, 1923 г.р. Родился в с. Рождественское Казачинского района. Записали в Казачинском в 1987 г. Горенская С., Ярлыкова Н. (К. 26, п. 3, л. 11).

205. Башовкина Евгения Макаровна, 1917 г.р. Родилась в д. Ивановке Бирилюсского района. С 1947 г. в д. Шуточкино Бирилюсского района. Записали в Шуточкино в 1988 г. Пащенко С., Портнова О. (К. 31, п. 17, л. 45).

206. Гуськова Анна Петровна, 1919 г.р. Родилась в Подмосковье. Приехала в Сибирь в 1925 г. Записали в Мотыгино в 1985 г. Соколова С., Шырырап Ш. (К. 22, п. 16, л. 3).

207. Гольшмит Елена Федоровна, 1912 г.р. Родилась в д. Ное Партизанского района. Записали в с. Мина Партизанского района в 1984 г. Рябова, Чепуштанова. (К. 17, п. 8, л. 20).

208. Чащина Аграфена Ивановна, 1914 г.р. Род. в с. Большое Кемское Казачинского района. С 1934 г. в д. Вороковке Казачинского района. Записали в Вороковке в 1987 г. Гуркова А., Цуркан М. (К. 26, п. 6, л. 11).

209. Насенник Д.М. См. № 20.

210. Солдатенкова Марфа Егоровна, 1908 г. р. Родилась в п. Старый Смоленской губернии. В Сибирь приехала в 1960-е годы. Записали в 1985 г. М.Ф. Шульпекова и Н.А. Шульпеков в п. Красный Завод Боготольского района.

211. Башовкина Е.М. См. № 205.

212. Гудилина Пелагея Васильевна, 1921 г.р. Родилась в д. Орловке Бирилюсского района. Родители из Могилевской губернии. Записали в Орловке в 1989 г. Новоселова Н. А., Черникова О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 26-7/1989).

213. Блохина Евдокия Афанасьевна, 1922 г.р. Родилась в д. Бартанас Тасеевского района. Записали в Бартанасе в 1981 г. Веселина Т., Перфилова Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. 296-8/1991).

214. Новолаева Е.А., 1911 г.р. Родилась в д. Орловке Бирилюсского района. Родители из Могилевской губернии; Гудилина П.В. См. № 212.

215. Ситникова Ефимья Никитична, 1891 г.р. Родилась в Могилевской губ. С 1907 г. в д. Еловке Бирилюсского района. Записали в Еловке в 1988 г. Борисенко Е., Меднис О. (К. 31, п. 17, л. 16).

216. Гудилина П.В. См. № 212; Новолаева Е.А. См. № 214.

217. Чурилова Анна Никифоровна, 1907 г.р. Родилась в д. Вороковке Казачинского района. В 1924 г. переехала в Казачинское. Записали в Казачинском в 1987 г. Новоселова Н. А., Кожемякина Т. (Ф. п. 1987 г., т. 2, с. 12).

218. Манова Елизавета Григорьевна, 1913 г.р. Родилась в д. Закеми Казачинского района. С 1967 г. в с. Мокрушинском Казачинского района. Записали в Мокрушинском в 1988 г. Дроздова Т., Черняева Н. (К. 28, п. 1, л. 15).

219. Кулешова М.К. См. № 100.

220. Шарлюк К.Ф. См. № 9.

221. Кудрявцева Н.Е. См. № 152.

222. Кулакова Екатерина Ивановна, 1917 г.р. Родилась в д. Заледеево Богучанского района. Записали в Заледеево в 1986 г. Глущенко С., Фролкина Е., Столярова О. (К. 23, п. 2, л. 23).

223. Охмянина Е.В. См. № 91.

224. Потапова Устинья Яковлевна, 1901 г.р. Родилась в д. Зайцево Мотыгинского района. Записали в Мотыгино в 1985 г. Черепенникова О., Мизонова Н. (К. 22, п. 16, л. 23).

225. Селиванова Т.Е. См. № 44.

226. Чурилова А.Н. См. № 217. (К. 8, п. 6, л. 16).

227. Ферапонтова Любовь Васильевна, 1927 г.р. Родилась в д. Вершино-Яковлево Тасеевского района. Записали в с. Тасеево в 1990 г. Новоселова Н.А., Васильев В. (Фоноарх. КГПУ, пл. Ж2-1/1990).

228. Петрова Клавдия Ивановна, 1902 г.р. Родилась в д. Рыбное Мотыгинского района. Записали в Рыбном в 1985 г. Ульянкина С., Скляренко Л. (К. 22, п. 16, л. 4).

229. Стебунова Татьяна Илларионовна, 1922 г.р. Родилась в д. Данилки Тасеевского района. Мать из Витебска, отец из Орла. Записали в Данилках в 1990 г. Новоселова Н.А., Шитова Н. (К. 40, п. 6, л. 13).

230. Заева Александра Романовна, 1906 г.р. Родилась в д. Верхняя Уря Ирбейского района. Записали в п. Ирбей в 1979 г. Храмкова Л., Алексеева В. (К. 6, п. 6, л. 18).

231. Боярышникова Ольга Сергеевна, 1923 г.р. Родилась в п. Ирбей Записали в Ирбе в 1989 г. Алгазина М., Лыхова О. (К. 36, п. 7, л. 10).

232. Разутова М.К. См. № 196.

233. Михайлова Ульяна Егоровна, 1919 г.р. Родилась в с. Заледеево Богучанского района. Записала в 1982 г. в Заледеево Новоселова Н.А. (Ф. п. 1982 г., т. 1, с. 13).

234. Брюханова Мария А., 1900 г.р. Родилась в д. Богучанская Зaimка. Записали в Богучанах в 1986 г. Новоселова Н.А., Соколова С.В., Явонова Ю. (Фоноарх. КГПУ, пл. Ф 1-4/1986).

235. Лысенко Валентина Егоровна, 1905 г.р. Родилась в д. Рыбное Мотыгинского района. С 1929 г. в Мотыгино. Записали в Мотыгино в 1985 г. Ульянкина С., Скляренко Л. (К. 22, п. 16, л. 4).

236. Потапов А.Г. См. № 173.
237. Насенник Д.М. См. № 20.
238. Березина Елена Яковлевна, 1912 г.р. Родилась в д. Рыбное Козульского района Записала в Козульке в 1992 г. Птицына Е. (К. 44, п. 1, л. 8).
239. Брюханова Анна Максимовна, 1906 г.р. Родилась в д. Карабуле Богучанского района. Записали в Карабуле в 1983 г. Новоселова Н.А., Ваганова Н. (Ф.п. 1983 г., т. 1, с. 2).
240. Скурихина М.И. См № 34.
241. Бархатова Мария Петровна, 1907 г.р. Родилась в д. Бархатово. Березовского района. Записала в Бархатово в 1989 г. Жуковская С. (К. 37, п. 4, л. 4).
242. Щепакина Анна Григорьевна, 1920 г.р. Родилась в д. Верхотин Иланского района. Записали в с. Нижний Ингаш в 1987 г. Польская И., Терешкова С. (К. 29, п. 3, л. 3).
243. Троицына Н.М. См. № 60.
244. Гудилина П.В. См. № 212.
245. Беспрозванных Сергей Федорович, 1916 г.р. Родился в д. Бархатово Березовского района. Записали в Бархатово в 1986 г. Мутли А., Полищук Е. (К. 25, п. 3, л. 12).
246. Макаренко А.А. Указ раб. С. 172.
247. Макаренко А.А. Там же.
248. См. № 234. Записали в Богучанах в 1981 г. Новоселова Н. А., Ананьев И. (Ф.п. 1981 г., т. 3, с. 4).
249. Куимова Нина Абрамовна, 1912 г.р. Родилась в д. Заледево Казачинского района. Записали в Мотыгино в 1985 г. Новоселова Н. А., Медведева И., Трифонова С. (К. 22, п. 16, л. 29).
250. Стебунова Т.И. См. № 229.

251. Юргенсон Александра Васильевна, 1919 г.р. Родилась в Троицке Тасеевского района. Записали в Троицке в 1988 г. Перова Л., Шестакова Н. (К. 32, п. 10, л. 2).

252. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 172.

253. Румянцева Лидия Мироновна, 1912 г.р. Родилась в с. Рождественское Казачинского района. Записали в Рождественском в 1990 г. Сацук, Серебренникова. (Фоноарх. КГПУ, пл. 5 а-1/1990).

254. Деньгина Дарья Ефимовна, 1909 г.р. Родилась в с. Рождественском Казачинского района. Записали в Рождественском Новоселова Н. А., Пантина О. (Фоноарх. КГПУ, пл. 34а-4/1990).

255. Белобородова Т.Е. См. № 3. (Фоноарх. КГПУ, пл. 20а-2/1987).

256. Чурилова А.Н. См. № 217.

257. Кирюхина Мария Михайловна, 1902 г.р. Родилась в д. Заледеево Казачинского района, неграмотная. Записали в Галанино Казачинского района Чернова Ю., Прейн Н. (К. 33, п. 4, л. 30).

258. Белоусова Павлина Егоровна, 1912 г.р. Родилась в Челноках Казачинского района, неграмотная. Записали в Челноках в 1990 г. Коновалова Е., Бондарева Л. (К. 41, п. 8, л. 9).

259. Макаренко А.А. Указ. раб. С. 172.

260. Макаренко А.А. Канун по сибирским селениям (Восточная Сибирь. Енисейская губерния) / А.А. Макаренко. – Отд. оттиск. – СПб., 1908. – С. 4.

261. Качина Анна Семеновна, 1905 г.р. Родилась в д. Кежемской Заимке. Записали в с. Болтурино Кежемского района в 1979 г. Новоселова Н. А., Шульгина Н. (К. 5, п. 11, л. 6).

262. Рукосуева Пелагея Григорьевна, 1910 г.р. Родилась в д. Пинчуге Богучанского района. Записали в Пинчуге в 1987 г. Новоселова Н. А., Дмитриева И. (Фоноарх КГПУ, пл. Уэ1-2/1987).

263. Камелико Екатерина Семеновна, 1913 г.р. Родилась в д. Ивановке Бирюльского района. Записали в Большом Утве в 1991 г. Соколова С.В., Ширалова Е. (К. 43, п. 2, л. 4).

Троицкие песни

Песни про березу

264. Ты не радуйся, дубьё-ясенье*. – Солдатенкова Марфа Егоровна, 1908 г. р. Родилась в п. Старый Смоленской губернии. В Сибирь приехала в 1960-е годы. Записали в 1985 г. М.Ф. Шульпекова и Н.А. Шульпеков в п. Красный Завод Боготольского района. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 56.

265. Берёзынька бела*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 55.

266. Ох, елья ты, елья, берёзонька. – Безруких Мария Васильевна, 1906 г.р. Родилась в д. Ярки Богучанского района. Записали в 1982 г. в Ярках Новоселова Н.А., Ананьев И. (Фоноарх. КГПУ, пл. Б1–4/1982). Нотировала А. Онищенко.

267. Елья ты, елья, берёzonька. – Бортникова Маремьяна Никитична, 1902 г.р. Родилась в д. Ярки Богучанского района. Записали в д. Пинчуге Богучанского района Новоселова Н.А., Григорьев, Щербак Т., Проценко. (Фоноарх. КГПУ, пл. К1–10). Нотировала Н.В. Леонова.

268. Берёzonька лугу позавидовала. – Гавриленко Е. К., 1913 г.р. Родилась в Тасеевском районе. Родители исполнительницы приехали в Сибирь из Смоленской губернии. Записал в 1976 г. в д. Веселой Тасеевского района и нотировал К.М. Скопцов // За лесом солнце воссияло: народные песни Тасеевского района / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2002. – С. 42.

269. На Святую Троицу девицы играли. – Авдеева М.Г., 1922 г.р. Записала в 1992 году в д. Ашкаул Канского района и нотировала Г.М. Косых. (Архив ГЦНТ, дипломная работа Косых Г.М.).

270. Берёзку ломала. – Авдеева М.Г., 1922 г.р. Записали Савостькин С.А., Злотенко Е. в д. Ашкаул Канского района в 1991 г. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 57.

271. Долина-долинушка*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 57.

272. Александровска береза. – Менделеева П.М., 1921 г.р.; Куцина В.П., 1936 г.р. Записал в 1982 г. в с. Новобирилюссы и нотировал К.М. Скопцов // На серебряной реке: народные песни Бирюльского района / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2001. – С. 40.

272а. Александровска берёза. – Петрова Мария Ивановна, 1922 г.р. Родилась в д. Вахрушево, образование 4 кл. Родители орловские. Записали в д. Вахрушево Тасеевского района Новоселова Н.А., Дроздова Т., Скоморох Т. (Фоноарх. КГПУ, пл. 26-а/1991).

Песни на завивание венков

273. Пойдёмте, девочки, на луги-лужочки. – См. № 69. Записали в 1990 г. в д. Данилки Тасеевского района Новоселова Н.А., Глушкова Е., Яковенко О. (Фоноарх. КГПУ, пл. Д1-7/1991). Нотировала Н.В. Леонова.

274. ПойдёмтЯ, девочки, у луги-лужочки. – Булычик М.И., 1923 г.р. Родилась в Смоленской области. Записали в с. Б. Косуль Боготольского района Онищенко Н.Н., Онищенко А.М., Экард Л.Д. Нотировала Н.Н. Онищенко.

275. Пойдём, девочки, мы в лужки, в лужки. – Ранцева Мария Илларионовна, 1934 г.р. Родилась в д. Ишимке Большегульского района, образование 4 кл. Родители из Белоруссии. Записано в с. Удачном Большегульского района в 2008 г. Нотировала Л. Распопова // Соколя мой ясный: сборник экспедиционных материалов / Сост. С.В. Калинина. – Красноярск, 2008. – С. 5.

276. Пойдём, девки, логом. – Цыпкина Н.И., 1909 г.р. Записал в 1976 г. в п. Рассвет Канского района и нотировал К.М. Скопцов //

Ты воспой, жаворонушек: репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов. – Красноярск, 2002. – С. 23.

277. Пойдёмте-ка, девки, ў луги гуляти*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 52.

278. Во Семик венки да завивали*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 51.

Песни, исполняемые во время кумления

279. Ну-ка, кумушки, мы покумимся*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 53.

280. Уж ты, бабушка-купорезница*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 56.

Гадания по венкам

281. Вы кумушки, голубушки, подружки мои. – См. № 275. Нотировал А. Трофимов // Соколя мой ясный: сборник экспедиционных материалов / Сост. С.В. Калинина. – Красноярск, 2008. – С. 6.

282. Как на той широкой луговине. – См. № 275. Нотировал А. Трофимов // Соколя мой ясный: сборник экспедиционных материалов / Сост. С.В. Калинина. – Красноярск, 2008. – С. 9.

283. Как на этой на долине. – Зорина Ульяна Ивановна, 1914 г. р. Записал в д. Ашкаул Канского района и нотировал Г.В. Свинцов. (Архив ГЦНТ, дипломная работа Свинцова Г.В.).

284. Как на этой на долинке. – Садохина М.А., 1929 г. р. Записала в Краснотуринске в 1995 г. и нотировала М.Н. Садохина. – (Архив ГЦНТ, дипломная работа Садохиной М.Н.).

Майские песни

285. Как за лесом, лесом. – См. № 69. Записали в 1991 г. в д. Данилки Тасеевского района Новоселова Н.А., Васильев В. (Фоноарх. КГПУ, пл. Д1–6/1991). Нотировала Н.В. Леонова.

286. Что за лесом, лесом. – Однорогова Вера Онуфриевна, 1938 г. р. Родилась в д. Данилки Тасеевского района. Образование 10 кл. Родители из Смоленской губернии; Деменкова Мария Гавриловна, 1915 г.р. Родилась в д. Данилки. Родители из Смоленской губернии, неграмотная; Ракова Татьяна Онуфриевна, 1921 г.р. Родилась в д. Данилки. Родители из Смоленской губернии. Образование 4 кл. Записали в 1990 г. в Данилках Новоселова Н.А., Глушкова Е., Яковенко О. (Фоноарх. КГПУ, пл. И2–8/1980).

287. По лугам-лужочкам*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 55.

288. За двором пшаница*. – См. № 264. Остальные данные неизвестны.

289. Во мыху, во лесе. * – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 54.

290. Не кукуй, кукушечка. – Копышкова Анастасия Михайловна, 1926 г.р. Родилась и живет в д. Данилки Тасеевского района. Образование 2 кл. Записали в 1991 г. Новоселова Н. А., Васильев В. (Фоноарх. КГПУ, пл. Б2–5/1991).

291. Не кукуй, кукушка, в зеленой дубраве. – См. № 69. (Фоноарх. КГПУ, пл.Д1–4/1991).

292. Молодая вдовка по двору ходила. – Записал в 1988 г. в д. Данилки Тасеевского района и нотировал К.М. Скопцов. Запевали Галич М.А., 1918 г. р.; Спиряева В.И., 1939 г. р.; Капышкова А.М., 1926 г. р. // За лесом солнце воссияло: народные песни Тасеевского района / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2002. – С. 41.

293. А в моху-болоте *. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 54.

294. Старый у городе конопельки сеет*. – См. № 264. Нотировал Н.А. Шульпеков // Расскажи ты, бабка / Сост. Н.А. Шульпеков. – Красноярск, 2008. – С. 56.

295. Эх, в зеленом садочку. – Петрова Мария Ивановна, 1922 г.р., Смолина Александра Устиновна, 1929 г.р., Федорук Нина Акимовна, 1929 г.р., Шедловская Анна Гавриловна, 1929 г.р. Записана в д. Вахрушево Тасеевского района. Нотировала М.Э. Фиткевич. (Архив ГЦНТ, дипломная работа Фиткевич М.Э.).

295а. Во зеленом ў садочке. – Гришаева Елена Петровна, 1910 г.р. Родилась и живет в д. Вахрушево Тасеевского района, неграмотная; Петрова Мария Ивановна, 1922 г.р. Родилась и живет в д. Вахрушево, образование 4 кл. Родители из Орловской губернии; Захарцова Мария Григорьевна, 1917 г.р. Родилась и живет в д. Вахрушево, родители брянские, образование 3 кл. Записали в д. Вахрушево Тасеевского района Новоселова Н.А., Дроздова Т., Скомороха Т. (Фоноарх. КГПУ, пл.26-а/1991).

Песни троицких хороводов

296. Василь, василь, василёчек. – Воротынская Т.С., 1928 г.р., Ступуль М.П., 1921 г.р. Остальные данные неизвестны.

297. Василь, василь, василёчек. – См. № 285. (Фоноарх. КГПУ, пл. Н1–4/1991). Нотировала Н.В. Леонова.

298. Во поле берёзонька стояла. – Ильюша М.Д., 1918 г.р.; Волошина М.И., 1917 г.р.; Жупалова Е.И., 1919 г.р.; Галат Е.М., 1920 г.р. Записал в 1977 г. в д. Новой Прилуке Рыбинского района и нотировал К.М. Скопцов // Ты воспой, жаворонушек: репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2002. – С. 27–28.

298а. Во поле береза стояла. – Фурсова Анна Тимофеевна, 1920 г.р.; Фурсов Андрей Ильич, 1916 г.р.; Рыбакова Мария Тимофеевна, 1926 г.р.; Шуточкина Ольга Алексеевна, 1918 г.р.; Жукова Дарья Ильинишна, 1920 г.р. Записали в 1988 г. в д. Еловке Бирюльского района Новоселова Н.А., Лосева С., Мальцева М. (Фоноарх. КГПУ, пл. М1–3/1988). Нотировала Е.С. Елисеева.

299. Высоко заря занималася. – См. № 286. (Фоноарх. КГПУ, пл. И2–9/1990). Нотировал К.М. Скопцов.

300. Возле речки, речки. – Кучина В.П., 1936 г.р. Записал в 1982 г. в с. Новобирилюссы К.М. Скопцов. Остальные данные неизвестны.

301. Эх, упала ясная зорька с неба. – См. № 69. Нотировал К.М. Скопцов // За лесом солнце воссияло: народные песни Тасеевского района / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2002. – С. 14.

301а. Ой, упала ясная зорька. – Спириева Валентина Иосифовна, 1939 г.р. Родилась в д. Данилки Тасеевского района, образование 10 кл. Родители из Смоленской губернии; Деменкова Мария Гавриловна, 1915 г.р. Родилась в д. Данилки. Родители из Смоленской губернии; Плохих Мария Тихоновна, 1927 г.р. Родилась в Данилках, образование 4 кл. Родители из Орловской губернии. Записали в 1990 г. в Данилках Новоселова Н.А., Зубец О., Зaborцева О. (Фоноарх. КГПУ, пл. Н1-2/1990).

302. Что зялён, зялён в лесе дубок. – Червякова М.Ф., 1928 г.р. Родилась в д. Орловке Бирилюсского района. Записали в 1990 г. в Орловке Скрипачева Л.И., Коноплева А., Стороженко Н. (Фоноарх. КГПУ, пл. М 2-2/1990).

303. Что зялён, зялён. – Минкина В.П., 1930 г.р.; Филькова Е.Е., 1923 г.р.; Гудилина Т.В., 1927 г.р.; Романова А.С., 1922 г.р. Записал в 1996 г. в д. Орловке Бирилюсского района и нотировал К.М. Скопцов // На серебряной реке: народные песни Бирилюсского района / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2001. – С. 39.

304. Ой, что по полюшку всё туман, туман. – Записана в 1985 г. в д. Петровке Бирилюсского района от группы женщин. Запевала Яцко Л.Г., 1929 г.р. Записал и нотировал К.М. Скопцов // На серебряной реке: народные песни Бирилюсского района / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2001. – С. 38.

305. Ой, как по улице туман, туман. – См. № 275. Нотировал А. Трофимов // Соколя мой ясный: сборник экспедиционных материалов / Сост. С.В. Калинина. – Красноярск, 2008. – С. 8.

306. На улице огонь горит. – Гавриленко Е.К., 1913 г.р. Записал в 1976 г. в д. Веселой Тасеевского района и нотировал К.М. Скопцов // Ты воспой, жаворонушек: репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2002. – С. 25.

307. Под березою, да, под кудрявою. – Кучина В.П., 1936 г.р., Менделева П.М., 1921 г.р. Записал в 1982 году К.М. Скопцов. Остальные данные неизвестны.

308. Вдоль по улице. – Чекурина Е.Е., 1924 г.р.; Золотухина П.К., 1911 г.р.; Полевая А.Т., 1908 г.р.; Бычкова М.Л., 1912 г.р.; Тонких Е.А., 1914 г.р.; Дедовская Ф.Г., 1910 г.р. Записал в 1977 г. в с. Моторском Каратузского района и нотировал К.М. Скопцов // Песни земли Каратузской / Сост. К.М. Скопцов. – Красноярск, 2002. – С. 55.

309. Вдоль по улице. – Бычкова М.Л., 1912 г.р.; Тонких А.Е., 1914 г.р.; Дедовская Ф.Г., 1910 г.р. Записал в 1977 г. в с. Моторском Каратузского района и нотировал К.М. Скопцов // Ты воспой, жаворонушек: репертуарный сборник для детских фольклорных коллективов. – Красноярск, 2002. – С. 24.

Оглавление

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ	3
НАЗВАНИЯ ПРАЗДНИЧНОГО ПЕРИОДА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ	10
СЕМИК В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ	12
Семик – праздник девушек	20
Семицкие венки	22
Обрядовое угощение и ряжение берез.	
Семантика ряжения	27
ТРОИЦКАЯ СУББОТА	42
ТРОИЦА	51
Подготовка к празднованию	51
Происхождение праздника	52
Приметы	54
Восприятие праздника жителями края	57
Зеленая растительность в троицких обрядах	60
Троицкие пирсы в «венке» из берез	73
Ряженая березка в обрядах Троицы	77
Троицкие гадания по цветам и венкам	92
Кумление	96
Другие культуры и обрядовые действия на	
Семицко-Троицкой неделе	102
Судьба обрядовых березок	107
Троица – престольный, храмовый, съезжий праздник	111
ПЕСНИ СЕМИЦКО-ТРОИЦКОЙ НЕДЕЛИ	118
СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ	177
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	178
СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАТОРАХ И СОБИРАТЕЛЯХ	182

СЕМИК И ТРОИЦА

в народной культуре Приенисейской Сибири

*Фольклорно-этнографические материалы
Семантика обрядовых действий*

Составление, предисловие, примечания,
сбор материала и подготовка текста – Н.А. Новоселова

Ответственный за выпуск – Т.Н. Светюха

Редакторы: Е.А. Лемберг

Т.И. Пирогова

Компьютерная верстка – В.А. Развожаев

Краевое государственное бюджетное учреждение культуры
«Государственный центр народного творчества Красноярского края»
660021, г. Красноярск, ул. Ленина, 167
тел./факс (391) 221-78-04
www.krasfolk.ru

Формат 60×84/16

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 500 экз. Заказ № 1922

Изготовлено в ООО ИД «КЛАСС ПЛЮС»
г. Красноярск, ул. Маерчака, 65, стр. 23
тел. (391) 259-59-60